

ГОУ ВПО «ОРЛОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

СОЦИОЛОГИЯ

Хрестоматия

Составитель
С.А. Гаврилин

Орёл
ОрЮИ МВД России
2008

УДК 301
ББК 60.5
С 69

С69 **Социология : хрестоматия / сост. С.А. Гаврилин. - Орел: ОрЮИ МВД России, 2008. – 101 с.**

Хрестоматия содержит тексты наиболее известных социологов XIX-XX веков. Материал, представленный в хрестоматии соотносится с требованиями рабочей учебной программы по данной дисциплине.

Данная хрестоматия предназначена для курсантов, слушателей и студентов Орловского юридического института МВД России, стремящихся углубить свои знания в области социологии.

УДК 301
ББК 60.5

© ОрЮИ МВД России, 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей и охватывающая первый период развития социологии книга содержит в себе произведения выдающихся социальных мыслителей прошлого, которые воплотили в своей научной деятельности принципы научности и гуманистичности в исследовании общества.

Основные разделы книги посвящаются формированию классической социологии второй половины XIX - первой трети XX в. Прежде всего в ней даются научные тексты из произведений, принадлежащих выдающимся социологам прошлого - О. Конту и Г. Спенсеру, а также представителям «натуралистической школы одного фактора», психологического направления Г. Тарду, В. Парето, Ф. Теннису, Ч.Х. Кули, З. Фрейду. Читатели найдут также тексты классиков социологии - Г. Зиммеля, Э. Дюркгейма и М. Вебера.

Рассмотрение и сопоставление различных школ и направлений социологической мысли убедительно показывает, что среди них нет «правильных» и «неправильных», «верных» и «неверных». Каждый крупный социолог-теоретик интересен не только с исторической точки зрения. Его открытия в области общественнознания сохраняют свою ценность и в наши дни. Что же касается спора между различными направлениями социологии, то он с неизменностью убеждает нас в том, что даже в принципе невозможно создать одну универсальную теоретико-социологическую концепцию, которая обладала бы монополией на истинность. Социологическая реальность множественна, многогранна, изменчива. И потому каждая теория, в том числе и те, которые представлены в данной хрестоматии, имеют свои сильные стороны и свои открытия, отнюдь не перекрывающиеся достижениями конкурирующих школ.

Каждый социолог, претендующий в наши дни на высокий профессионализм в своей области деятельности, обязан обладать не просто историко-социологической эрудицией, но и глубоко личным, осмысленным отношением к историческому пути развития своей дисциплины, свободно ориентируясь при этом в различных направлениях социологической мысли, биографиях классиков социологии и их произведениях. Их понятийный язык - это концептуальный язык современной социологии. И освоение его столь же необходимо в наши дни социологу, как и освоение языка, Пушкина литератору или журналисту.

Таковы общие принципы, которые позволяют увидеть в истории социологии важнейший компонент формирования социологической культуры общества. Эти принципы положены в основание предлагаемой хрестоматии.

КОНТ ОГЮСТ (СОМТЕ) (1798-1857) - известный французский философ и социолог, основатель позитивистской традиции в общественности. Родился во французском городе Монпелье. С 16 лет и до последних дней жил в столице Франции. Учился в Высшей Политехнической школе в Париже, где получил систематическое образование в области естественных наук, которые расширял и углублял в ходе самостоятельных занятий. Постепенно у него сформировался интерес к литературным, философским и социальным вопросам. В течение 7 лет (с 1817 по 1824 гг.) Конт был секретарем и учеником Сен-Симона, который помог ему расширить и углубить познания в области общественных наук.

Еще в период сотрудничества с Сен-Симоном Конт напечатал ряд небольших статей, содержание которых свидетельствует о том, что он серьезно работал над социальными проблемами. В качестве примера можно привести его статью под названием «План необходимых научных работ, чтобы реорганизовать общество» (1822). Эта статья была перепечатана в 1824 г. под названием «Система позитивной политики» в серии Сен-Симона «Катехизис промышленников».

Главный труд своей жизни «Курс положительной философии» Конт создавал не менее 13 лет (с 1829 по 1842 гг.). Эта большая работа, первый том которой вышел в 1830 г., представляет ряд философий отдельных наук, которые следуют одна за другой в определенной последовательности: философию математики сменяет философия астрономии и физики, химии и биологии... Три последних тома «Курса» Конт посвящает изложению «социальной физики», или «социологии». В первом из этих трех томов доказывается необходимость изучения социологических законов, и даются теоретические обоснования социальной теории. В 5-м и 6-м томах «Курса» он подробно характеризует основной закон своей науки об обществе - закон трех стадий. В заключение Конт высказывает идеи, которые стали основополагающими при создании им «Системы позитивной политики».

Закончив «Курс положительной философии», Конт работает над «Системой позитивной политики», четыре тома которой были написаны и опубликованы им за период с 1851 по 1854 гг. Здесь Конт излагает свои соображения о политических и нравственных началах будущего общественного устройства. В 1849 г. выходит «Позитивистский календарь». В 1852 г. Конт публикует «Позитивистский катехизис», а в 1854 г. - «Позитивистскую библиотеку». В последние годы жизни Конт начал писать еще одно произведение под названием «Субъективный синтез». В эту работу он планировал включить систему «позитивной логики», систему «позитивной морали» и систему «позитивной промышленности». Но осуществить задуманное ему не удалось.

О. Конт
ДУХ ПОЗИТИВНОЙ ФИЛОСОФИИ
СЛОВО О ПОЛОЖИТЕЛЬНОМ МЫШЛЕНИИ

ПРЕДМЕТ ЭТОГО «СЛОВА»

1. Совокупность астрономических знаний, рассматриваемых до настоящего времени слишком изолированно, должна отныне оставлять только один из необходимых элементов новой нераздельной системы общей философии, постепенно подготовленной в течение последних трех веков само собой получившимся схождением результатов всех великих научных трудов и достигшей, наконец, по своей отвлеченности истинной зрелости. В силу этого еще чрезвычайно мало понятого теперь тесного соотношения сущность и назначение этого *трактата* не могли бы быть достаточно оценены, если бы это необходимое предварительное слово не было преимущественно посвящено надлежащему определению истинного основного духа этой философии, всемирное установление которой должно стать основной целью позитивного обучения. Так как она отличается, главным образом, постоянным преобладанием, одновременно логическим и научным, исторической или социальной точки зрения, то я должен сначала для того, чтобы ее лучше охарактеризовать, напомнить вкратце великий закон, который в моей Системе положительной философии я установил, о полной интеллектуальной эволюции человечества, закон, который, сверх того, будет впоследствии часто применяться в наших астрономических исследованиях.

Часть I

ПРЕВОСХОДСТВО ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ

Глава первая

**ЗАКОН ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, ИЛИ
ЗАКОН ТРЕХ СТАДИЙ**

2. Согласно моей основной доктрине, все наши умозрения, как индивидуальные, так и родовые, должны неизбежно пройти последовательно через три различные теоретические стадии, которые смогут быть здесь достаточно определены обыкновенными наименованиями: теологическая, метафизическая и научная, по крайней мере, для тех, которые хорошо поймут их истинный общий смысл.

Первая стадия, хотя сначала необходимая во всех отношениях, должна отныне всегда рассматриваться как чисто предварительная; вторая представляет собой в действительности только видоизменение разрушительного характера, имеющее лишь временное назначение - постепенно привести к третьей; именно на этой последней, единственно вполне нормальной стадии, строй человеческого мышления является в полном смысле окончательным.

1. ТЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛИ ФИКТИВНАЯ СТАДИЯ

3. В их первоначальном проявлении, неминуемо теологическом, все наши умозрения сами собой выражают характерное предпочтение наиболее неразрешимым вопросам, наиболее недоступным всякому исчерпывающему исследованию предметом.

В силу контраста, который в наше время должен с первого взгляда казаться необъяснимым, но который в действительности был тогда в полной гармонии с истинно младенческим состоянием нашего ума, человеческий разум в то время, когда он еще был неспособен разрешать простейшие научные проблемы, жадно и почти исключительно ищет начала всех вещей, стремится найти либо начальные, либо конечные, основные причины различных поражающих его явлений и основной способ их возникновения, словом, стремится к абсолютному знанию. Эта примитивная способность естественно удовлетворяется, насколько этого требует такое состояние, и даже насколько она действительно могла бы когда-либо удовлетворяться, благодаря нашему извечному стремлению облекать все в человеческие образы, уподобляемые всякие наблюдаемые нами явления тем, которые мы сами производим и которые в силу этого начинают нам казаться вследствие сопровождающей их непосредственной интуиции достаточно известными. Для того чтобы лучше понять чисто теологический дух, являющийся результатом все более и более систематического развития этого первобытного состояния, не нужно ограничиваться рассмотрением его в последнем фазисе, заканчивающемся на наших глазах у наиболее передовых народов, но представляющемся далеко не наиболее характерным - необходимо бросить истинно философский взгляд на весь его естественный ход, дабы оценить его основное тождество во всех последовательно свойственных ему трех главных формах.

4. Наиболее непосредственным и наиболее резко выраженным фазисом является собственно фетишизм, заключающийся преимущественно в том, что всем внешним телам приписывается жизнь, существенно аналогичная нашей, но почти всегда более энергичная вследствие их обыкновенно более сильного действия. Поклонение небесным светилам характеризует наиболее возвышенную ступень этой первой теологической стадии, вначале едва отличающейся от умственного состояния, на котором останавливаются высшие породы животных. Хотя эта первая форма теологической философии постоянно с очередностью выступает в интеллектуальной истории всех наших обществ, она господствует теперь непосредственно только среди самой немногочисленной из трех великих рас, составляющих человеческий род.

5. В своем втором основном фазисе теологическое мышление, отливаясь в настоящий политеизм, очень часто смешиваемый современными народами с предыдущей стадией, ясно представляет свободное умозрительное преобладание воображения, между тем как раньше инстинкт и чувства имели перевес в человеческих теориях. Первоначальная философия в этом состоянии подверга-

ется наиболее глубокому преобразованию, какому доступна совокупность ее реального назначения - преобразованию, выражающемуся в том, что материальные предметы, наконец, лишаются навязанной им жизни, мистически переносимой на различные вымышленные, обыкновенно невидимые существа, беспрерывно активное вмешательство, которых становится отныне прямым источником всех внешних, а затем даже и человеческих явлений.

Изучение теологического духа в этот период, который здесь развивается столь полно и однородно как никогда после, является во всех отношениях временем его наибольшего расцвета, одновременно умственного и социального. Большинство нашего рода не вышло еще из этой стадии, на которой упорно продолжает оставаться теперь, кроме выдающейся части черной расы и наиболее передовой части белой, наиболее многочисленной из трех человеческих рас.

6. В третьем, теологическом, фазисе *монотеизм* в собственном смысле слова начинает собой неизбежный упадок первоначальной философии, которая, вполне сохраняя за собой в течение долгого времени большое социальное влияние, хотя более кажущееся, чем действительное, претерпевает отныне быстрое уменьшение ее интеллектуального значения в силу естественного следствия, само собою вытекающего из характерного упрощения, благодаря которому разум начинает все более и более сокращать прежнее господство воображения, давая постепенно развиваться до тех пор почти незаметному всеобщему чувству, говорящему о необходимом подчинении всех явлений неизменным законам. Эта крайняя форма предварительного порядка вещей в *ее чрезвычайно различных* и даже совершенно несогласных видах продолжает еще оставаться более или менее прочной у громадного большинства белой расы. Но, хотя наблюдение ее должно было быть таким образом, более легким, тем не менее, личные предубеждения, мешающие достаточно разумному и достаточно беспристрастному ее сравнению с двумя предыдущими формами, слишком часто препятствуют и теперь ее справедливой оценке.

7. Каким бы несовершенным не должен казаться теперь такой философский метод, весьма важно неразрывно связать нынешнее состояние человеческого разума со всем рядом его предшествовавших состояний, признавая, что теологический метод должен быть долгое время столь же необходимым, как и неизбежным. Ограничиваясь здесь простой умственной оценкой, было бы, прежде всего, излишне долго останавливаться на невольной тенденции, которая даже теперь совершенно очевидно увлекает нас к тому, чтобы давать объяснения по существу теологические, коль скоро мы хотим непосредственно коснуться недоступной тайны основного способа образования явлений и, в особенности, образования тех, реальные законы которых мы еще не знаем. Наиболее выдающиеся мыслители могут констатировать в тех случаях, когда это незнание мгновенно сочетается у них с какой-либо ярко выраженной страстью, их собственное естественное расположение к наиболее наивному фетишизму. Если же все теологические объяснения подверглись у новых западноевропейских народов возрастающей и разрушительной критике, то это единственно потому, что таинственные исследования, которые имеют в виду объяснения, были все

более отвергаемы как совершенно недоступные нашему уму, постепенно привыкшему непреложно заменять их знаниями более действительными и более соответствующими нашим истинным способностям. Даже в эпоху, когда истинный философский дух одержал верх в вопросах, касающихся наиболее простых явлений и столь легкого предмета, как элементарная теория столкновения тел, - памятный пример Мальбранша напомним всегда о необходимости прибегать к непосредственному и постоянному вмешательству сверхъестественной силы всякий раз, когда пытаются восходить к первопричине какого-либо события. Но с другой стороны, такие попытки, насколько бы ребяческими они теперь справедливо не казались, составляют поистине единственное первоначальное средство определять непрерывный подъем человеческих умозрений и само собой выводят наш ум из глубокого порочного круга, в котором они по необходимости были заключены сначала вследствие коренного противодействия двух одинаково настоятельных условий, ибо, если современные народы должны были провозгласить невозможность основать какую-либо прочную теорию иначе, как на достаточном фундаменте соответственных наблюдений, то не менее бесспорно, что человеческий разум не мог бы никогда ни сочетать, ни даже собрать эти необходимые материалы, если бы он не руководствовался всегда некоторыми предварительно установленными спекулятивными взглядами.

Эти первобытные концепции могли, очевидно, явиться продуктом только философии, по своей природе чуждой всякой сколько-нибудь продолжительной подготовки и способной, так сказать, самопроизвольно возникать под единственным давлением непосредственного инстинкта, как бы нелепы ни были умозрения, лишённые таким образом всякого реального основания. Таково счастливое преимущество теологических принципов, без которых, необходимо это признать, наш ум не мог бы никогда выйти из своего первоначального оцепенения и которые одни только могли позволить, руководя его спекулятивной деятельностью, постепенно подготовить лучший строй мысли. Этой основной способности, впрочем, сильно благоприятствовала врожденная склонность человеческого разума к неразрешимым вопросам, которыми преимущественно занималась эта первобытная философия. Мы могли познать объем наших умственных сил и, следовательно, разумно ограничить их назначение лишь после достаточного их упражнения. А это необходимое упражнение не могло сначала иметь места в особенности относительно наиболее слабых способностей нашей природы, без страстности, которая присуща таким исследованиям, где столько плохо просвещенных голов упорно продолжают еще искать наиболее быстрое и наиболее полное решение самых обычных вопросов. Дабы победить нашу врожденную косность, нужно было даже долгое время прибегать к заманчивым иллюзиям, самопорождаемых такой философией, о почти бесконечной власти человека видоизменять по своему желанию мир, рассматриваемый тогда как устроенный главным образом в интересах человека и о том, что никакой великий закон не мог еще избавиться от верховного произвола сверхъестественных влияний. Едва прошло три века, как у избранной части человечества астрологи-

ческие и алхимические надежды - последний научный след этого первобытного мышления - действительно перестали служить мотивом для повседневного накопления соответствующих наблюдений, как это показали Кеплер и Бертолле.

8. Решающее значение этих различных интеллектуальных мотивов могло бы быть сверх того сильно подкреплено, если бы характер этого *трактата* позволил мне в достаточной мере указать на непреодолимое влияние важных социальных потребностей, которые я надлежащим образом рассмотрел в моем упомянутом выше сочинении. Можно таким образом сначала вполне доказать, насколько теологический дух должен был долгое время быть необходимым в особенности для постоянного сочетания моральных и политических идей еще в более сильной степени, чем для всяких других сочетаний идей, как в силу их большей сложности, так и потому, что соответственные явления, первоначально очень слабо выраженные, смогли приобрести заметное развитие лишь после чрезвычайно продолжительного роста цивилизации. Странной непоследовательностью, едва объяснимой бессознательной критической тенденцией нашего времени, является стремление признавать, что древние не могли рассуждать о простейших предметах иначе, как в теологическом духе, и в то же время отрицать в особенности у политиков наличие настоящей потребности в аналогичном образе мышления в области социальных вопросов. Но нужно, кроме того, понять, хотя я не могу установить это здесь, что эта первоначальная философия была не менее необходимой как для предварительного развития нашей общественности, так и для подъема наших умственных сил, либо с целью примитивного построения известных общих доктрин, без которых социальная связь не могла бы приобрести ни обширности, ни постоянства, либо для само собой осуществляемого единственно мыслимого тогда духовного авторитета.

2. МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ИЛИ АБСТРАКТНАЯ СТАДИЯ

9. Как ни кратки, должны быть здесь общие объяснения о временном характере и подготовительном назначении единственной философии, действительно соответствующей младенческому состоянию человечества, они могут легко дать понять, что этот первоначальный образ мышления резко отличается во всех отношениях от того направления ума, которое, как мы увидим, отвечает зрелому состоянию человеческой мысли, и что это различие слишком глубоко, для того чтобы постепенный переход от одного метода к другому мог впервые совершиться как у индивида, так и у целого рода без возрастающей помощи посредствующей философии, по существу ограниченной этой временной функцией. Такое специальное участие собственно метафизической стадии в основной эволюции нашего ума, который, не терпя резких изменений, может таким образом подниматься почти незаметно от чисто теологического до открыто позитивного состояния, хотя это двусмысленное положение по существу приближается гораздо более к первому, чем ко второму. Господствующие умозрения сохранили на этой стадии существенный характер направления, свойственного абсолютным знаниям: только выводы подвергаются здесь значительному пре-

образованию, способному более облегчить развитие положительных понятий.

В самом деле, метафизика пытается, как и теология, объяснить внутреннюю природу существ, начало и назначение всех вещей, основной способ образования всех явлений, но вместо того, чтобы прибегать к помощи сверхъестественных факторов, она их все более и более заменяет *сущностями* (entiles) или олицетворенными абстракциями, истинно характерное для нее употребление которых позволяло часто называть ее именем *онтологии*. Теперь очень легко наблюдать этот способ философствования, который, оставаясь еще преобладающим в области наиболее сложных явлений, дает ежедневно, даже в наиболее простых и наименее отсталых теориях, столько *заметных следов* его долгого господства.

Историческое значение этих сущностей прямо вытекает из их двусмысленного характера: ибо в каждом из этих метафизических существ, присущих соответствующему телу и в то же время не смешивающихся с ними, ум может по желанию и в зависимости от того, находится ли он ближе к теологическому или к позитивному состоянию, видеть либо действительную эманацию сверхъестественной силы, либо просто отвлеченное наименование рассматриваемого явления. Господствующее вложение чистой фантазии тогда прекращается, но и истинное наблюдение не является еще преобладающим, только мысль приобретает большую остроту и незаметно готовится к метафизической стадии; умозрительная часть оказывается сначала чрезвычайно преувеличенной вследствие упорного стремления аргументировать вместо того, чтобы наблюдать, стремления, которое во всех областях обыкновенно характеризует метафизический образ мышления даже у его наиболее знаменитых выразителей. Гибкий порядок концепций, который никоим образом не терпит постоянства, столь долго свойственного теологической системе, должен (к тому же, очень скоро) достигнуть соответственного единства путем постепенного подчинения различных частных сущностей единой общей сущности - природе, предназначение которой заключается в том, чтобы представлять собою слабый метафизический эквивалент смутной универсальной связи, вытекающей из монотеизма.

10. Чтобы лучше понять, в особенности в наше время, историческую силу такого философского орудия, важно признать, что по своей природе оно само по себе способно лишь проявлять *критическую* или разрушительную деятельность даже в области теории и в еще большей степени в области социальных вопросов, не будучи никогда в состоянии создать что-либо положительное, исключительно свойственное ему.

Глубоко непоследовательная, эта двусмысленная философия сохраняет все основные принципы теологической системы, лишая их, однако, все более и более силы и постоянства, необходимых для их действительного авторитета, и именно в подобном искажении заключается ее главная временная полезность для того момента, когда старый образ мышления, долгое время прогрессивный для совокупности человеческой эволюции, неизбежно достигает той ступени, на которой дальнейшее его существование оказывается вредным, так как он стремится упрочить на неопределенное время младенческое состояние, кото-

рым он вначале так счастливо руководил. Метафизика, таким образом, является, в сущности, не чем иным, как видом теологии, ослабленной разрушительными упрощениями, самопроизвольно лишаящими ее непосредственной власти помешать развитию специально позитивных концепций. Но, с другой стороны, благодаря этим же разрушительным упрощениям, она приобретает временную способность поддерживать деятельность обобщающего ума, пока он, наконец, не получит возможность питаться лучшей пищей. В силу своего противоречивого характера метафизический или онтологический образ мышления оказывается всегда перед неизбежной альтернативой: либо стремиться в интересах порядка к тщетному восстановлению теологического состояния, либо, дабы избежать угнетающей власти теологии, толкать общество к чисто отрицательному положению. Это неизбежное колебание, которое наблюдается теперь только относительно наиболее трудных теорий, некогда существовало равным образом по отношению даже к наиболее простым, пока они не перешагнули метафизической стадии, и обусловлено это органическим бессилием, всегда свойственным этому философскому методу.

Если бы общественный рассудок издавна не изгнал его из некоторых основных понятий, то можно было бы безошибочно утверждать, что порожденные им 20 веков тому назад бессмысленные сомнения в существовании внешних тел повторялись бы еще и теперь, ибо он их никогда никакой решительной аргументацией не рассеивал. Метафизическое состояние нужно, таким образом, рассматривать как своего рода хроническую болезнь, естественно присущую эволюции нашей мысли - индивидуальной или коллективной - на границе между младенчеством и возмужалостью.

11. Так как исторические умозрения у новых народов почти никогда не восходят дальше времен политеизма, то метафизическое мышление должно казаться почти столь же древним, как теологическое. В самом деле, оно неизбежно руководило, хотя скрытно, первоначальным преобразованием фетишизма в политеизм, дабы устранить исключительное господство чисто сверхъестественных сил, которые, будучи таким образом непосредственно удалены из каждого отдельного тела, должны были тем самым оставлять в каждом некоторую соответственную сущность. Но так как при этом первом теологическом перевороте никакое истинное обсуждение не могло иметь места, то непрерывное вмешательство онтологического духа стало вполне характерным лишь в последующей революции при превращении политеизма в монотеизм, естественным орудием которого он должен был явиться. Его возрастающее влияние должно было сначала, пока он оставался подчиненным теологическому давлению, казаться органическим, но его природа, в основе разрушительная, должна была затем все более и более проявляться, когда он постепенно делал попытки доводить упрощение теологии даже далее обыкновенного монотеизма, составлявшего по необходимости крайний и действительно возможный фазис первоначальной философии. Так, в течение последних пяти веков метафизический дух, действуя отрицательно, благоприятствовал основному подъему нашей современной цивилизации, разлагая мало-помалу теологическую систему, ставшую оконча-

тельно ретроградной к концу средних веков, когда социальная сила монотеистического режима оказалась существенно исчерпанной. К несчастью, выполнив с возможной полнотой эту необходимую, но временную функцию, онтологические концепции, действуя слишком продолжительно, должны были также стремиться противодействовать всякой другой реальной организации спекулятивной системы; так что наиболее опасное препятствие для окончательного установления истинной философии действительно вытекает теперь из того же самого образа мышления, который часто еще теперь присваивает себе почти исключительно привилегию в области философии.

3. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ИЛИ РЕАЛЬНАЯ СТАДИЯ

1. Основной признак: Закон постоянного подчинения воображения наблюдению

12. Эта длинная цепь необходимых фазисов приводит, наконец, наш постепенно освобождающийся ум к его окончательному состоянию рациональной положительности. Это состояние мы должны охарактеризовать здесь более подробно, чем две предыдущие стадии. Установив самопроизвольно, на основании стольких подготовительных опытов совершенную бесплодность смутных и произвольных объяснений, свойственных первоначальной философии как теологической, так и метафизической, наш ум отныне отказывается от абсолютных исследований, уместных только в его младенческом состоянии, и сосредоточивает свои усилия в области действительного наблюдения, принимающей с этого момента все более и более широкие размеры и являющейся единственно возможным основанием доступных нам знаний, разумно приспособленных к нашим реальным потребностям.

Умозрительная логика до сих пор представляла собой искусство более или менее ловко рассуждать согласно смутным принципам, которые, будучи недоступными сколько-нибудь удовлетворительному доказательству, возбуждали постоянно бесконечные споры. Отныне она признает как *основное правило*, что всякое предложение, которое недоступно точному превращению в простое изъяснение частного или общего факта, не может представлять никакого реального и понятного смысла. Принципы, которыми она пользуется, являются сами не чем иным, как действительными фактами, но более общими и более отвлеченными, чем те, связь которых они должны образовать. Каков бы ни был сверх того рациональный или экспериментальный метод их открытия, их научная сила постоянно вытекает исключительно из их прямого или косвенного ответственности наблюдаемым явлениям. Чистое воображение теряет тогда безвозвратно свое бывшее первенство в области мысли и неизбежно подчиняется наблюдению (таким путем создается вполне нормальное логическое состояние), не переставая, тем не менее, выполнять в положительных умозрениях столь же важную, как и неисчерпаемую функцию в смысле создания или совершенствования средств как окончательной, так и предварительной связи идей. Одним

словом, основной переворот, характеризующий состояние возмужалости нашего ума, по существу, заключается в повсеместной замене недоступного определения причин в собственном смысле слова простым исследованием *законов*, т.е. постоянных отношений, существующих между наблюдаемыми явлениями. О чем бы ни шла речь, о малейших или важнейших следствиях, о столкновении и тяготении, или о мышлении и нравственности, мы можем действительно знать только различные взаимные связи, свойственные их проявлению, не будучи никогда в состоянии проникнуть в тайну их образования.

2. Относительный характер положительной философии

13. Не только наши положительные исследования во всех областях должны по существу ограничиваться систематической оценкой того, что есть, отказываясь открывать первопричину и конечное назначение, но, кроме того, важно понять, что это изучение явлений вместо того, чтобы стать когда-либо абсолютным, должно всегда оставаться *относительным* в зависимости от нашей организации и нашего положения. Признавая с этой двойкой точки зрения неизбежное несовершенство наших различных умозрительных средств, мы видим, что далекие от возможности изучить со всей полнотой какое-либо действительное существование, мы не можем быть уверенными в возможности констатировать даже чрезвычайно поверхностно все реальные существования, большая часть которых должна, быть может, всецело оставаться для нас сокрытой. Если потеря одного важного чувства достаточна, чтобы совсем скрыть от нас целый круг естественных явлений, то вполне уместно полагать, что, наоборот, приобретение нового чувства открыло бы нам класс фактов, о которых, мы теперь не имеем никакого представления; по крайней мере, думать, что разнообразие чувств, столь различное у главных видов животных, доведено в нашем организме до наивысшей степени, которой могло бы требовать полное познание внешнего мира - предложение, очевидно, неосновательное и почти бессмысленное.

Никакая наука не может лучше астрономии подтвердить этот неизбежно относительный характер всех наших реальных знаний; так как исследование явлений может здесь производиться только посредством одного чувства, то очень легко оценить умозрительные последствия, обусловленные его отсутствием или его ненормальностью. Никакая астрономия не могла бы существовать у слепого вида, каким бы разумным его не предполагали; точно также мы не могли бы иметь суждение ни относительно темных небесных тел, которые, быть может, являются наиболее многочисленными, ни даже относительно светил, если бы только атмосфера, через которую мы наблюдаем небесные тела, оставалась всегда и всюду туманной. На протяжении всего этого *трактата* мы часто будем иметь случай без всякого усилия оценивать с достаточной ясностью эту тесную зависимость, где совокупность как внутренних, так и внешних условий нашего собственного существования неизбежно задерживает наши положительные исследования.

14. Чтобы достаточно охарактеризовать эту по необходимости относительную природу всех наших реальных знаний, важно, сверх того, заметить с наиболее философской точки зрения, что, если какие-либо наши концепции должны сами рассматриваться как человеческие феномены, и в особенности, социальные, то они, на самом деле, обусловлены коллективной и непрерывной эволюцией, все элементы и фазисы которой по существу своему примыкают друг к другу. Если же, с одной стороны, признается, что наши умозрения должны всегда находиться в зависимости от различных основных условий нашего личного существования, то нужно равным образом допустить, с другой - что они не менее подчинены совокупности непрерывного хода социальных идей, так что никогда не могут оставаться в предложенном метафизиками состоянии совершенной неподвижности. Но так как общий закон основного движения человечества в данном отношении заключается в том, что наши теории стремятся представить все более и более точно внешние предметы наших постоянных исследований, будучи, однако, лишены возможности вполне оценить истинное строение каждого из них, научное усовершенствование должно, поэтому ограничиваться стремлением приблизиться к этому идеальному пределу постольку, поскольку этого требуют наши различные реальные потребности. Этот второй вид зависимости, присущий положительным умозрениям, обнаруживается так же ясно, как и первый, во всем ходе астрономических исследований, что, например, показывает ряд все более и более удовлетворительных понятий, полученных с момента зарождения небесной геометрии о фигуре земли, о планетных орбитах и т.д. Таким образом, хотя, с одной стороны, научные доктрины имеют по необходимости достаточно непостоянный характер, для того, чтобы устранить всякие притязания на абсолютное знание, их постепенные изменения не представляют, с другой, никакого произвола, который мог бы вызвать еще более опасный скептицизм; каждое последовательное изменение сверх того само по себе обеспечивает за соответственными теориями бесконечную способность предоставлять феномены, легшие в их основание, по крайней мере, постольку, поскольку первоначальная степень действительной точности не должна быть перейдена.

3. Назначение положительных законов: рациональное предвидение

15. После того, как постоянное подчинение воображения наблюдению было единодушно признано как первое основное условие всякого здорового научного умозрения, неправильное толкование часто приводило к тому, что стали слишком злоупотреблять этим великим логическим принципом, превращая реальную науку в своего рода бесплодное накопление несогласованных фактов, присущее которому достоинство могло бы состоять только в его частичной точности. Важно, таким образом, хорошо понять, что истинный положительный дух в основе не менее далек от эмпиризма, чем от мистицизма; именно между двумя одинаково губительными ложными путями он должен всегда прокладывать себе дорогу; потребность в такой постоянной осторожности, столько же

трудной, сколько важной, сверх того, достаточна для подтверждения сообразно с нашими первоначальными объяснениями того, насколько истинная положительность должна быть зрело, подготовлена, так, чтобы она не имела никакого сходства с первобытным состоянием человечества.

Именно в законах явлений действительно заключается *наука*, для которой факты в собственном смысле слова, как бы точны и многочисленны они ни были, являются всегда только необходимым сырым материалом.

Рассматривая же постоянное назначение этих законов, можно сказать без всякого преувеличения, что истинная наука, далеко не способная образоваться из простых наблюдений, стремится всегда избегать по возможности непосредственного исследования, заменяя последнее рациональным предвидением, составляющим во всех отношениях главную характерную черту положительной философии. Совокупность астрономических знаний дает нам ясно понять это. Такое предвидение, необходимо вытекающее из постоянных отношений, открытых между явлениями, не позволит никогда смешивать реальную науку с той бесполезной *эрудицией*, которая механически накапливает факты, не стремясь выводить одни из других.

Это важное свойство всех наших ясных умозрений не менее касается их Действительной полезности, чем их собственного достоинства; ибо прямое исследование совершившихся явлений, не давая нам возможности их предвидеть, не могло бы нам позволить изменять их ход. Таким образом, истинное положительное мышление заключается преимущественно в способности *видеть, чтобы предвидеть*, изучать то, что есть, и отсюда заключать о том, что должно произойти согласно общему положению о неизменности естественных законов.

4. Всеобщее распространение основного учения о неизменности естественных законов

16. Этот основной принцип всей положительной философии, будучи еще далеко недостаточно распространен на совокупность явлений, начинает, к счастью, за последние три века становиться столь обычным, что до сих пор вследствие привитых раньше привычек к абсолютам почти всегда игнорировали его истинный источник, стараясь на основании пустой и сбивчивой метафизической аргументации, представить как своего рода врожденное или, по меньшей мере, примитивное понятие то, что могло ясно вытекать из медленной и постепенной индукции, одновременно коллективной и индивидуальной. Не только никакой рациональный мотив, независимый от всякого внешнего исследования, не показывает нам сначала неизменность физических отношений, но, напротив, не подлежит сомнению, что человеческий разум испытывает в течение своего долгого младенческого состояния чрезвычайно сильную склонность игнорировать эту неизменность даже там, где беспристрастное наблюдение ее само собою обнаружило бы, если бы он не увлекался своим необходимым стремлением приписывать все какие бы то ни было события, а в особенности наиболее важные, произвольным хотениям. В каждом круге явлений существуют, без сомне-

ния, некоторые явления, достаточно простые и достаточно обычные для того, чтобы их самопроизвольное наблюдение внушало всегда смутное и несвязное чувство некоторой второстепенной регулярности; так что чисто теологическая точка зрения не могла никогда быть строго всеобщей. Но это частичное и случайное убеждение распространяется долгое время на явления, весьма малочисленные и наиболее подчиненные, которые оно тогда не может даже предохранять от частых нарушений, приписываемых преобладающему вмешательству сверхъестественных факторов. Принцип неизменности естественных законов начинает действительно приобретать некоторое философское основание только тогда, когда первые истинно научные работы смогли обнаружить полную точность этого принципа для целого класса важных явлений; обстоятельство это могло в полной мере иметь место лишь с момента создания математической астрономии, в течение последних веков политеизма. Вслед за этим систематическим введением это основное правило стремилось, без сомнения, распространиться по аналогии на более сложные явления даже прежде, чем их собственные законы могли быть сколько-нибудь известны. Но помимо своей действительной бесплодности это смутное логическое предварение обладало тогда слишком незначительной энергией для того, чтобы надлежащим образом сопротивляться активному преобладанию, которое сохраняли в области мысли теолого-метафизические иллюзии. Первый специальный опыт установления естественных законов для каждого главного класса явлений был затем необходим, чтобы сообщить этому понятию ту непоколебимую силу, которую оно начинает представлять в наиболее передовых науках. Это убеждение не могло даже стать достаточно прочным, пока все основные умозрения не были действительно подвергнуты подобной обработке, так как сомнение, оставшееся еще относительно наиболее сложных, должно было тогда более или менее заражать каждое из них. Невозможно игнорировать эту бессознательную реакцию даже теперь, когда вследствие еще обычного невежества в области социологических законов, принцип постоянства физических отношений подвергается иногда грубым искажениям даже в чисто математических исследованиях, где мы видим, например, как неизменно превозносят мнимое исчисление шансов, скрыто предполагающее отсутствие всякого реального закона по отношению к известным событиям, в особенности, когда здесь имеет место вмешательство человека. Но когда это всеобщее распространение, наконец, достаточно подготовлено - условие, уже выполненное теперь среди наиболее передовых умов, - этот великий философский принцип тотчас приобретает полную законченность, хотя действительные законы большинства частных случаев должны долгое время оставаться неизвестными; ибо не могущая быть отвергнутой аналогия применяет тогда наперед ко всем явлениям каждого класса то, что было установлено для некоторых из них, лишь бы только они имели надлежащую важность.

17. Рассмотрев отношение положительного мышления к внешним предметам наших умозрений, нужно закончить его характеристику оценкой и его внутреннего назначения - непрерывно удовлетворять наши собственные потребности, касающиеся созерцательной или активной жизни.

1. Полное и прочное устройство индивидуальной и коллективной гармонии в области мысли в отношении к человечеству

18. Хотя чисто умственные запросы суть, без сомнения, наименее энергичные из всех потребностей, присущих нашей природе, их прямое и постоянное существование у всех мыслящих людей, тем не менее, не подлежит сомнению: они дают первый необходимый толчок нашим различным философским усилиям, слишком часто приписываемым преимущественно практическим импульсам; последние, правда, способствуют их развитию, но не могли бы их породить.

Эти умственные нужды, относящиеся, как все другие, к регулярному выполнению соответственных функций, требуют всегда счастливого сочетания прочности и активности, откуда одновременно вытекают потребности в *порядке и прогрессе*, или в связи и расширении. В продолжение долгого младенческого состояния человечества теолого-метафизические концепции единственно могли, согласно нашим предыдущим объяснениям, предварительно удовлетворять, хотя крайне несовершенным образом, этому двоякому основному условию. Но когда человеческий ум, наконец, достаточно созрел, чтобы открыто отказать от недоступных ему исследований и мудро сосредоточить свою деятельность в области, оценка которой действительно доступна нашим способностям, тогда положительная философия поистине доставляет ему во всех отношениях гораздо более полное реальное удовлетворение этих двух элементарных потребностей. Таково, очевидно, с этой новой точки зрения, прямое назначение открываемых ею законов различных явлений и нераздельного с ними рационального предвидения. Относительно каждого рода событий в этих законах должно в этом отношении различать два класса, смотря по тому, связывают ли они по *подобию* события сосуществующие или по преемственности следующие друг за другом. Это необходимое различие в основе своей соответствует во внешнем мире тому, что само собой представляется нам всегда между соотносительными состояниями существования и движения; отсюда во всякой реальной науке вытекает основное различие между *статистической* и *динамической* оценками какого-либо предмета. Оба вида отношений одинаково способствуют объяснению явлений и равным образом приводят к возможности их предвидеть, хотя законы гармонии кажутся сначала назначенными преимущественно для объяснения, а законы последовательности - для предвидения. В самом деле, о чем бы ни шла речь - об объяснении или предвидении - все сводится постоянно

к объединению: сверх того всякая реальная связь, статистическая или динамическая, открытая между двумя какими-либо явлениями, позволяет одновременно объяснять и предвидеть одно на основании другого; ибо научное предвидение согласуется, очевидно, с настоящим и даже с прошлым столь же хорошо, как я с будущим, и постоянно заключается в познании факта независимо от его прямого исследования на основании уже известных его отношений с другими фактами. Так, например, сходство, установленное между небесным и земным тяготением, привело на основании резких изменений первого к предвидению слабо выраженных вариаций второго, которые прямое наблюдение не могло удовлетворительно вскрыть, хотя оно их впоследствии подтвердило; точно так же, в обратном смысле, издревле замеченное совпадение периодов морского прилива и отлива дало возможность объяснить лунный день тотчас, как было признано, что подъем воды в каждом пункте является результатом прохождения луны через меридиан данного места. Все наши истинные логические потребности, таким образом, по существу сводятся к следующему общему назначению: по возможности укреплять посредством наших систематических умозрений самопроизвольное единство наших суждений, строя непрерывность и однородность наших различных концепций так, чтобы равным образом удовлетворять требованиям одновременно порядка и прогресса, заставляя нас вновь находить постоянство среди разнообразия. Но с этой основной точки зрения, очевидно, что положительная философия необходимо допускает у хорошо подготовленных умов наличность способности, далеко превосходящей ту, которую теолого-метафизическая философия когда-либо могла предоставить.

Рассматривая последнюю даже во времена ее наибольшего одновременно умственного и социального влияния, т.е. в фазис политеизма, мы видим, что интеллектуальное единство было даже тогда построено гораздо менее совершенно, менее прочно, чем это в будущем позволит сделать всеобщее преобладание положительного духа, когда он распространится, наконец, на самые важные умозрения. Тогда будет повсюду на самом деле господствовать в различных видах и в различных степенях то удивительное логическое построение, простейшие знания которого единственно могут нам дать теперь справедливое понятие, построение, где связь и расширение, обеспеченные каждое со всей полнотой, сами собой оказываются сверх того солидарными. Этот великий философский результат не требует другого необходимого условия, кроме постоянного обязательства ограничивать все наши умозрения действительно доступными исследованиями, рассматривая эти реальные отношения либо по сходству, либо по последовательности как могущие составлять для нас только простые общие факты, которые нужно всегда стремиться свести к возможно меньшему количеству, не рассчитывая когда-либо, сообразно основному характеру положительного мышления проникнуть в тайну их образования. Но если это действительное постоянство естественных связей есть на самом деле единственно доступное нашей оценке, то оно также вполне достаточно для удовлетворения всех наших потребностей, как созерцания, так и направления нашей деятельности.

19. Важно, однако, признать в принципе, что при положительном образе мышления гармония наших концепций неизбежно оказывается в известной степени ограниченной в силу основного для них обязательства быть *реальными*, т.е. достаточно соответствовать независимым от нас типам. В своем бессознательном, инстинктивном стремлении связывать наш ум почти всегда ищет возможности сочетать между собой два каких-либо одновременных или последовательных явления; но изучение внешнего мира, напротив, доказывает, что многие из этих сближений были бы нелепыми и что масса явлений совершается беспрерывно без всякой истинной взаимной зависимости; отсюда эта необходимая склонность нуждается более чем какая-либо другая, в регуляторе, которым может являться ясная общая оценка. Привыкший в течение долгого времени к своего рода единству учения, как бы смутно и призрачно оно ни было при господстве теологических функций и метафизических сущностей, человеческий разум, переходя к положительной стадии, стремился сначала сводить все различные классы явлений к единому общему закону. Но все попытки, сделанные в течение последних двух веков для получения всеобщего объяснения природы, привели только к окончательному дискредитированию этого предприятия, отныне предоставленного лишь мало просвещенным умам. Основательное исследование внешнего мира представило его гораздо менее связным, чем это предполагает или желает наш ум, который, вследствие своей собственной слабости, более расположен умножать отношения, благоприятные для его движения и в особенности для его покоя.

Не только все шесть основных категорий, которые мы ниже различаем между естественными явлениями, не могли быть приведены к единому универсальному закону, но вполне позволительно утверждать теперь, что единство объяснения, преследуемое еще столькими серьезными умами относительно каждой из них, взятой в отдельности, окончательно закрыто для нас даже в этой, весьма ограниченной области. Астрономия в этом отношении породила слишком эмпирические надежды, безусловно, неосуществимые относительно более сложных явлений не только в области физики в собственном смысле, пять главных отраслей которой, несмотря на их бесспорные отношения между собою, останутся всегда отличными друг от друга. Философы часто расположены значительно преувеличивать логические неудобства такого необходимого рассеяния, так как плохо оценивают реальные преимущества, представляемые преобразованием индукций в дедукцию. Тем не менее, нужно открыто признать эту прямую невозможность все приводить к единому положительному закону как серьезное несовершенство, неизбежное следствие человеческой организации, заставляющей нас применять чрезвычайно слабый ум для объяснения чрезвычайно сложного мира.

20. Но эта бесспорная необходимость, которую важно признать во избежание всякой напрасной затраты умственных сил, нисколько не мешает реальной науке допускать, с другой точки зрения, достаточное философское единство, равносильное тем единствам, какие временно создают теология и метафизика, и, сверх того, чрезвычайно их превосходящее как своей прочностью, так и

полнотой. Чтобы понять возможность такого единства и оценить его природу, нужно сначала прибегнуть к блестящему общему различению, установленному Кантом между точками зрения - *объективной* и *субъективной*, свойственными всякому исследованию.

Рассматриваемая, с одной точки зрения, т.е. со стороны внешнего назначения наших теорий, наша наука как точное представление реального мира, конечно, не поддается полной систематизации в силу неизбежного различия, существующего между основными явлениями. В этом смысле мы не должны искать другого единства, кроме того, какое представляет положительный метод, рассматриваемый в его целом, без притязания на истинное научное единство, стремясь только к однородности и сродству различных доктрин. Совсем иначе обстоит дело, когда наша наука оценивается со второй точки зрения, т.е. со стороны внутреннего источника человеческих теорий, рассматриваемых как естественные результаты нашей умственной эволюции одновременно индивидуальной и коллективной и назначенных для нормального удовлетворения каких-либо наших собственных потребностей. Отнесенные таким образом не ко Вселенной, а к человеку или, вернее, к человечеству, наши реальные знания, напротив, стремятся тогда с очевидной самопроизвольностью к полной систематизации как научной, так и логической. Тогда нужно собственно рассматривать только одну науку: человеческую науку, или, более точно, социальную, принцип и цель которой составлять наше существование и в которую рациональное изучение внешнего мира естественно входит двояким путем - в виде неизбежного элемента и в виде основного введения, одинаково необходимого как для метода, так и для доктрины, как я это объясню ниже. Именно таким образом наши положительные знания единственно могут образовать истинную систему, которая отличалась бы вполне удовлетворительным характером. Сама астрономия, хотя объективно более совершенная, чем все другие отрасли естественной философии, вследствие своей чрезвычайной простоты является такой только с этой человеческой точки зрения; ибо совокупность соображений *трактата* дает ясно понять, что она должна была бы, напротив, считаться чрезвычайно несовершенной, если ее относить ко Вселенной, а не к человеку; ведь и в астрономии все наши реальные знания по необходимости ограничены нашим миром, который, однако, составляет только ничтожный элемент Вселенной, исследование которой для нас прямо недоступно.

Таково общее направление, которое должно, в конце концов, возобладать в истинно позитивной философии не только в области теорий, непосредственно относящихся к человеку и обществу, но также и в области теорий, касающихся простейших явлений, кажущихся наиболее удаленными от следующей общей идеи: рассматривать все наши умозрения как продукты нашего ума, предназначенные удовлетворять наши различные основные потребности, удаляясь от человека всегда только для того, чтобы к нему вновь возвратиться по изучении других феноменов постольку, поскольку необходимо их знать как для развития наших сил, так и для оценки нашей природы и нашего состояния. Можно поэтому заметить, каким образом преобладающее понятие человечества

должно на положительной стадии давать полную систематизацию мысли, по меньшей мере, равносильную той, которая окончательно установилась в теологическом фазисе благодаря великой концепции Бога, столь слабо замененной впоследствии в течение метафизического переходного времени смутной идеей природы.

21. Охарактеризовав таким образом самопроизвольную способность положительного способа мышления строить окончательное единство нашего ума, нетрудно будет дополнить это основное объяснение, распространяя его от индивида на род. Это необходимое расширение было до сих пор по существу невозможным для современных философов, которые, будучи сами лишены возможности окончательно выйти из метафизического состояния, никогда не становились на социальную точку зрения, единственно, однако, доступную полной реальности, как научной, так и логической, ибо человек развивается не изолированно, но коллективно. Изгоняя как нечто совершенно бесплодное (или, вернее, глубоко вредное) эту уродливую абстракцию наших психологов или идеологов, систематическая тенденция положительного духа, которую мы только что рассмотрели, приобретает, наконец, всю свою важность, ибо она указывает в нем истинное философское основание человеческой общности, по крайней мере, постольку, поскольку последняя зависит от ума, огромное влияние которого, хотя отнюдь не исключительное, не может подлежать сомнению. Строить логическое единство каждого изолированного ума или устанавливать продолжительное согласие между различными умами, число которых может оказать существенное влияние лишь на быстроту операции, - это, - на самом деле, одна и та же человеческая проблема только различных степеней трудности. Поэтому-то во все времена тот, кто мог стать достаточно последовательным, тем самым приобретал способность постепенно соединять других в силу основного сходства нашего рода. Теологическая философия была в течение младенческого периода человечества единственно способной систематизировать общество только потому, что она была тогда единственным источником некоторой умственной гармонии. Если же привилегия логического согласования отныне безвозвратно перешла к положительному образу мышления, что теперь вряд ли может быть серьезно оспариваемо, то нужно, поэтому признать в нем также единый действительный принцип того великого интеллектуального согласия, которое становится необходимым основанием всякой истинной человеческой ассоциации, когда оно надлежащим образом связано с двумя другими основными условиями - достаточным сходством чувств и известным совпадением интересов. Печальное философское положение избранной части человечества достаточно было бы теперь для устранения в этом отношении всякого спора, так как оно обусловлено именно тем обстоятельством, что в настоящее время наблюдается истинная общность мнений только относительно предметов, уже приведенных к положительным теориям, но, к несчастью, являющихся далеко не самыми важными. Прямое и специальное рассмотрение вопроса легко показало бы, сверх того, что единственно положительная философия может постепенно осуществить этот великий план всемирной ассоциации, который

католичество в средние века начертало впервые, но который в основе был по существу несовместим, как это доказал опыт, с теологической природой философии католицизма, установившей слишком слабую логическую связь, чтобы быть способной проявить такую социальную силу.

2. Гармония между наукой и искусством, между положительной теорией и практикой

22. Охарактеризовав достаточно основную способность положительного мышления по отношению к умозрительной жизни, нам остается рассмотреть его также в применении к конкретной жизни, где оно, не обнаруживая никакого действительно нового свойства, проявляет гораздо полнее и, в особенности, гораздо определеннее все те качества, которые мы за ним признали. Хотя теологические концепции были даже в этом отношении долгое время необходимы, дабы возбуждать и поддерживать смелость человека косвенной надеждой на своего рода бесконечное господство, тем не менее, именно в данном случае человеческий разум должен был, прежде всего, засвидетельствовать свое окончательное предпочтение реальным знаниям. В самом деле, положительное изучение природы начинает теперь пользоваться всемирным одобрением именно как рациональное основание воздействия человечества на внешний мир. Ничто не является в основе более мудрым, чем это грубое и само собой являющееся суждение, ибо такое назначение, когда оно надлежащим образом оценено, неизбежно напоминает в форме, наиболее удачно сокращенной, все величие черты истинного философского духа относительно как рациональности, так и положительности. Естественный порядок, вытекающий в каждом практическом случае из совокупности законов соответственных явлений, должен, очевидно, быть нам сначала хорошо известен, для того чтобы мы могли либо его изменять в наших интересах, либо, по крайней мере, приспособлять к нему наше поведение, если, как и в области небесных явлений, всякое человеческое вмешательство здесь невозможно.

Такое применение в особенности способно сделать широко доступной оценку того рационального предвидения, которое, как мы видели, составляет во всех отношениях главную характерную черту истинной науки, ибо чистая эрудиция, где реальные, но несвязанные знания заключаются в фактах, а не в законах, не могла бы, очевидно, удовлетворительно руководить нашей деятельностью. Было бы излишне останавливаться дольше на столь бесспорном объяснении.

Правда, чрезмерное предпочтение, оказываемое теперь материальным интересам, слишком часто приводило к пониманию этой необходимой связи в смысле, сильно компрометирующем будущность науки, порождая стремление ограничивать положительные умозрения исследованиями непосредственной полезности. Но эта бессознательная склонность обусловлена только ложным и узким представлением о важном взаимоотношении науки и *искусства*, страдающим отсутствием Достаточно глубокой оценки их значения. Из всех наук

астрономия наиболее способна избавиться от такой тенденции как потому, что ее чрезвычайная простота позволяет лучше уловить ее совокупность, так и в силу большей естественности соответственных применений, которые в течение 20 веков оказываются связанными с наиболее возвышенными умозрениями - в настоящей работе мы это дадим ясно понять. Но в особенности важно признать по этому поводу, что основное отношение между наукой и искусством не могло до настоящего времени надлежащим образом быть постигнуто даже лучшими умами в силу необходимого следствия, вытекающего из недостаточного расширения естественной философии, которая еще остается чуждой наиболее важным и наиболее трудным исследованиям, касающимся непосредственно человеческого общества.

В самом деле, рациональная концепция воздействия человека на природу, оставаясь таким образом по существу ограниченной неорганическим миром, вызвала бы слишком слабое научное возбуждение. Когда этот громадный пробел будет достаточно восполнен, когда завершится уже теперь начавшийся процесс, можно будет понять основную важность этого великого практического назначения - побуждать и часто даже лучше направлять наиболее выдающиеся умозрения при одном нормальном условии постоянной положительности. Ибо искусство будет тогда не исключительно геометрическим, механическим или химическим и т.д., но также и, в особенности, политическим и моральным, так как главная деятельность человечества должна во всех отношениях состоять в непрерывном улучшении своей собственной индивидуальной или коллективной природы и в пределах, указываемых, как во всех других случаях, совокупностью реальных законов.

Когда эта сама собой возникающая солидарность науки с искусством сможет быть надлежащим образом организована, то не подлежит сомнению, что весьма далекая от стремления ограничивать здоровые философские умозрения, она, напротив, предназначила бы им окончательную функцию, слишком превосходящую их действительные силы, если бы наперед не была признана как общий принцип невозможность сделать когда-либо искусство чисто рациональным, т.е. поднять наши теоретические предвидения на действительный уровень наших практических потребностей. Даже в наиболее простых и наиболее совершенных искусствах прямое и самопроизвольное развитие остается всегда необходимым, и научные указания ни в коем случае не могут совершенно заменять такое название. Как бы удовлетворительны ни стали, например, наши астрономические предвидения, их точность является еще и, вероятно, будет всегда ниже наших справедливых практических требований, как мне часто придется на это указывать.

23. Эта самопроизвольная тенденция непосредственно построить полную гармонию между умозрительной и конкретной жизнью должна быть окончательно рассматриваема как наиболее счастливая привилегия положительного духа, и никакое другое свойство не может столь же хорошо обнаружить истинный характер его, а также облегчить его реальное влияние.

Наш умозрительный пыл, таким образом, поддерживается и даже руко-

водится могучим и непрерывным возбуждением, без которого естественная косность нашего ума расположила бы его удовлетворять свои слабые теоретические потребности легкими, но недостаточными объяснениями, между тем как мысль об окончательном действии напоминает всегда условие - соблюдать надлежащую точность. В то же время это великое практическое назначение дополняет и ограничивает в каждом случае основное предписание, относящееся к открытию естественных законов, способствуя определению, согласно требованиям применения, степени точности и обширности нашей рациональной предусмотрительности, правильное измерение которой не могло бы быть вообще установлено другим путем.

Если, с одной стороны, научное совершенствование не может перейти этот предел, ниже которого оно, напротив, всегда действительно будет находиться, то оно не могло бы - с другой, его открыть, не рискуя тотчас впасть в слишком мелочную оценку, столь же нелепую, сколь бесплодную, которая окончательно поколебала бы доверие ко всем основаниям истинной науки, так как наши законы могут всегда представлять явления только с известным приближением, дальше которого было бы так же опасно, как и бесполезно углублять наши исследования. Когда это основное отношение науки к искусству будет надлежащим образом систематизировано, оно иногда, без сомнения, будет стремиться дискредитировать теоретические попытки, коренная бесплодность которых была бы бесспорна; но далекое от того, чтобы создавать какое-либо реальное затруднение, это неизбежное направление станет тогда чрезвычайно благоприятным для наших истинных умозрительных интересов, предупреждая напрасную затрату наших слабых умственных сил, обусловливаемую теперь очень часто слепой специализацией. В своей предварительной эволюции человеческий разум должен был отдаваться всюду вопросам, ставшим для него доступными, не вдаваясь слишком в оценку их окончательной важности и не зная их собственного отношения к совокупности, которая сначала не могла быть заменена. Но этот временный инстинкт, без которого наука часто нуждалась бы тогда в надлежащей пище, должен будет, в конце концов, подчиниться справедливой систематической оценке, коль скоро полная зрелость положительного состояния позволит в достаточной степени уловить всегда истинные основные отношения каждой части к целому, с тем, чтобы постоянно доставлять широкое назначение наиболее глубоким исследованиям, избегая, однако, всякого ребяческого умозрения.

24. Относительно этой тесной гармонии между наукой и искусством важно в особенности отметить обусловливаемую ею счастливую тенденцию развивать и укреплять социальное влияние здоровой философии в силу следствия, само собой вытекающего из возрастающего преобладания, очевидно приобретенного промышленной жизнью в нашей современной цивилизации. Теологическая философия могла действительно соответствовать только той необходимой эпохе предварительной общности, когда человеческая деятельность должна была быть преимущественно военной, дабы постепенно подготовить нормальное и совершенное общество, которое, согласно исторической

теории, установленной мною в другом месте, не могла сначала существовать.

Политеизм преимущественно приспособлялся к древней завоевательной системе, а монотеизм - к средневековой оборонительной организации. Доставляя все большее и большее преобладание промышленной жизни, новейшая общественность должна таким образом сильно благоприятствовать великому перевороту в области мысли, окончательно поднимающему теперь наш ум от теологического к положительному состоянию. Это деятельное повседневное стремление к практическому улучшению человеческого существования не только мало совместимо с религиозными предубеждениями, всегда преследующими в особенности при монотеизме совершенно другие цели, но такая деятельность, сверх того, способна по своей природе породить, в конце концов, всемирную оппозицию всякой теологической философии, столь же радикальную, как и естественную. В самом деле, с одной стороны, промышленная жизнь в основе прямо противоречит всякому провиденциальному оптимизму, ибо она необходимо предполагает, что естественный порядок достаточно несовершенен, для того чтобы непрерывно требовать человеческого вмешательства, между тем как теология логически не допускает другого средства изменения, как обращение за содействием к сверхъестественной силе. С другой стороны, это противоречие, присущее совокупности наших промышленных концепций, непрерывно воссоздается в чрезвычайно разнообразных формах в процессе совершения наших операций, где мы должны рассматривать внешний мир не как руководимый каким-либо производством, но как подчиненный законам, позволяющим нам выработать достаточную предусмотрительность, без которой наша практическая деятельность была бы лишена всякого разумного основания. Таким образом, то же самое основное соотношение, которое делает промышленную жизнь столь благоприятной философскому влиянию положительного мышления, внушает ей в то же время антитеологическую тенденцию более или менее резкую, но рано или поздно неизбежную, каковы бы ни были беспрепятственные мудрые усилия духовенства сдерживать или умерить антипромышленный характер первоначальной философии, сносно уживаться с которой мог бы только воинственный быт. Такова тесная солидарность, которая издавна заставляет все современные умы, даже наиболее примитивные и наиболее упрямые, невольно участвовать в постепенной замене древней теологической философии философией вполне положительной, единственно отныне способной оказывать действительно социальное влияние.

3. Окончательная несовместимость науки с теологией

25. Нам, таким образом, остается пополнить, наконец, непосредственную оценку истинного философского духа одним последним объяснением, которое, являясь преимущественно отрицательным, становится, тем не менее, действительно необходимым здесь, чтобы закончить полную характеристику природы и условий великого умственного обновления, необходимого теперь избранной части человечества. Это объяснение обнаруживает непосредственно

окончательную несовместимость положительных концепций, с какими бы то ни было теологическими воззрениями, как монотеистическими, так и политеистическими или фетишистскими. Различные соображения, приведенные в настоящем рассуждении, уже приблизительно согласованы между двумя философиями со стороны, как метода, так и доктрины, так что всякое сомнение на этот счет может быть здесь легко рассеяно. Без сомнения, наука и теология вначале не находятся в открытой вражде, так как они не ставят себе одинаковых вопросов: именно это обстоятельство долгое время позволяло положительному мышлению делать частичные успехи, невзирая на общее господство теологической философии, и даже во многих отношениях под ее предварительным покровительством. Но когда рациональный позитивизм, ограниченный сначала скромными математическими исследованиями, которыми пренебрегала теология, начал распространяться на прямое изучение природы, в особенности посредством астрономических теорий, столкновение стало неизбежным, хотя оставалось скрытым в силу основного контраста, одновременно научного и логического, прогрессивно развивающегося с этого момента между двумя кругами идей. Логические мотивы, на основании которых наука наотрез отказывается от всяких таинственных проблем, являющихся существенным предметом занятий для теологии, сами по своей природе способны рано или поздно дискредитировать в глазах всех здравомыслящих людей умозрения, изгоняемые только потому, что они, безусловно, недоступны человеческому разуму. Сверх того, мудрая осторожность, с которой положительное мышление постепенно оперирует с чрезвычайно легкими предметами, должна косвенно заставить оценить безрассудную смелость теологии по отношению к наиболее трудным вопросам. Однако для большинства умов, обращающих обыкновенно слишком мало внимания на методологические разногласия (хотя последние, являясь необходимым источником всех других, суть наиболее серьезные) несовместимость этих двух философий должна вполне выясниться преимущественно из доктрин. А под этим новым углом зрения, невозможно отрицать коренное противоречие этих двух классов концепций, где одни и те же явления то приписываются произвольным велениям, то приводят к неизменным законам. Причудливая изменчивость, естественно присущая всякой идее произвола, никоим образом не может согласовываться с постоянством реальных отношений. Поэтому, по мере того, как физические законы становились известными, господство сверхъестественной воли все более и более ограничивалось и признавалось всегда преимущественно по отношению к явлениям, законы которых остались неоткрытыми.

Эта несовместимость становится непосредственно очевидной, если противопоставить рациональное предвидение, составляющее главную составляющую специального откровения, которое теология вынуждена представить, как единственное правильное средство узнавать будущее. Правда, положительный дух, достигши своей полной зрелости, стремится также подчинять самое волю истинным законам, существование которых действительно молча предполагается примитивным разумом, ибо иначе практические усилия изменять и предвидеть человеческие хотения не имели бы никакого разумного основания. Но

такое понимание отнюдь не приводит к примирению этих двух противоположных способов, согласно которым наука и теология необходимо рассматривают действительное управление различными явлениями. Ибо подобное предвидение и вытекающее отсюда поведение требуют, очевидно, глубокого реального знания существа, в котором эти хотения рождаются. А создать это предварительное основание могло бы существо, по меньшей мере, равное, рассматриваемое таким образом по сходству; невозможно предположить это сходство по отношению к существу низшего порядка, и противоречие увеличивается наряду с неравенством природы. Поэтому притязания теологии проникать всегда в предначертания Провидения были совершенно безрассудны, подобно тому, как было бы нелепо предположить у низших животных способность предвидеть желания человека или других высших животных. Однако именно к этой бессмысленной гипотезе неминуемо пришлось бы прибегнуть для окончательного согласования теологического духа с положительным.

26. Их коренное, применимое ко всем существенным фазисам первоначальной философии противоречие, рассматриваемое исторически, издавна было общепризнано относительно тех ее стадий, которые уже совершенно миновали наиболее передовые народы. Несомненно, даже, что касательно последних слишком преувеличили эту несовместимость вследствие абсолютного презрения, которое наши монотеистические привычки внушают нам к двум первым состояниям теологического режима. Здоровая философия обязана всегда оценивать необходимую форму, в которой каждый из великих последовательных фазисов развития человечества действительно содействовал нашей основной эволюции заботливо устранить эти несправедливые предрассудки, мешающие всякой истинной исторической теории.

Но хотя политеизм и даже фетишизм сначала действительно благоприятствовали самопроизвольному подъему духа наблюдения, должно, однако, признать, что они могли быть истинно совместимыми с постепенно создавшимся сознанием неизменности физических отношений, тотчас как это сознание сумело приобрести некоторое систематическое постоянство. Поэтому нужно рассматривать это неизбежное противоречие как тайный источник различных преобразований, которые последовательно разложили теологическую философию, все более и более суживая ее.

Здесь уместно пополнить необходимое объяснение, приведенное в начале этого *Рассуждения*, где это постепенное разрушение было главным образом приписано Метафизике в собственном смысле, которая, в сущности, могла бы быть только простым орудием, но никак не истинным фактором. Нужно заметить, что положительный дух, вследствие отсутствия обобщения, долженствовавшего характеризовать его медленную частичную эволюцию, не мог надлежащим образом формулировать свои собственные философские стремления, едва ставшие заметными в течение этих последних веков. Отсюда вытекала настоятельная необходимость вмешательства метафизики, которая единственно могла соответственно систематизировать само собой возникающий антагонизм между рождающейся наукой и древней теологией. Но хотя такая функция

должна была побуждать слишком преувеличивать действительную важность этой философии переходного времени, легко, однако, признать, что единственно естественный прогресс реальных знаний сообщал серьезность и прочность ее шумливой деятельности. Этот непрерывный прогресс, который, в сущности, вначале обусловил преобразование фетишизма в политеизм, преимущественно составлял затем существенный источник превращения политеизма в монотеизм. Так как столкновение должно было совершиться главным образом на почве астрономических теорий, то этот *трактат* доставит мне естественный случай охарактеризовать точную степень их развития, единственно действительно определившего безвозвратный умственный упадок политического режима, который мы тогда признаем логически несовместимым с окончательным основанием математической астрономии, школой Фалеса.

27. Рациональное изучение этого критического направления ясно доказывает, что оно не могло ограничиваться древней теологией и что оно должно было затем распространиться и на монотеизм, хотя его энергия должна была убывать одновременно с необходимостью в нем, по мере того, как теологический дух продолжал дряхлеть в силу того же самопроизвольного прогресса. Без сомнения, этот краткий фазис первоначальной философии был гораздо менее чем предшествовавшие ему, противен подъему реальных знаний, не встречавших более на каждом шагу опасного соперничества в виде специально сформулированного сверхъестественного объяснения. Поэтому-то именно при монотеистическом режиме должна была завершиться предварительная эволюция положительного мышления. Но несоответствие, став менее резким и более запоздалым, оставалось, тем не менее, окончательно неизбежным даже накануне той эпохи, когда новая философия стала достаточно общей, чтобы принять истинно органический характер, заменяя безвозвратно теологию в ее социальной функции также как в ее умственном назначении. Так как спор должен был еще вестись преимущественно на почве астрономии, что я покажу с точностью, с какой более ранняя эволюция необходимо обусловила распространение до более простого монотеизма - ее коренного противоречия, касавшегося прежде только политеизма в собственном смысле; тогда ясно станет, что это неизбежное влияние вытекает из открытия двойного движения Земли, последовавшего вскоре после основания небесной механики.

Можно утверждать, что при настоящем состоянии человеческого разума монотеистический образ мышления, благоприятствовавший в течение долгого времени первоначальному подъему реальных знаний, сильно препятствует систематическому ходу, который они должны отныне принять, мешая основному осознанию неизменности физических законов приобрести, наконец, свою необходимую философскую полноту. Ибо постоянная мысль о внезапном произвольном возмущении в естественной экономии должна всегда оставаться нераздельной, по крайней мере, скрытно, со всякой какой бы то ни было теологической идеей, хотя бы даже по возможности сокращенной. Не будь, в самом деле, этого препятствия, которое может быть устранено только при полном упразднении теологического духа, повседневное зрелище реального порядка вы-

звало бы уже теперь всеобщее согласие с основным принципом положительной философии.

28. Задолго до того момента, когда развитие науки позволило непосредственно оценить это коренное противоречие, метафизика, руководимая своим тайным побуждением, пыталась сузить в недрах самого монотеизма влияние теологии, оставляя в последний период средневековья отвлеченное преобладание знаменитой схоластической доктрине, подчиняющей действия верховного руководителя неизменным законам, которые он первоначально установил, запретив себе их когда-либо изменять. Но это своего рода самопроизвольное соглашение между теологическим принципом и положительным мышлением, очевидно, могло иметь только кратковременное существование, способное более облегчить беспрерывное падение одного и постепенное торжество другого. Его господству существенно подчинились только просвещенные умы; ибо, покуда вера действительно существовала, народный инстинкт должен был всегда энергично отвергать концепцию, которая, в сущности, стремилась свести на нет власть Провидения, обрекая ее на величавую неподвижность, и которая представляла всю обычную деятельность великой метафизической сущности - Природе, приобщая ее таким образом к правильному управлению Вселенной в качестве обязательного и ответственного министра, к которому отныне должна была направляться большая часть жалоб и просьб.

Мы видим, что эта концепция во всех существенных точках очень похожа на идею конституционного монарха, приобретающую при современном положении вещей все большее и большее преобладание; и эта аналогия отнюдь не случайна, ибо теологический порядок явился рациональным основанием политического строя. Эта противоречивая доктрина, разрушающая социальную силу теологического принципа, не освящая основного превосходства положительного мышления, не может соответствовать никакому истинно нормальному и продолжительному состоянию: она составляет только наиболее могучее из средств перехода, годных для последней необходимой разрушительной работы метафизического мышления.

29. Наконец, неизбежное несоответствие науки с теологией должно было также обнаружиться в другой общей форме, специально приспособленной к монотеистическому состоянию, вскрывая все более и более коренное несовершенство реального порядка, так резко противоречащего необходимому провиденциальному оптимизму. Этот оптимизм должен был, без сомнения, оставаться долгое время согласимым с самопроизвольным развитием положительных знаний, ибо первый анализ природы должен был тогда внушать всюду наивное восхищение при виде того, как совершаются главные явления, составляющие действительный порядок. Но это первоначальное направление также неизбежно затем исчезает по мере того, как положительное мышление, принимая все более и более систематический характер, заменяет постепенно догму о конечных причинах принципом *условий существования*, обладающим в наивысшей степени всеми логическими свойствами этой догмы и не страдающим ни одним из серьезных научных недостатков. Тогда перестают удивляться тому, что органи-

зация естественных существ оказывается устроенной так, что в каждом случае зависящие от них явления могут совершаться беспрепятственно. Изучая внимательно эту неизбежную гармонию с единственным намерением лучше познать ее, люди, в конце концов, замечают коренные несовершенства, которыми во всех отношениях отличается реальный порядок, почти всегда уступающий в мудрости искусственной экономии, устанавливаемой нашим слабым человеческим вмешательством в ограниченных, доступных ему пределах. Так как эти естественные пороки должны быть тем больше, чем сложнее рассматриваемые явления, то неопровержимые указания, которые дает нам в этом отношении совокупность астрономических знаний, будут достаточны здесь, для того чтобы дать возможность предвидеть, насколько подобная оценка должна распространиться с новой философской энергией на все другие основные части реальной науки. Но в особенности важно понять, что вообще эта критика имеет не только временное значение в качестве антитеологического средства. Она связывается более тесно и более прочно с основным духом положительной философии в общем отношении, существующем между умозрением и действием. Если, с одной стороны, наше постоянное активное вмешательство покоится, прежде всего, на точном знании естественной экономии, лишь прогрессивным улучшением которой должна являться во всех отношениях наша искусственная экономия, то с другой не менее ясно, что мы таким образом предполагаем необходимое несовершенство того самопроизвольного порядка, постепенное изменение которого является повседневной целью наших индивидуальных или коллективных усилий.

Оставляя в стороне всякую временную критику, справедливая оценка различных недостатков, свойственных действительно устройству реального мира должна таким образом, отныне рассматриваться как присущая положительной философии, чтобы лучше познать как наше основное состояние, так и существенное назначение нашей непрерывной деятельности.

СПЕНСЕР ГЕРБЕРТ (SPENCER) (1820-1903) - выдающийся английский философ и социолог, сторонник позитивизма и эволюционизма в естествознании, родился в Дерби, умер в Брайтоне.

Спенсер не получил сколько-нибудь систематического гуманитарного образования и вплоть до 1846 г. работал железнодорожным инженером. Параллельно стремительно расширял свои познания в различных областях, что и позволило ему в 1848 г. стать главным редактором знаменитого журнала «Экономист». Именно в это время Спенсер стал проявлять интерес к социальным вопросам и их обобщению в рамках собственной теории.

В 1850 г. вышел научный труд Спенсера - «Социальная статистика».

Как один из основоположников органической школы, Спенсер вслед за Огюстом Контом ввел в социологию идею изменчивости и «плавного» эволюционизма. Понятия эволюционистской социологии Спенсера - «возрастающая связанность», «переход от гомогенности к гетерогенности», «определенность», — описывающие морфологическую структуру общества, позволяли английскому социологу-позитивисту проводить аналогию между биологической и социальной эволюцией, между живыми организмами и обществом. В свою очередь, это раскрывало возможность применения в социологии естественнонаучных методов, что и составляло одну из целей позитивистского подхода к обществознанию.

В главном социологическом произведении - трехтомных «Основаниях социологии» (1876-1896) — Спенсер уподоблял сословно-классовое строение общества и присущие ему различные функции разделению функций между органами живого тела. Однако отдельные личности обладают, по мысли Спенсера, гораздо большей самостоятельностью, чем биологические клетки. Подчеркивая свойство саморегуляции в живой материи, Спенсер на этом основании ставил под сомнение значимость государственных форм, рассматривая их в качестве инструментов насилия в большей мере, чем агентов регуляции.

Двумя полюсами эволюции общества английский социолог признавал военный и промышленный типы устройства общества. Эволюция идет по направлению от первого ко второму. В той мере, в какой закон выживания наиболее приспособленного реализует себя в общественной динамике, общество приближается к промышленному типу, характеризующемуся, прежде всего дифференциацией, основанной на личной свободе. Социальные революции рассматривались Спенсером как болезнь общества, а социалистическое переустройство - как противное органическому единству социальной системы и эволюционному прогрессу, основанному на выживаемости наиболее приспособленных и одаренных. К числу важнейших его работ также относятся «Начала социологии», «Грядущее рабство».

СПЕНСЕР Г.

Глава третья

ХАРАКТЕР СОЦИОЛОГИИ КАК НАУКИ

Пользуясь кирпичами, хорошо обожженными, с равными-обрезами, каменщик, даже без цемента, выводит довольно высокую и значительно устойчивую кладку. Но, пользуясь кирпичами из плохого материала, плохо обожженными, неровными и разбитыми, он не в состоянии вывести без цемента кладку такой же устойчивости и высоты. Рабочий на доках, укладывающий пушечные ядра, никаким образом не может уложить эти сферические массы тел так, как укладываются кирпичи. И действительно, есть особенные, совершенно определенные формы, в которые они могут быть сложены, - формы тетраэдра, или пирамиды с квадратным основанием, или удлиненной призмы в соединении с пирамидой. В одну из этих форм они могут укладываться симметрично и устойчиво, но они не могут принимать форм с вертикальными или круто наклоненными боками. Если же вместо сферических ядер требуется сложить булыжный камень, с неправильными и только отчасти закругленными боками и различных величин, то невозможна никакая определенно устойчивая форма. Довольно несвязная куча с неопределенными поверхностями и углами - вот все, что может сделать работник. Сопоставляя все эти факты и спрашивая, какую же общую истину можно из них вывести, мы видим, что истина эта состоит в следующем: характер сложного тела определяется характером составляющих его единиц.

Переходя от видимых, осязаемых единиц к тем единицам, из которых, по мнению физиков и химиков, составляются материальные массы, мы встретим ту же самую истину. Каждый так называемый элемент, каждое соединение элементов, каждая новая комбинация этих соединений имеют кристаллическую форму. Хотя кристаллы и различны по величине и могут видоизменяться через притупление углов и ребер и отчасти переходить из одной формы в другую, но все-таки тип строения кристалла, как это видно из раскалывания кристаллов, остается постоянным: молекулы каждого рода имеют свои формы, в которые и складываются, соединяясь в агрегаты. И хотя в некоторых случаях и бывает, что вещество соединяется в двух или более формах агрегации, но это объясняется таким образом, что молекулы принимают эти различные формы под влиянием аллотропических и изометрических изменений. Отношение между молекулами и их кристаллической формой так постоянно, что если даны два рода молекул, химические реакции которых обнаруживают в них близкое сходство природы, то можно быть уверенным, что формы их кристаллов также будут близки между собою. Одним словом, основываясь на данных физики и химии, можно положительно утверждать, что во всех явлениях, представляемых неодушевленной материей, природа единиц обуславливает известное строение агрегатов этих единиц.

Агрегаты органической материи доставляют нам новое подтверждение этой истины. Вещество каждого вида растений или животных обнаруживают склонность принимать строение, свойственное этим растениям или животным, -

склонность эта убедительно доказывается в тех случаях, где условия для поддержания жизни достаточно просты и где ткань не получила такого законченного строения, при котором возможно было бы другое расположение. Постоянно приводимый пример полипа, каждая часть которого, если его разрезать на куски, тотчас же принимает форму целого полипа и получает строение и качества первоначального, по разделению, очень хорошо поясняет эту истину в царстве животных. Между растениями отличным примером служат бегонии. Здесь полное растение вырастает из отрезка листа, воткнутого в землю, а у *Begonia phyllomaniaca* полное растение вырастает даже из чешуек, падающих с листов и стебля, — факт, который показывает, как и в примере полипа, что везде отдельные единицы имеют типом своих агрегатов тип того организма, к которому они принадлежат; это напоминает нам и тот всеобщий факт, что единицы, из которых состоят зародыши в растительном и животном царствах, имеют склонность к родовому типу агрегации.

Следовательно, если дан характер единиц, то характер агрегата, который они составляют, уже определен впредь. Я говорю «характер», разумея, конечно, существенные черты и не включая случайных. Характер единиц делает необходимым известные пределы, в которых и должен заключаться характер агрегата. Обстоятельства, сопровождающие агрегацию, значительно изменяют ее результаты; но и тут все-таки остается несомненною та истина, что эти обстоятельства, в некоторых случаях, быть может, уничтожающие агрегацию, в других случаях - задерживающие, а иногда более или менее облегчающие ее, никогда не могут придать агрегатам характера, несогласного с характером единиц. Никакие благоприятные условия не дадут работнику возможности из пушечных ядер выстроить вертикальную стену; никакие благоприятные условия не заставят поваренную соль, которая кристаллизуется в правильной системе, кристаллизоваться как серно-натровая соль, в ромбической системе, никакие благоприятные условия не придадут отрезку полипа возможности принять строение моллюска.

Та же самая истина выражается, более или менее определенно, и в социальных агрегатах, в какие соединяются низшие животные. Составляют ли эти агрегаты простое собрание или нечто в роде союза с разделением труда между его членами - все это, несомненно, определяется свойствами единиц. Если дано строение и происходящие отсюда инстинкты индивидов, то община, которую они образуют, неизбежно будет представлять известные черты; и община, которая отличается такими чертами, никак не может быть составлена из индивидов, имеющих другое строение и другие инстинкты.

Люди, воспитанные в тех понятиях, что для вселенной существует один закон, а для человечества - другой, конечно, будут удивлены предложением включить в это обобщение и агрегации людей. А между тем та истина, что свойства единиц определяют свойства образуемого ими целого, очевидно, точно так же прилагается к обществам, как и ко всему другому. Общий обзор племен и народов, исчезнувших и существующих теперь, показывает достаточно ясно, что это так; а краткое рассмотрение условий показывает, не менее ясно,

что это и должно быть так.

Оставляя пока в стороне частные особенности племен и отдельных личностей, обратим внимание на особенности, общие членам рода вообще, и рассмотрим, как эти особенности должны влиять на отношения членов, когда они соединяются в общества.

Все люди нуждаются в пище и имеют сходные потребности. У каждого из них движение сопровождается физиологической тратой, у каждого оно должно быть вознаграждено известным количеством пищи, чтобы не подействовать вредно; переходя за этот предел или даже раньше, оно возбуждает отвращение. Каждый из них может подвергнуться телесным повреждениям от разнообразных физических причин, сопровождаемых болью, и все они могут подвергаться болезненным ощущениям положительного или отрицательного характера, которые они причиняют друг другу. Вот что говорил Шейлок, доказывая, что человеческая природа одинакова как у Евреев, так и у Христиан:

«Разве у Еврея нет глаз? Разве у Еврея нет рук, чувств, привязанностей, страстей? Разве он не питается той же самой пищей, не получает раны от оружия, не подвержен тем же болезням; не лечится теми же средствами, не согревается тем же летом и не зябнет зимою, как и Христианин? Если вы нас укалываете, разве у нас не течет кровь? Если вы нас щекочете, разве мы не смеемся? Если вы нас отравляете, разве мы не умираем? И если вы нам вредите, разве мы не будем мстить? Если мы похожи на вас во всем остальном, то будем похожи на вас и в этом».

Хотя все это и вполне уже несомненно, что все люди одинаково обладают известными основными качествами, все-таки еще не достаточно признана та истина, что эти личные качества должны производить известные качества собрания людей, что насколько отдельные личности, составляющие одно собрание, похожи своими качествами на отдельные личности, составляющие другое собрание, настолько будут сходны и сами собрания, и что свойства одного собрания будут отличаться от свойств другого настолько, насколько отдельные личности, составляющие одно, отличаются от отдельных личностей, составляющих другое. Однако же, если и принимать это положение, которое стало почти аксиомой, то нельзя отвергать и того, что в каждой общине есть группа явлений, которые естественно развиваются из явлений, представляемых членами этой общины, есть ряд свойств агрегата, определяемый рядом свойств единиц, и что отношения этих двух рядов составляют основной материал науки. Довольно спросить, что было бы, если бы люди избегали друг друга, как это делают различные низшие животные, и будет очевидно, что самая возможность существования общества зависит от известных свойств чувства (*emotional property*) у отдельной личности. Достаточно спросить, что было бы, если бы каждый человек любил больше тех людей, которые причиняют ему больше страданий, чтобы увидеть, что общественные отношения, если бы они были возможны в этом случае, были бы совершенно непохожи на те общественные отношения, какие существовали бы при большей склонности каждого человека к тем людям, которые доставляют ему удовольствие. Довольно спросить, что было бы, если бы

люди вместо того, чтобы выбирать легчайшие пути для достижения своих целей, предпочитали достигать их самыми трудными, и мы приходим к заключению, что в этом случае общество, если бы оно могло существовать, имело бы огромную разницу от всякого известного нам общества. И если, как видно из этих крайних случаев, основные особенности обществ определяются основными особенностями отдельных людей, и что всюду должно существовать соответствие между особенным строем и деятельностью людей.

Поэтому общий принцип, что свойства единиц определяют свойства агрегата, дает нам возможность прийти к заключению - должна существовать социальная наука, выражающая отношения между ними с такой определенностью, какая допускается природою явлений. Начиная с типов людей, образующих небольшие и несвязные общественные агрегаты, такая наука должна показать, каким образом личные качества ума и чувства делают дальнейшую агрегацию невозможной. Она должна объяснить, каким образом незначительные изменения в личной природе, происходящие при измененных условиях жизни, делают возможными более обширные агрегаты. Она должна проследить в нескольких значительных агрегатах за рождение общественных отношений, регулирующих и действующих, в которые вступают их члены. Она должна указать те более сильные и продолжительные общественные влияния, которые, дальнейшим образом видоизменяя характер единиц, облегчают дальнейшую агрегацию и дальнейшую соответственную сложности общественного строения. Она должна выяснить, какие общие черты, определяемые общими чертами людей, существуют в обществах всевозможных порядков; величин, начиная от самых малых и простых и до самых больших и цивилизованных, какие менее общие черты, отличающие известные группы обществ, происходят из особенностей, отличающих известные племена людей, и какие особенности каждого общества можно проследить до особенностей членов этого общества. Во всяком данном случае главными предметами ее изучения должны быть рост развитие, строение и отправления общественного агрегата, как они порождены взаимными действиями отдельных личностей, природа которых отчасти похожа на природу людей вообще, отчасти на природу родственных племен и отчасти совершенно исключительна.

Толкование этих явлений общественного развития, конечно, должно быть сделано с должным вниманием к тем условиям, в которых находится каждое общество, - условиям, происходящим от его географического положения и его отношений к соседним обществам. Приводя здесь эти замечания только для того, чтобы предупредить возможные недоразумения, мы хотим здесь сказать не то, что социальные науки имеют те или другие социальные черты, а то, что если данные люди имеют известные свойства, то агрегаты таких людей должны иметь известные производные свойства, которые и составляют главный материал науки.

Однако несколько страниц назад мы видели утверждение, что общественные отношения между причинами и действиями так запутаны, что предвидение часто невозможно. Не предостерегали ли нас против опрометчивости в

выборе средств: для исполнения того или другого желания, без внимания к тем доказательствам так обильно представляемым прошедшей историей, что приводимые в действие силы обыкновенно дают такие результаты, которых никогда нельзя предвидеть. Не представляли ли нам примеров, что самые важнейшие причины произведены были такими силами, от которых их никто не ожидал? Если так, то какая же может быть социальная наука? Если Людовик Наполеон не мог предвидеть, что война, которую он начал, чтобы не допустить объединение Германии, именно послужит средством к этому объединению; если Тьеру двадцать пять лет назад; показалось бы сном, который превосходит все обыкновенные сны своей нелепостью, что в него будут стрелять из его же собственных укреплений, то каким же чудом можно формулировать общественные явления во что-нибудь, приближающееся к научному порядку?

Это затруднение, выраженное в самой резкой форме, которую я только могу: подыскать, возникает более или менее отчетливо в умах большинства людей, которые предлагают социологию, как предмет, который можно изучать по научным методам, с ожиданием результатов, имеющих научную вероятность.

Механика находится теперь в такой фазе развития, какой не достигала еще ни одна из абстрактных наук. Хотя ее и нельзя назвать совершенной, однако же, большая точность предсказаний, которую ее законы позволяют делать астрономам, показывает, как близка она к совершенству; а действия искусных артиллеристов доказывают, что эти законы, в применении к земным движениям, допускают предсказания, значительно точные. Но, принимая механику типом высокоразвитой науки посмотрим, что она позволяет нам предсказать и чего не позволяет относительно какого-нибудь конкретного явления. Пусть требуется, например, взорвать мину. Спросим, что будет с обломками вещества, взорванного на воздух, и заметим потом, что именно можем мы заключать из установленных динамических законов? По обыкновенному наблюдению, которое предшествует более точным наблюдениям науки, мы знаем, что все обломки, поднявшись на воздух более или менее высоко, упадут на землю и что они достигнут земли в различных местах ограниченного пространства, в несколько различные времена. Наука позволяет нам сказать еще больше. Из тех законов, которыми определяется путь планеты или брошенного тела, она выводит ту истину, что каждый обломок будет описывать кривую, что все кривые, отличаясь индивидуально, специфически будут сходны одна с другою, что все они (если не принимать во внимание отклонения, которые происходят от сопротивления воздуха) будут части эллипсов, с таким большим эксцентриситетом, что мало будут отличаться от парабол - по крайней мере, те их части, которые описываются в то время, когда напор газов уже не ускоряет движение обломков. Но хотя законы механики и позволяют нам сделать эти совершенно верные заключения, тем не менее, мы не в состоянии почерпнуть из них ничего более определенного относительно пути, который примут отдельные обломки. Как именно взлетит на воздух левая часть массы, покрывающей порох, который хотят воспламенить, — одним куском или несколькими? Взлетит ли один кусок выше другого? Будут ли, а если будут, то, какие именно, куски брошенной массы ос-

тановлены в своем движении окружающими предметами, в которые они ударятся? Все эти вопросы, на которые нельзя ответить. Нельзя ответить не потому, что результаты были бы в чем-нибудь несогласные с законом, но потому, что нельзя добыть тех данных, на которых должны основываться предсказания.

Следовательно, мы находим, что относительно конкретного явления, несколько сложного, самая точная наука позволяет делать большей частью одни только общие предсказания, и только отчасти - частные. Что ж из того, что это имеет место и там, где причины и действия в высшей степени запутаны, и наука только что начинает развиваться? Этот контраст между общим, допускающим предвидение, и частным, не допускающим его, обнаруживается еще яснее, когда мы перейдем от этого, предварительного, объяснения к объяснению, в котором аналогия еще ближе. Что сказать о будущем новорожденного ребенка? Не умрет ли он в раннем детстве от какого-нибудь расстройства? Или он проживет немного и умрет от скарлатины или коклюша? Ни на один из этих вопросов невозможно ответить. Не упадет ли он в один прекрасный день с лестницы, или не переедут ли через него, или не загорится ли на нем какое-нибудь платье, и не погибнет ли он, или не будет изувечен от какого-нибудь из этих случаев? На эти вопросы также нельзя ответить. Никто не может предусмотреть, не делается ли у него в отроческом возрасте падучей болезнью, или пляски Св. Витта, или какой-нибудь другой ужасной болезнью. Глядя, как он лежит на руках у кормилицы, никто не может сказать, наверно, будет ли он глуп или умен, хороший и испорченный человек. Точно так же, если он останется, жив, нет возможности предсказать те случаи, которые произойдут с ним в зрелом возрасте - частью от его собственной природы, частью от окружающих условий. Будет ли он иметь успех в жизни, зависящий от его искусства и трудолюбия? Позволят ли ему обстоятельства достигнуть этой цели или нет? Будут ли различные случайности мешать или благоприятствовать его усилиям? Все это вопросы, на которые невозможно ответить; значит, те факты, которые обыкновенно считаются биографическими, не допускают предвидения.

Обращаясь от совершенно частных фактов к фактам, менее частным, которые должны представиться в жизни этого ребенка, то найдем в числе quasi биографических данных такие, где предвидение до известной степени возможно. Хотя развитие способностей совершается в известных пределах и в одном случае наступает рано, а в другом - необыкновенно поздно, однако же, это развитие идет в таком порядке, что позволяет нам сказать, когда ребенок еще до трех лет, что он будет математиком или драматургом; когда ему лет десять - что он не будет психологом, и, наконец, в тот возраст, когда он еще не возмужал, - что у него не будет широких политических взглядов. Мало того, мы можем сделать известные предсказания в том же роде и в отношении душевной природы ребенка. Никто не может сказать, женится он или нет; но возможно сказать, если не наверно, то с большой вероятностью, что в известный возраст он получит склонность к браку, хотя никто не может сказать, будут ли у него дети или нет, но весьма вероятно, что если будут, то он обнаружит известную долю родительского чувства.

Затем, последовательно рассматривая всю сумму фактов, которые представляются в жизни этого ребенка по мере того, как он достигает зрелого возраста, дряхлеет и, наконец, умирает), оставим в стороне все биографические и quasi биографические факты, совсем не допускающие предвидения, или допускающие лишь неполное предвидение), мы найдем остальные классы таких фактов, которые возможно предвидеть заранее, - некоторые из них с большей степенью вероятности, а другие - наверное, некоторые очень определенно, а другие - довольно приблизительно. Я говорю о фактах роста, развития, строения и отправления.

Совместно с той любовью к личным подробностям, которая находит интерес во всем непостоянном в человеческой жизни, стоит привычка считать не стоящим внимания все постоянное; таким образом, говоря о будущем ребенка, никому и в голову не приходит обратить внимание на все жизненные явления, которые в ней представляются, явления, которые можно знать и которые очень важно знать. Анатомия и физиология человека, если понимать под этим названием не одно только строение и отправления взрослого человека, но и прогрессивное развитие этого строения и отправления в продолжение личного развития, составляют материал того, что каждый считает за науку. Хотя и нет особенной точности в обобщении одновременных и последовательных явлений, которое составляет эту науку, хотя общие истины относительно строения и нарушаются случайными исключениями, каковы, например, неправильные образования, хотя аномалии в отправлениях также не допускают абсолютного предсказания, хотя и значительно изменяются пределы, в которых может происходить развитие роста и строения, и бывает значительное различие между силой отправления и временем, когда они устанавливаются, однако же, никто не сомневается в том, что биологические явления, представляемые человеческим телом, можно организовать в знание, которое по своей определенности будет научным знанием в общепринятом смысле этого слова.

Следовательно, если бы кто-нибудь, настаивая на том, что невозможно рассчитывать будущее ребенка с биографической стороны, и стал утверждать, что ребенок не представляет, поэтому материала для науки, не обращая никакого внимания на то, что мы назовем пока антропологией его (хотя значение, даваемое теперь этому слову, едва ли позволяет употребить его в этом смысле), то он впал бы в очевидную ошибку - очевидную в этом случае потому, что мы каждый день можем наблюдать различие между состоянием живого тела и его деятельностью и всеми случайностями, бывающими при этом.

Значит, как биография относится к антропологии, так история относится к социологии - я разумею историю, как она обыкновенно понимается. Между словами и поступками человека, составляющими обыкновенно историю его жизни, и ходом его телесного и умственного развития, строения и отправления существует такое же отношение, как между рассказом историка о действиях и судьбах какого-либо народа и описанием учреждений этого народа, регулирующих и действующих, и тех путей, которыми постепенно развивались строение и отправление этих учреждений. И если бы ошибочно было сказать, что не

существует науки о человеке, так Как невозможно предвидеть различных случайностей его жизни, то точно также ошибочно было бы сказать, что не существует науки об обществе, так как невозможно предвидеть те случайности, из которых состоит обыкновенно история.

Разумеется, нельзя сказать, что между личным и общественным организмом можно провести такую тесную параллель, что отличительные свойства в одном случае можно определять так же отчетливо, как и в другом. Очевидно, что строение и отправления общественного организма гораздо неопределеннее, гораздо изменчивее, гораздо более зависят от изменчивых и никогда вполне не повторяющихся условий. Я хочу только сказать, что и в том, и в другом случае за такими явлениями человеческих действий, которые не составляют материала для науки лежат жизненные явления, представляющие этот материал. Как в человеке существуют строение и отправление, делающие возможными те его действия, о которых говорит его биограф, совершенно также и в народе есть известное строение и отправления, делающие возможными те действия, о которых говорит историк; и в обоих случаях наука занимается исследованиями о происхождении, развитии и упадке этого строения и отправлений.

Общественные организмы, подобно организмам индивидуальным, должны быть разделены по классам и подклассам, которые хотя и не будут иметь такой же определенности и постоянства, но будут иметь такие сходства и различия, что их можно будет распределять в большие группы, резко отличающиеся одна от другой, и в этих границах подразделять на меньшие, с менее резкими различиями. Итак, биология открывает известные общие черты в развитии, строении и отправлениях, черты, из которых одни встречаются во всех организмах, другие - в известных больших группах, третьи — в известных подгруппах, заключающихся в этих группах, точно также и социология должна узнать законы общественного развития, строения и отправлений и те их черты, из которых одни - законы всеобщие, другие — общие для групп, и третьи - законы частные.

Действительно, припоминая заключения, к которым мы пришли раньше, очевидно, что если люди как общественные единицы обладают некоторыми общими свойствами, то и общественные агрегаты должны обладать общими свойствами; что сходства, которые обнаруживаются в природе некоторых племен, должны вызывать такие же сходства в природе наций, которые из них произошли: и что те особенные черты, которыми наделены высшие разновидности человечества, должны отразиться общими отличительными свойствами и в тех общинах, в которые организуются эти разновидности.

Значит, будем ли мы смотреть на этот вопрос с отвлеченной или с конкретной точки зрения, мы придем к одному и тому же заключению. Стоит только взглянуть, с одной стороны, на разнообразно-нецивилизованных людей и структуру их племен, а с другой - на разновидности цивилизованных людей и структуру их наций, чтобы убедиться, что это заключение подтверждается фактами. Но, признав таким образом *a priori* и *a posteriori* эти отношения между явлениями личной человеческой природы и явлениями общественной челове-

ской природы, мы не можем не видеть, что явления человеческой природы составляют материал для науки.

Для того чтобы точнее определить понятие о социальной науке, наметенное мною лишь в общих чертах, я приведу здесь несколько истин такого же рода, как и сейчас указанные. Некоторые из них известны всем; другие же я привожу не потому, что они представляли какой-нибудь особенный интерес или важность, а потому, что их легче изложить. Моя цель - просто дать ясное понятие о природе социологических истин.

Обратим наше внимание на тот общий факт, что рядом в общественной агрегации всегда идет известная организация. На самых низких ступенях развития, где собрания людей и очень невелики и очень несвязны, нет ни прочной подчиненности, ни центральной власти. Власть племенных родоначальников устанавливается прочно только в более обширных и более связных агрегатах. Развитие правительственного строения, имеющего какую-нибудь силу и притом сколько-нибудь постоянную, составляет условие, без которого невозможен сколько-нибудь значительный рост общества. Дифференцирование первоначально однородной массы единиц в часть координирующую и часть координируемую есть необходимый начальный шаг. Рядом с развитием роста обществ происходит развитие координирующих центров; эти центры, сделавшись постоянными, в то же время делаются более или менее сложными. В небольших племенах управление племенных начальников, обыкновенно непрочное, бывает весьма несложно; но по мере того, как племена увеличиваются численно, сами ли по себе, или через порабощение других племен, начинается развитие и координирующего аппарата, вследствие присоединения к нему подчиненных правительственных сил.

Хотя эти факты просты и знакомы, все-таки не следует упускать из виду их значение. Факт, что люди поднимаются до состояния общественной агрегации только при том условии, когда между ними устанавливается неравенство относительно власти, и что они могут действовать вместе, как целое, только посредством устройства, обеспечивающего повиновение, факт хотя и очень обыкновенный, но, тем не менее, научный. Это - первичная общая черта в общественных агрегатах, которая происходит от такой же общей черты в их единицах. В социологии существует истина, которую можно сравнить с биологической истиной, состоящей в том, что первый шаг в образовании какого-нибудь живого, высшего или низшего организма, есть известное дифференцирование, вследствие которого периферическая часть начинает отделяться от центральной. И как из этой биологической истины есть исключения, необходимые в мельчайших безъядерных частичках протоплазмы, составляющих самые низшие существа, так в параллель им есть исключения из социологической истины, которые можно видеть в небольших и не связных собраниях, состоящих из людей самого низшего типа.

В небольших первобытных обществах дифференцирование управляющей и управляемой частей бывает не только нетвердо установлено, но и неопределенно. В первое время начальник племени отличается в своих обществен-

ных отправлениях от остальных дикарей только тем, что пользуется большим влиянием. Он охотится, выделывает оружие, работает и занимается своими домашними делами совершенно, так же как и все другие; на войне он отличается от остальных воинов только своим преобладающим влиянием, не переставая быть простым воином. Вместе с этим легким различием его военных и промышленных отправлений от тех же отправлений других членов племени существует лишь самое незначительное различие в политическом отношении: судебная власть выражается очень слабо вмешательством его личного авторитета для поддержания порядка.

С развитием общества, когда власть начальника устанавливается довольно твердо, он уже не работает больше для средств существования. Однако в промышленном отношении он все-таки не отличается от других членов господствующего класса, который образовался в то время, когда власть главы племени еще не совершенно установилась, потому что он, как и эти люди, ведет производительный труд через других. Дальнейшее распространение его власти также не сопровождается полным отделением политических отправлений от промышленных, потому что, обыкновенно, он продолжает регулировать производство и во многих случаях даже торговлю, держа в своих руках обмен товаров. Впрочем, из различных родов его Управительской деятельности эту последнюю он перестает исполнять лично, прежде всего. В промышленности рано обнаруживается стремление к самоуправлению, независимость от влияния, которое все более и более сосредоточивается в Руках начальника племени, как политического и военного главы. Первичное социальное дифференцирование, замеченное нами между управляющею и производящими частями общества, сопровождается теперь отличием, которое впоследствии становится очень резким между внутренним распределением этих двух частей: в производящей части мало-помалу вырабатываются такие отправления, посредством которых координируются процессы производства, распределения и обмена, между тем как координация в производящей части продолжает идти прежним путем.

Рядом с развитием, которое делает заметным отделение производящей части от регулирующей, происходит развитие и самой регулирующей части. Общественные обязанности начальника, вначале соединившего в своем лице царя, судью, полководца и часто жреца, все больше и больше специализируется по мере того, как увеличивается и усложняется само общество. Оставаясь верховным судьей, он исполняет правосудие большею частью через своих помощников; он остается номинально главой своей армии, но действительное предводительство все больше и больше переходит в руки подчиненных лиц; сохраняя жреческое первенство, он в действительности почти перестает исполнять обязанности жреца; в теории он считается исполнителем и законодателем закона, но в действительности законодательство и управление все больше и больше переходят в другие руки. Следовательно, из первоначально координирующей силы, не разделяющей своих отправлений с другими, развивается несколько координирующих сил, между которыми и разделяются эти отправления.

Будучи первоначально очень просто, каждое из этих отправлений мало-

помалу подразделяется на множество частей и становится организацией - административной, судебной, духовной или военной, - организацией, которая вмещает в себя различные степени и более или менее различную форму отправления.

Нахожу нужным указать видоизменения, которые происходят в тех случаях, когда верховная власть не попадает в руки одного человека (впрочем, на низких ступенях общественного развития эта форма не бывает прочною). Я должен еще сказать, что приведенные выше общие положения должны приниматься лишь с тем ограничением, что в них, для большей краткости и ясности, отбрасываются различия в подробностях. Прибавим к этому, что мы не намерены выходить в своих доказательствах из пределов этих первоначальных степеней развития. Но, не забывая, что без разработки целой социальной науки можно дать здесь только самый общий почерк главных фактов, мы все-таки достаточно сказали, чтобы показать, что в развитии общественных образований можно заметить известные всеобщие факты, все более и более частые, совершенно так, как можно заметить факты общие и частные в развитии индивидуальных организмов.

Я поставлю здесь еще вопрос, который относится к этой области. Какое существует отношение между строением и ростом общества? В какой мере строение необходимо для роста? После какого пункта оно замедляет рост? В каком пункте оно останавливает рост?

В индивидуальном организме существует двойственное отношение между ростом и строением; это отношение довольно трудно выразить с совершенною точностью. За исключением немногих низших организмов, живущих при особых условиях, мы почти обо всех остальных можем сказать, что большой рост невозможен без высокого строения. Это доказывается всем высоким царством с его беспозвоночными и позвоночными типами. С другой стороны, между высшими организмами, и особенно между теми, которые ведут деятельную жизнь, заметно явственное стремление к дальнейшему развитию строения рядом с остановкой роста. В то время, когда животное высшего типа быстро растет, его органы остаются еще несовершенно развитыми, кости отчасти хрящеватыми, мускулы слабыми, мозг не имеет достаточной определенности - подробности всех вообще частей строения заканчиваются только после прекращения роста. Нетрудно понять, отчего существуют именно такие отношения. Чтобы молодое животное могло расти, оно должно переваривать пищу, иметь кровообращение, дышать, удалять негодные продукты и т.д.; для этих отправлений оно должно иметь достаточно совершенный канал, сосудистую систему и пр. Чтобы быть в состоянии добывать себе пищу, оно должно постепенно развить в себе необходимые способности и свойства; для этой цели ему необходимо начинать с тех своих членов, чувств и нервной системы, которые уже были несколько развиты. Но каждое приращение роста, произведенное с помощью этих, отчасти уже развитых органов, должно сопровождаться изменением и самих этих органов. Если они достаточно соответствовали прежнему и меньшему росту, то уже плохо соответствуют последующему, большему рос-

ту. Отсюда следует, что они должны быть преобразованы, они должны быть разрушены и перестроены. Очевидно, стало быть, что чем совершеннее было прежнее строение, тем больше возникает препятствий при его разрушении и перестройке. Кости представляют пример того, каким образом преодолевается это затруднение. Например, в бедренной кости мальчика, между головной и цилиндрической частями кости остается место, где первоначальный хрящ еще не окостенел и где, приращением нового хряща, в котором отлагается новое костное вещество, происходит удлинение кости; то же самое происходит в соответствующем месте на другом конце кости. Полное окостенение в этих двух местах наступает только тогда, когда кость перестает увеличиваться в длину; и если мы представим себе, что могло бы произойти, если бы кость окостенела по всей длине прежде, чем закончилось удлинение, то увидим, какое значительное препятствие дальнейшему росту устраняется таким способом. То же самое происходит и во всем организме; хотя строение до известного предела и необходимо для дальнейшего роста, но, переходя за этот предел, оно мешает росту. Как необходимо это отношение, мы увидим это и на более сложном случае, например, на росте какого-нибудь целого члена. Величина и пропорциональность частей каждого члена обыкновенно должны находиться в известном отношении к остальному телу. Дайте этому члену избыток отправления, и его сила и объем в небольших пределах возрастут. Если этот избыток отправления начинается в раннем возрасте, то член может быть значительно больше своей прежней величины; если же этот избыток отправления начинается в позднем возрасте, то изменение будет меньше; однако, ни в том, ни в другом случае оно не будет очень велико. Рассматривая, каким образом происходит рост члена, мы увидим, почему это так. Более деятельное отправление вызывает большой местный приток крови, и с течением времени для вознаграждения потери образуется новая ткань. Но местный приток крови ограничен размерами артерий, приносящих ее; и хотя до известной степени большой приток приобретает временным расширением артерий, но дальнейшее его увеличение за этим пределом возможно только в том случае, если артерии будут разрушены и перестроены. Такие изменения артерий медленно и совершаются - не так медленно в мелких периферических артериях и более медленно в больших артериях, из которых разветвляются мелкие; потому что артерии большей величины должны изменяться по всей своей длине, до места разветвления их из больших, центральных кровеносных сосудов. Точно так же и каналы, выносящие негодные продукты, должны подвергнуться как местным, так и центральным изменениям. Нервные стволы и центры, из которых выходят Червы, должны быть приспособлены к большим требованиям от них. Кроме того, «При данной системе внутренностей слишком большие количества крови не могут постоянно притекать к одной части тела, не уменьшая количества крови, притекающего в другие части, поэтому необходимы такие изменения в строении, которые уменьшили бы отвлечение крови к этим частям. Отсюда происходит большое сопротивление увеличению размеров органа, когда оно переходит за известный умеренный предел. Такое увеличение не может происходить без разрушения и перестройки не только тех

частей, которые непосредственно служат органу, но и всех отдельных частей. Таким образом, полное приравнивание строения к одним требованиям составляет громадное препятствие для приравнивания его к другим требованиям, трудность новых приспособлений возрастает по мере того, как прежние приспособления делаются полнее.

Но вполне ли применим этот закон к общественному организму? Случается ли здесь, что умножение и лучшее устройство учреждений, а также усовершенствование приспособлений, направленных к достижению ближайших целей, становится препятствием к развитию лучших учреждений и достижению более высоких целей в будущем? В обществе, как и в отдельной личности, организация необходима для роста; за известным пределом дальнейший рост не может совершаться без дальнейшей организации *.

* Однако в том отношении весьма важно не упустить из виду и второй части разбираемой автором параллели между обществом и организмом, - что зачастую более совершенная организация того или другого органа не только не служит целям прогресса, но даже прямо-таки становится преградой на пути дальнейшего развития. Это одинаково имеет место в развитии как организма (см. выше пример о бедренной кости мальчика), так и общества. (Прим. пер.)

Однако есть немалые причины подозревать, что за этим пределом организация косвенно оказывает репрессивное действие - что она увеличивает препятствия для новых приспособлений, какие нужны для голого роста и для более совершенного строения. Нет сомнения, что агрегат, который мы называем обществом, гораздо пластичнее, чем тот индивидуальный живой агрегат, с которым мы его здесь сравниваем - в его типе гораздо менее законченности. Но все-таки очевидно, что этот тип постоянно стремится к определенности и что каждое приращение в его строении есть вместе с тем и шаг к большей фиксации. Несколько примеров покажут, насколько это справедливо в применении к материальному строению общества и к его учреждениям, политическим и другим.

Примеры, может быть незначительные, но совершенно пригодные для нашей цели, можно видеть в наших способах передвижения. Не останавливаясь на мелких способах передвижения в городах, из которых, однако, видно, что существующие способы препятствуют появлению лучших, перейдем прямо к железным дорогам. Заметим, каким образом несоответственно узкая колея (которая, будучи взята с марки колес почтовой кареты, сама унаследована от прежней системы передвижения) сделалась непреодолимым препятствием для устройства лучшей колеи. Заметим также, что теперь, когда уже установлен тип вагона, для которого образцом служила все та же почтовая карета (на некоторых старых вагонах первого класса написано «*tria juncta in uno*») чрезвычайно трудно ввести более удобный тип вагона, принятый впоследствии в Америке, где, воспользовавшись нашим опытом, не постеснялись воспользоваться и нашими чертежами. Невозможно пожертвовать громадным капиталом, употребленным на наш подвижной состав. Ввести вагоны американского типа постепенно, чтобы они ходили вместе с вагонами нашего типа, было бы очень трудно, потому что у нас поезда беспрестанно соединяются и разъединяются. Таким

образом, мы поневоле должны удерживать у себя менее совершенный тип.

Другой пример даст нам наша система канализаций. Предложенная лет тридцать назад, как панацея против различных санитарных зол, и введенная силою закона во всех наших больших городах, эта система не может быть заменена в настоящее время лучшей системой без огромного затруднения. Хотя она, помогая разложению в тех местах, где нет доступа кислорода и образуя, таким образом, непрочные химические соединения, во многих случаях порождала те самые болезни, которые должна была предотвращать, однако же, теперь невозможно и думать о введении тех способов, посредством которых можно безвредно и с выгодой очищать город, от нечистот. Даже хуже - в то время, когда одна часть нашей санитарной администрации настаивала на введении системы водостоков, посредством которых Оксфорд Ридинг, Мейденгид, Виндзор и пр. заражают воду, которую должен пить Лондон другая часть нашей санитарной администрации протестует против нечистоты воды говоря, что она порождает болезни (не замечая, однако, что эта нечистота произведена мероприятиями закона). И теперь нужно будет переделать всю организацию чему будет чрезвычайно мешать прежняя организация, пока мы дождемся чистого воздуха и чистой воды.

В каждом промысле существует установленный порядок ведения дела, и как бы ни был, однако, очевиден какой-нибудь лучший порядок, но изменение установившейся рутины представляет затруднения, если и непреодолимые, то все-таки очень значительные. Возьмем, например, книжную торговлю. В те времена, когда пересылка письма стоила шиллинг и когда не существовало еще почты для пересылки книг, образовалась организация оптовых и мелочных торговцев, которые брали на себя доставку книг от издателей к читателям; при этом известный барыш получал каждый из этих агентов, и крупный, и второстепенный. Теперь, когда книгу можно заказать письмом за полпенни, а переслать ее можно за несколько пенсов, старая пересылка могла бы быть заменена такою, которая уменьшила бы пересылочную плату и понизила бы цену книг. Но интересы торговцев делают эту перемен практически невозможной. Объявления с предложением выслать книгу прямо и почте и по уменьшенной цене нарушают интересы торговцев; они не хотят знать книги, и тем задержат ее продажу больше, чем она могла бы усилиться другим путями. Таким образом старая организация, в свое время полезная, теперь преграждает дорогу лучшей организации. Книжная торговля представляет еще другой пример. В то время, когда читающая публика была малочисленна и книги дороги, образовались библиотеки для чтения, которые доставляли возможность читать книги, не покупая их. Сначала немногочисленные, местные и плохо организованные, эти библиотеки увеличились в числе и организовались по всей стране: это привело к тому результату, что требование книг для библиотек сделалось главным спросом. При этом устройстве, которое при малом числе экземпляров доставляет чтение большому числу читателей, цена экземпляра необходимо должна быть высокою, чтобы могли окупиться расходы по изданию. И так как читающая публика привыкла вообще брать книги из библиотек и обыкновенно не думает

покупать их, то она все-таки стала бы брать их из библиотеки и в том случае, если бы книги стали значительно дешевле. Поэтому существующая система распределения книг в Англии, за исключением сочинений самых популярных авторов, не позволяет нам применять американскую систему, которая, рассчитывая не на несколько библиотек, а на большое число частных покупателей, делает большие издания по дешевым ценам.

Возьмем еще пример: наши образовательные учреждения, хорошо обеспеченные, поддерживаемые своей славой и влиянием тех, кто воспитывался в них, наши училища, общественные школы и все другие подобные заведения основаны были очень давно, но, полезные в свое время, они долго составляли огромное препятствие для высшего образования. Поддерживая старое, они заглушали все новое. Даже и теперь они мешают образованию улучшаться по содержанию и по методу. Мешают тем, что заграждают путь другим, и отчасти тем, что делают своих воспитанников неспособными понимать, в чем состоит лучшее образование. Еще больше таких примеров можно извлечь из образовательной организации приспособленной к обучению массы. Уже одна борьба между секуляризмом и деноминационализмом в обучении могла бы показать каждому, кто ищет более широкого смысла фактов, что строение, пустившее корни в своем обществе, приобретает целую армию наемных чиновников, которые заботятся только о своем личном благосостоянии и повышении, поддерживаемое духовными и политическими классами, которых идеи и интересы оно распространяет, - есть такое строение, которое если и возможно изменить, то с тем большим трудом, чем выше его развитие.

Я полагаю, что этими немногими примерами мне удалось выяснить природу социальной науки, ставя на вид один из ее вопросов. Что в общественных организмах, как и в личных, строение до известного предела бывает необходимо для роста - это очевидно. Что как в том, так и в другом случаях дальнейшее продолжение роста делает необходимым разрушение и перестройку строения, которое, стало быть, в этих пределах становится препятствием, - кажется, также очевидно. Но верно ли в том и в другом случаях, что довершение строения причиняет остановку роста и удерживает общество, на том типе, которого оно в то время достигло, — это вопрос, который требует рассмотрения. Но и без ответа на этот вопрос мне кажется довольно очевидным, что он принадлежит к числу вопросов, которые совершенно пропускаются без внимания людьми, рассматривающими общество с обыкновенной, исторической, точки зрения, и что он принадлежит той социальной науке, которая, по их словам, не существует.

Мне кажется, что я уже слышу от тех, чье умственное направление мне хорошо знакомо, сомнение, стоит ли думать о том, что происходит между дикими племенами; каким образом появляются у них начальники и лекари; каким образом промышленные отправления отделяются от политических; в чем состоят первоначальные отношения управляющих классов между собою; в какой мере общественное строение определяется душевной природой отдельных личностей, в какой мере - их идеям и, наконец, - обстановкой? Вечно занятые тем, что они называют «практическим законодательством» (под которым подразу-

мевают, кажется, законодательство, признающее одни ближайшие причины и действия и не знающее более отдаленных), люди этого сорта сомневаются, пригодятся ли к чему-нибудь те заключения, которые имеет в виду социальная наука, если бы эти заключения и были достигнуты.

Конечно, нельзя поставить это учение на один уровень с тем историческим изучением, которое так глубоко их интересует. Высокое значение таких фактов, как генеалогия королей, судьбы династий и ссоры дворов, стоит, вне всякого сомнения. Был или нет заговор для умерщвления Ами-Робсарта составлен самим Ланчестером и была ли королева Елизавета его сообщницей; был ли верен или нет рассказ, сообщенный королем Иаковом о пороховом заговоре, - все это, очевидно, сомнения такого рода, которые требуется разрешить прежде, чем можно будет составить какие-нибудь правильные заключения о развитии наших политических учреждений. Что Фридрих I Прусский ссорился со своей мачехой, заподозрил ее в попытке отравить его, бежал к своей тетке и, получивши в наследство курфюрство, интриговал и давал взятки, чтобы получить королевский титул; что спустя полчаса после его смерти сын его, Фридрих Вильгельм, распустил весь придворный штат, а затем стал копить деньги, задался главным образом пополнением и обучением своей армии, возненавидел своего сына и стал дурно с ним обращаться - все эти и тому подобные факты обо всех королевских фамилиях во все века так важны, что без них невозможно было уразуметь прогресс цивилизации. Невозможно также обойтись без полного знания таких событий, как наполеоновские войны - его итальянские победы и контрибуции, его вероломство относительно Венеции, его экспедиция в Египет, его успехи и опустошения в этой стране, неудача в Акре и, наконец, отступление; его разнообразные переговоры, союзы, трактаты и нарушения этих трактатов, со всеми подробностями его походов в Германию, Испанию, Россию и пр., со включением сведений о его стратегии, тактике, победах, поражениях, убийствах и проч., потому что возможно ли без этих сведений судить о том, какие учреждения следует защищать и каким законодательным переменам противодействовать.

Однако, воздавая должное таким необходимым предметам, может быть, небесполезно обратить внимание и на естественную историю общества? Может быть, и возможно было бы извлечь какое-нибудь руководство для политического образа действий из вопроса: в чем состоит естественный ход общественного развития и какое влияние окажет на него та или другая политика? Может оказаться, что нельзя принять никакой законодательной меры, которая бы не была или согласна, или несогласна с естественным процессом национального роста и развития, и что о желательности этих мероприятий должно судить скорее по этому окончательному образцу, чем по образцам приблизительным. Не заявляя больших притязаний, мы, во всяком случае, можем ожидать, что если существует какой-нибудь порядок между теми изменениями строения и отправлениями, которым подвергается общество, то знакомство с этим порядком не может не отражаться на наших суждениях о том, что прогрессивно и что ретроградно, что желательно, что исполнимо и что является утопией.

Этому исследованию мы и посвятим дальнейшую часть настоящего труда. Найдется немало важных соображений, на которых следует остановиться прежде, чем приступить к изучению социологии.

ДЮРКГЕЙМ ЭМИЛЬ (DURKHEIM) (1858-1917)-французский философ и социолог. Родился во французском городе Эпинале. После окончания местного лицея поступил в Высшую Нормальную школу в Париже. Получив образование философа, Дюркгейм занялся преподавательской деятельностью в провинциальных лицеях. Именно в этот период (1882-1887 гг.) у него формируется стойкий интерес к общественно-политической жизни и ее теоретическому осмыслению. В 1885-1886 гг. он изучает в Париже, а затем в Германии философию, социальные науки и этику. С 1887 по 1902 гг. Дюркгейм преподает социальные науки в университете Бордо. Здесь же в 1896 г. он начинает издавать социологический ежегодник, который завоевывает широкое признание в самых различных общественных кругах. С 1902 по 1917 г. читает лекции в Сорбонне.

Главные работы были написаны и опубликованы Дюркгеймом во время его пребывания в Бордо. «О разделении общественного труда» (1893) - докторская диссертация, в которой Дюркгейм раскрывает теоретические и социально-политические принципы своей теории. Одно из главных произведений Дюркгейма - «Правила социологического метода» (1895). В нем он излагает свою знаменитую концепцию «социологизма». Третья работа Дюркгейма - «Самоубийство: Социологический этюд» (1897) - считается классическим примером приложения теоретических установок к анализу практики социальной действительности. Уже в Париже в 1912 г. выходит еще один большой труд Дюркгейма под названием «Элементарные формы религиозной жизни», который явился результатом изучения религии как общественного феномена.

Подобно тому, как Конт первым ввел в научный обиход термин «социология», Дюркгейм первым среди западных социологов применил понятие «прикладная социология», считая, что последняя должна дать набор правил социального поведения.

Дюркгеймовская социологическая традиция нашла продолжение в так называемой французской социологической школе, представители которой (Бугле, Мосс, Хальбвакс и др.) развивали и конкретизировали идеи своего великого учителя. Умер в Париже.

Э. ДЮРКГЕЙМ МЕТОД СОЦИОЛОГИИ

Глава первая *ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЙ ФАКТ?*

Прежде чем искать метод, пригодный для изучения социальных фактов, следует определить, что такое представляют факты, носящие данное название. Вопрос этот тем более важен, что данный термин обыкновенно применяют не совсем точно.

Им без стеснения обозначают почти все происходящие в обществе явления, если только последние представляют какой-либо социальный интерес. Но при таком понимании не существует, так сказать, человеческих событий, которые не могли бы быть названы социальными. Всякий индивид пьет, спит, ест, рассуждает, и общество очень заинтересовано в том, чтобы все эти функции отправлялись регулярно.

Если бы все эти факты были социальными, то у социологии не было бы своего отдельного предмета, и ее область слилась бы с областью биологии и психологии.

Но в действительности во всяком обществе существует определенная группа явлений, отличающихся резко очерченными свойствами от явлений, изучаемых другими естественными науками.

Когда я действую как брат, супруг или гражданин, когда я выполняю заключенные мною обязательства, я исполняю обязанности, установленные вне меня и моих действий правом и обычаями. Даже когда они согласны с моими собственными чувствами и когда я признаю в душе их существование, последнее остается все-таки объективным, так как не я сам создал их, а они внушены мне воспитанием.

Как часто при этом нам неизвестны детали наложенных на нас обязанностей и для того, чтобы узнать их, мы принуждены справляться с кодексом и советоваться с его уполномоченными истолкователями! Точно так же верующий при рождении своем находит уже готовыми верования и обряды своей религии, если они существовали до него, то, значит, они существуют вне его. Система знаков, которыми я пользуюсь для выражения моих мыслей, система монет, употребляемых мною для уплаты долгов, орудия кредита, служащие мне в моих коммерческих сношениях, обычаи, соблюдаемые в моей профессии и т.д. - все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. Пусть возьмут одного за Другим всех членов, составляющих общество, и все сказанное может быть повторено по поводу каждого из них. Следовательно, эти образы мыслей, действий и чувствований (*manieres d'agir, de penser et de sentir*) обладают тем замечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний.

Эти типы поведения или мысли не только находятся вне индивида, но и обладают еще принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к

ним независимо от своего описания. Конечно, когда я добровольно сообразуюсь с ними, это принуждение, будучи бесполезным, мало или совсем не чувствуется; тем не менее, оно является характерным свойством этих фактов, доказательством может служить то обстоятельство, что оно появляется тотчас же, как толь я пытаюсь сопротивляться. Если я пытаюсь нарушить постановления права, они реагируют против меня, препятствуя моему действию, если еще есть время они, уничтожая и восстанавливая его, в его нормальной форме, если оно совершенно или может быть исправлено, или же, наконец, заставляя меня искупить его, если иначе его исправить нельзя. Применяется ли сказанное к чисто нравственным правилам?

Общественная совесть удерживает от всякого оскорбляющего ее действия посредством надзора за поведением граждан и особых показаний, которыми она располагает. В других случаях принуждение менее сильно, но все-таки существует. Если я не подчинюсь условиям света, если я, одеваясь, не принимаю в расчет обычаев моей страны и моего сословия, то смех, мною вызываемый, и то отдаление, в котором меня держат, производит, хотя и в более слабой степени, то ж действие, как и наказание в собственном смысле этого слова. В других случаях имеет место принуждение, хотя и косвенное, но не менее действительное. Я не обязан говорить по-французски с моими соотечественниками, или употреблять установленную монету, но я не могу поступить иначе. Если бы я попытался ускользнуть от этой необходимости, моя попытка оказалась бы неудачной.

Если я промышленник, то никто не запрещает мне работать, употребляя приемы и методы прошлого столетия, но, если я сделаю это, я, наверное, разорюсь. Даже если фактически я могу освободиться от этих правил и с успехом нарушить их, то я могу сделать это лишь после борьбы с ними; если даже, в конце концов, они и будут побеждены, то все же они достаточно дают чувствовать свою принудительную силу тем сопротивлением, которое оказывают. Нет такого новатора, даже счастливого, предприятия которого не сталкивались бы с оппозицией этого рода.

Вот, следовательно, разряд фактов, отличающихся специфическими свойствами; его составляют образы мыслей, действий и чувствований, находящиеся вне индивида и одаренные принудительной силой, вследствие которой он вынуждается к ним. Отсюда их нельзя смешать ни с органическими явлениями, так как они состоят из представлений и действий, ни с явлениями психическими, существующими лишь в индивидуальном сознании и благодаря ему. Они составляют, следовательно, новый вид и им-то и должно быть присвоено название социальных. Оно им вполне подходит, так как ясно, что, не имея своим субстратом индивида, они не могут иметь другого субстрата, кроме общества, будь то политическое общество в его целом, или какие-либо отдельные группы, в нем заключающиеся: религиозные группы, политические и литературные школы, профессиональные корпорации и т.д. С другой стороны, оно применимо только к ним, так как слово «социальный» имеет определенный смысл лишь тогда, когда обозначает исключительно явления, не входящие ни в

одну из установленных и названных уже категорий фактов. Они составляют, следовательно, собственную область социологии. Правда, что слово принуждение, при помощи которого мы их определяем, рискует встревожить ревностных сторонников абсолютного индивидуализма. Так как они признают индивида вполне автономным, то им кажется, что его унижают всякий раз, как дают ему почувствовать, что он зависит не только от самого себя. Но поскольку теперь несомненно, что большинство наших идей и стремлений не выработаны нами, а приходят к нам извне, то они могут проникнуть в нас лишь посредством внушения; вот и все, что выражает определение. Сверх того известно, что социальное принуждение не исключает непременно индивидуальность.

Но так как приведенные нами примеры (юридические и нравственные постановления, религиозные догматы, финансовые системы и т.п.) все состоят из установленных уже верований и правил, то можно было бы подумать, на основании сказанного, что социальный факт может быть лишь там, где есть определенная организация. Но существуют другие факты, которые, не представляя таких кристаллизованных форм, имеют ту же объективность и то же влияние на индивида. Это так называемые социальные течения (*courants sociaux*). Так, возникающие в собрании великие движения энтузиазма, негодования, сострадания не зарождаются ни в каком отдельном сознании. Они приходят к каждому из нас извне и способны увлечь нас, вопреки нам самим. Конечно, может случиться, что, отдаваясь им вполне, я не буду чувствовать того давления, которое они оказывают на меня. Но оно проявится тотчас, как только я попытаюсь бороться с ними. Пусть какой-нибудь индивид попробует противиться одной из этих коллективных манифестаций и тогда отрицаемые им чувства обратятся против него. Если эта сила внешнего принуждения обнаруживается с такой ясностью в случаях сопротивления, то, значит, она существует, хотя не сознается, и в случаях противоположных. Таким образом, мы являемся жертвами иллюзии, заставляющей нас верить, что нам внушено извне. Но если готовность, с которой мы впадаем в эту иллюзию, и маскирует испытанное давление, то она его не уничтожает. Так, воздух все-таки тяжел, хотя мы и не чувствуем его веса. Даже если мы со своей стороны содействовали возникновению общего волнения, то впечатление, полученное нами, будет совсем другое, чем то, которое мы испытали бы, если бы были одни. И когда собрание разойдется, когда эти социальные влияния перестанут действовать на нас, и мы останемся наедине с собой, то чувства, пережитые нами, покажутся нам чем-то чуждым, в чем мы сами себя не узнаем. Мы замечаем тогда, что мы их гораздо более испытали, чем произвели. Случается даже, что они вызывают в нас отвращение: настолько они были противны нашей природе. Так, индивиды, при обыкновенных условиях совершенно безобидные, соединяясь в толпу, могут произвести акты жестокости. То, что мы говорим об этих мимолетных вспышках, применимо также и к тем более постоянным движениям общественного мнения, которые постоянно возникают вокруг нас или во всем обществе, или в более ограниченных кругах по поводу религиозных, политических, литературных, аристократических и др. вопросов.

Характерным признаком социальных явлений служит не их распространенность. Какая-нибудь мысль, присущая сознанию всякого индивида, какое-нибудь движение, повторяемое всеми, не становятся от этого социальными фактами. Если этим признаком и довольствовались для их определения, то это потому, что их неправильно смешивали с тем, что может быть названо их индивидуальными воплощениями. К ним же принадлежат: верования, склонности, обычаи группы, взятой коллективно; что же касается тех форм, в которые облекаются коллективные состояния, передаваясь индивидам, то последние представляют собой явления иного порядка. Различие их природы наглядно доказывается тем, что оба эти разряда актов встречаются часто раздельно. Действительно, некоторые из этих образов мыслей или действий приобретают вследствие повторения известную устойчивость, которая, так сказать, осаждают их и изолирует от отдельных событий, их отражающих. Они как бы приобретают, таким образом, особое тело, особые, свойственные им, осязательные формы и составляют реальность *sui generis*, очень отличную от воплощающих ее индивидуальных фактов. Коллективная привычка существует не только как нечто имманентное ряду определяемых ею действий, но по привилегии, не встречаемой нами в области биологической, она выражается раз навсегда в какой-нибудь формуле, повторяющейся из уст в уста, передающейся воспитанием, закрепляющейся даже письменно. Таковы происхождение и природа юридических и нравственных правил, народных афоризмов и преданий, догматов веры, в которых религиозные или политические секты кратко выражают свои убеждения, кодексов вкуса, устанавливаемых литературными школами и пр. Существование всех их не исчерпывается целиком одними применениями их в жизни отдельных лиц, так как они могут существовать и не будучи действительно применяемы.

Конечно, эта диссоциация не всегда одинаково ясна. Но достаточно ее неоспоримого существования в поименованных нами важных и многочисленных случаях для того, чтобы доказать, что социальный факт отличен от своих индивидуальных воплощений. Сверх того, даже тогда, когда она не дается непосредственно наблюдением, ее можно часто обнаружить с помощью некоторых искусственных приемов; эту операцию даже необходимо произвести, если желают освободить социальный факт от всякой примеси и наблюдать его во всей его чистоте. Так, существуют известные течения общественного мнения, вынуждающие нас с различной степенью интенсивности, смотря по времени и стране, одного, например, к браку, другого к самоубийству или к более или менее сильной производительности и т.п. Это, очевидно, социальные факты. С первого взгляда они кажутся неотделимыми от форм, принимаемых ими в отдельных случаях. Но статистика дает нам средство изолировать их. Они, действительно, изображаются довольно точно цифрой рождаемости, браков и самоубийств, т.е. числом, получающимся от деления среднего годового итога браков, рождений, добровольных смертей на число лиц по возрасту способных жениться, производить, убивать себя. Так как каждая из этих цифр охватывает без различия все отдельные случаи, то индивидуальные условия, могущие при-

нимать какое-нибудь участие в возникновении явления, взаимно нейтрализуются и вследствие этого не определяют этой цифры. Она выражает лишь известное состояние коллективной души (de Fame collective).

Вот что такое социальные явления, освобожденные от всякого постороннего элемента. Что же касается их частных проявлений, то и в них есть нечто социальное, так как они частично воспроизводят коллективную модель (tin modele collectif). Но каждое из них значительно зависит также и от психико-органической конституции индивида и от особых условий, в которые он поставлен. Они, следовательно, не социологические явления в собственном смысле этого слова. Они принадлежат одновременно двум областям и их можно было бы назвать социо-психическими (socio-psychiques). Они интересуют социолога, не составляя непосредственного предмета социологии. Точно так же и в организме встречаются явления смешанного характера, которые изучаются смешанными науками, как, например, биологической химией.

Но, скажут нам, явление может быть общественным лишь тогда, когда оно свойственно всем членам общества, или, по крайней мере, большинству из них, следовательно, при условии всеобщности. Без сомнения, но оно всеобще лишь потому, что социально (т.е. более или менее обязательно), а отнюдь не социально потому, что всеобще. Это - такое состояние группы, которое повторяется у индивидов, потому что оно внушается им. Оно находится в каждой части, потому что находится в целом, а вовсе не потому оно находится в целом, что находится в частях. Это особенно ясно относительно верований и обычаев, передающихся нам уже вполне сложившимися от предшествовавших поколений; мы принимаем и усваиваем их, потому что они, как произведения общественные и вековые, облечены особым авторитетом, который мы вследствие воспитания привыкли уважать и признавать. А надо заметить, что огромное большинство социальных явлений слагается этим путем. Но даже когда социальный факт возникает отчасти при нашем прямом содействии, природа его все та же. Коллективное чувство, вспыхивающее в собрании, выражает не только то, что было общего между всеми индивидуальными чувствами. Как мы указали, оно есть нечто совсем другое. Оно есть результат общей жизни, продукт действий и противодействий, возникающих между индивидуальными сознаниями; и если оно отражается в каждом из них, то это в силу той специальной энергии, которой оно обязано именно своему коллективному происхождению. Если все сердца бьются в унисон, то это не вследствие самопроизвольного и предустановленного согласия, а потому что их движет одна и та же сила в одном и том же направлении. Каждый увлечен всеми.

Итак, мы точно определили область социологии. Она обнимает лишь известную группу феноменов. Социальный факт узнается лишь по той внешней принудительности власти, которую он имеет или способен иметь над индивидами, а присутствие этой власти узнается, в свою очередь, или по существованию какой-нибудь определенной санкции или по сопротивлению, оказываемому этим фактом каждой попытке индивида разойтись с ним. Его можно определить также и по распространению его внутри группы, если только, согласно с

предыдущими заметками, будет прибавлено в виде второго и существенного признака, что он существует независимо от индивидуальных форм, принимаемых им при распространении.

Глава вторая

ПРАВИЛА, ОТНОСЯЩИЕСЯ К НАБЛЮДЕНИЮ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОВ

Первое и основное правило состоит в том, что социальные факты нужно рассматривать как предметы (*des choses*).

1. В тот момент, когда известный класс явлений становится объектом науки, в уме человеческого существуют уже не только чувственные образы этих явлений, но и известные грубо составленные понятия о них. Так, еще до первых зачатков физики и химии у людей были уже известные понятия о физико-химических явлениях, выходявшие за пределы чистых восприятий: таковы, например, те понятия, которые примешаны ко всем религиям. Это значит, что на самом деле рефлексия предшествует науке, которая лишь пользуется ею при помощи более правильного метода. Человек не может жить среди явлений, не составляя себе о них новых идей, которыми он и руководится в своем поведении. Но так как эти понятия ближе и понятнее нам, чем реальности, которым они отвечают, то мы, естественно, склонны заменять ими последние и сделать их предметом наших размышлений. Вместо того чтобы наблюдать вещи, описывать и сравнивать их, мы довольствуемся тогда, приведением в ясность наших идей, их комбинированием и анализом. Вместо науки о реальностях получается лишь анализ идей. Конечно, этот анализ не исключает непременно всякое наблюдение. К фактам могут обращаться для того, чтобы подтвердить эти понятия или сделанные из них выводы, но факты в этом случае являются чем-то второстепенным, в виде примеров или доказательств; они не служат предметом науки.

Последняя идет от идей к вещам, а не от вещей к идеям.

Едва она возникает, как уже исчезает и превращается в искусство. Действительно, означенные понятия признаются содержащими в себе все, что существенно в реальностях, так как их смешивают с самым реальным. Отсюда у них, по-видимому, есть все, что надо для того, чтобы не только привести нас к пониманию существующего, но и предписать нам то, что должно быть, и указать нам средство к осуществлению должного. Потому, что то хорошо, что подобно с природой вещей, то же, что противно ей, плохо, и средства достигнуть одного и избежать другого вытекают из самой этой природы. Если, следовательно, мы постигаем ее сразу, то изучение существующей реальности не имеет более практического интереса, а так как лишь он служит побудительной причиной изучения, то последнее отныне становится бесцельным. Таким образом мысль получает толчок отвернуться от того, что составляет объект науки, от настоящего и прошедшего для того, чтобы одним прыжком устремиться в будущее. Вместо того чтобы стараться понять факты, уже сложившиеся и реализованные, она принимается непосредственно за создание новых фактов, бо-

лее отвечающих человеческим целям. Когда полагают, что знают сущность материи, сейчас же принимаются за разыскивание философского камня. Это захватывание науки искусством, мешающее первой развиваться, облегчается еще теми обстоятельствами, которые вызывают первое пробуждение научной рефлексии. Так как последняя появляется для удовлетворения жизненных потребностей, то она естественно обращается к практике. Нужды, которые она призвана облегчать, всегда настоятельны и потому торопят ее к выводам: они требуют не объяснений, а лекарств. Такой прием столь согласен с естественной склонностью нашего ума, что он встречается даже при начале физических наук - это он отличает алхимию от химии и астрологию от астрономии. Таков, по словам Бэкона, оспариваемый им метод ученых его времени. Понятия, о которых мы только что говорили, суть те *notiones vulgares* или *praenotiones*, которые он находил в основе всех наук, где они заменяют факты. Это *idola*, род признаков, искажающих истинный вид вещей, но принимаемых нами за сами вещи. И так как эта воображаемая среда не оказывает нашему уму никакого сопротивления, то он, не чувствуя никаких стеснений, предается безграничному честолюбию и считает возможным построить или, скорее, перестроить мир одними своими силами по воле своих желаний.

Если таково было положение естественных наук, то еще более было оснований для подобного же положения социологии. Люди не дожидались социальной науки для того, чтобы составить себе понятия о праве, нравственности, семье, государстве, обществе, потому что они не могли жить без них. И в социологии более чем где-нибудь, эти *praenotiones*, пользуясь выражением Бэкона, могут господствовать над умами и заменять собой вещи. Действительно, социальные явления создаются людьми, они являются продуктами человеческой реальности. Они, следовательно, не что иное, по-видимому, как осуществление присущих нам идей, врожденных или нет, не что иное, как применение их к различным обстоятельствам, отношения людей между собой. Организация семьи, договорных отношений, репрессивных мер, государства, общества являются, таким образом, простым развитием идей, имеющихся у нас насчет общества, государства, справедливости и т.д. Вследствие этого, эти и аналогичные им факты, по-видимому, существуют лишь в идеях и благодаря идеям, которые являются их источником, а потому и истинным предметом социологии.

Этот взгляд окончательно подтверждается тем, что, так как явления социальной жизни во всей полноте своей недоступны непосредственному сознанию, то последнее воспринимает их недостаточно отчетливо для того, чтобы чувствовать их реальность. Так как для такого восприятия у нас нет достаточно близкой и прочной связи с ними, то они легко производят на нас впечатление чего-то ни к чему не прикрепленного, развевающегося в пустоте, чего-то полуреального и крайне искусственного. Вот почему столько мыслителей видели в социальных устройствах лишь искусственные и более или менее произвольные комбинации. Но если детали, или конкретные частные формы ускользают от нас, то мы, по крайней мере, составляем себе самые общие представления о коллективном бытии в целом приблизительно, и эти-то схематические и общие

представления и являются теми «предпонятиями» (prenotiones), которыми мы пользуемся в обыденных случаях жизни. Мы не можем, следовательно, и помыслить о том, чтобы усомниться в их существовании, так как замечаем последнее одновременно с нашим. Они существуют не только в нас (т.е. в нашей мысли), но, будучи продуктом повторных опытов, от повторения и происходящей отсюда привычки получают известного рода влияние и авторитет. Мы чувствуем их сопротивление, когда стараемся освободиться от них. А мы не можем не считать реальным того, что нам сопротивляется. Все, следовательно, приводит к тому, чтобы заставить нас видеть в них истинную социальную реальность.

И действительно, до сих пор социология почти исключительно рассуждала не о вещах, а о представлениях. Кант, правда, провозгласил, что социальные явления суть естественные факты, подчиненные естественным законам. Этим он признал их предметами, так как в природе существуют лишь предметы. Но, когда, выйдя за пределы этих философских обобщений, он пытается применить свой принцип и построить отвечающую ему науку, то делает объектом изучения лишь идеи. Действительно, главным содержанием его социологии является прогресс человечества во времени. Он отправляется от той идеи, что существует постоянная эволюция человеческого рода, заключающаяся во все более полной реализации человеческой природы, и ставит своей задачей отыскание порядка этой эволюции. Однако, если и предположить, что эта эволюция существует, то действительность ее существования может быть установлена лишь тогда, когда наука уже возникла, следовательно, ее можно было сделать объектом исследования, лишь выставляя ее, как концепцию разума, а не предмет. И действительно, это представление совершенно субъективно, фактически этого процесса человечества не существует. Существуют же и представляются наблюдению лишь отдельные общества, рождающиеся, развивающиеся и умирающие независимо одно от другого. Если бы еще позднейшие служили продолжением предшествовавших, то каждый высший тип можно было бы рассматривать, как простое рассмотрение непосредственно низшего типа с небольшим прибавлением; можно было бы поставить их тогда одно за другим, соединяя в одну группу те, которые находятся на одинаковой ступени развития; и ряд, образованный таким образом, мог бы считаться представляющим человечество. Но факты не так просты. Народ, заступающий вместо другого народа, не является простым продолжением этого последнего с некоторыми новыми свойствами; он - иной, у него некоторых свойств больше, других — меньше; он составляет новую индивидуальность, и все эти отдельные индивидуальности, будучи разнородными, не могут слиться в один непрерывный ряд, особенно - в единственный ряд. Ряд обществ не может быть изображен геометрической линией, он скорее похож на дерево, ветви которого расходятся в разные стороны. В общем, Кант принял за историческое развитие то понятие, которое он составил о нем, и которое немногим отличается от понятий толпы. Действительно, история, рассматриваемая издали, легко принимает этот простой и последовательный вид: видны лишь преемственно сменяющие друг друга ряды индиви-

дов, идущих в одном и том же направлении, так как природа у них та же самая. Полагая, далее, что социальная эволюция не может быть ничем иным, как только развитием какой-нибудь человеческой идеи, вполне естественно определять ее тем понятием, которое составляют себе о ней люди. Однако, действуя таким образом, не только остаются в области идей, но делают еще объектом социологии представление, не имеющее в себе ничего собственно социологического.

Спенсер устраняет это представление, но лишь для того, чтобы заменить его другим, составленным по тому же образцу. Объектом науки он считает не человечество, а общества. Но он сейчас же дает такое определение последних, которое устраняет предметы, о которых он говорит для того, чтобы поставить на их место то предпонятие, которое у него о них существует. Действительно, он признает очевидным то положение, что «общество существует лишь тогда, когда совместное пребывание индивидов становится кооперацией», что лишь через этот союз индивидов становится обществом в собственном смысле этого слова. Затем, исходя из того принципа, что кооперация есть сущность социальной жизни, он разделяет общество на два класса, смотря по характеру господствующей в них кооперации. Существует, говорит он, самопроизвольная кооперация, которая выполняется непреднамеренно во время преследования целей частного характера; существует также сознательно установленная кооперация, имеющая в виду ясно признанные цели общественного интереса. Первые он называет промышленными, вторые военными; и об этом различии можно сказать, что оно является исходной идеей социологии.

Но это предварительное определение объявляет реальностью то, что есть лишь составленное умом представление.

Действительно, оно выдается за выражение непосредственно воспринимаемого и констатируемого наблюдением факта, так как оно формулировано в самом начале науки, как аксиома. А между тем невозможно узнать простым наблюдением, действительно ли кооперация составляет все в социальной жизни. Такое утверждение было бы научно законно лишь тогда, когда бы начали с обзора всех проявлений коллективного бытия и доказали, что все они являются различными формами кооперации. Следовательно, здесь также известное представление о социальной реальности заменяет собою эту реальность. Означенной формулой определяется не общество, а та идея, которую составил себе о нем Спенсер. И если он не испытывает никакого сомнения, действуя таким образом, то это потому, что и для него общество есть и может быть лишь реализацией идеи, именно той самой идеи кооперации, посредством которой он его определяет. Легко показать, что в каждом отдельном вопросе, которого он касается, его метод остается одинаковым. Поэтому, хотя он и делает вид, что действует эмпирически, но так как факты, собранные в его социологии, скорее употреблены для иллюстрации анализов понятий, чем описания и объяснения явлений, то они лишь кажутся фигурирующими там в качестве аргументов. Действительно, все существенное в его учении может быть непосредственно выведено из его определения общества и различных форм кооперации. В самом деле, если у нас есть выбор лишь между тиранически вынужденной коопераци-

ей и кооперацией самопроизвольной и свободной, то, очевидно, эта последняя и будет тем идеалом, к которому стремится и должно стремиться человечество.

Социальные явления суть предметы и, о них нужно рассуждать, как о предметах. Для того, чтобы доказать это положение, не нужно философствовать об их природе, разбирать их аналогию с явлениями низших царств. Достаточно указать, что для социолога они представляют единственное данное (*datum*). Предметом не называется все, что дается, что предлагается, или, скорее, навязывается наблюдению рассуждать о явлениях, как о предметах, - значит рассуждать о них, как о данных, составляющих точку отправления науки. Социальные явления, бесспорно, обладают этим характером. Наблюдению открыта не идея, составляемая людьми о ценности, - она ему недоступна, - а ценности, действительно обменивающиеся в сфере экономических отношений. Нам дано не то или иное представление о нравственном идеале, а совокупность правил, действительно определяющих поведение. Нам дано не понятие о полезном или о богатстве, а экономическая организация во всей ее полноте. Возможно, что социальная жизнь есть лишь развитие известных понятий, но если предположить, что это так, что все-таки эти понятия не даны непосредственно. Дойти до них можно, следовательно, не прямо, а лишь через посредство выражающих их явлений. Мы не знаем *a priori*, какие идеи лежат в основе различных течений, между которыми распределяется социальная жизнь, и существуют ли они; лишь дойдя по ним до их источников, мы узнаем, откуда они происходят.

Нам нужно, следовательно, рассматривать социальные явления сами в себе, отделяя их от сознающих и представляющих их себе субъектов, их нужно изучать извне, как внешние предметы, так как такими они предстают перед нами. Если этот характер внешности лишь кажущийся, то иллюзия рассеется по мере того, как наука будет подвигаться вперед, и мы увидим, как внешнее, так сказать, войдет вовнутрь. Но решения нельзя предвидеть заранее, и даже если бы, в конце концов, у них не оказалось существенных свойств предметов, их все-таки надо обсуждать так, как будто бы эти свойства у них были. Это правило, следовательно, прилагается ко всей социальной реальности в ее целом, без всякого исключения. Даже те явления, которые, по-видимому, представляют собою наиболее искусственные сочетания, должны быть рассматриваемы с этой точки зрения. Условный характер обычая или учреждения никогда не должен быть предполагаем заранее. Если, сверх того, нам будет позволено сослаться на нашу личную опытность, то мы можем уверять, что, действуя таким образом, часто имеешь удовольствие видеть, что факты, с виду самые произвольные, оказываются при внимательном наблюдении обладающими постоянством и правильностью, симптомами их объективности. Впрочем, сказано об отличительных признаках социального факта достаточно, чтобы успокоить нас относительно характера этой объективности и показать нам, что она не призрачна. Действительно, предмет узнается главным образом по тому признаку, что он не может быть изменен простым актом воли. Это не значит, что он не был подвержен никакому изменению. Но для того, чтобы произвести это изменение, недостаточно пожелать этого, надо сделать еще более или менее напряженное

усилие, вследствие того сопротивления, которое он оказывает, и которое, притом, не всегда может быть побеждено. А, как мы видели, социальные факты обладают этим свойством. Они не только не являются продуктами нашей воли, а сами определяют ее извне, они представляют собой как бы формы, в которые мы вынуждены отливать наши действия. Часто даже эта необходимость такова, что мы не можем избежать ее. Но если даже нам удастся восторжествовать, то сопротивление, встречаемое нами, уведомляет нас, что мы находимся в присутствии чего-то, от нас независимого. Следовательно, рассматривая социальные явления как предметы, мы лишь будем сообразовываться с их природой.

Такова великая революция в области исследований данного рода. Все особые приемы, все новые методы, которыми обогатилась эта наука, суть лишь различные средства полнее осуществить эту основную идею. Этот же шаг нужно сделать и социологии. Нужно, чтобы из стадии субъективизма, из которой она еще не вышла, она перешла к объективизму.

Всякое научное исследование обращается на определенную группу явлений, отвечающих одному и тому же определению. Первый шаг социолога должен, следовательно, заключаться в определении тех предметов, о которых он будет рассуждать для того, чтобы и он сам, и другие знали, о чем идет речь. Это первое и необходимое условие всякого доказательства и всякой проверки; действительно можно контролировать какую-нибудь теорию, лишь умея различать факты, о которых она должна дать отчет. Кроме того, так как это первоначальное определение устанавливает самый объект науки, то от него зависит, будет ли таким объектом предмет или нет.

Для того чтобы оно было объективно, нужно, очевидно, чтобы оно выражало явление не на основании идеи о них разума, а на основании свойств, им присущих нужно, чтобы оно характеризовало их по составным элементам их природы, а не по сообразности их с более или менее идеальным понятием. В тот же момент когда исследование только что начинается, когда факты не подвергались еще никакой обработке, могут быть добыты лишь те их признаки, которые являются достаточно внешними для того, чтобы быть непосредственно видимыми. Несомненно, признаки, скрытые глубже, более существенны. Их ценность для объяснения явлений выше, но они не известны в этом фазисе науки и могут быть предвосхищены лишь в том случае, если реальность будет заменена каким-нибудь представлением разума. Следовательно, содержание этого основного определения нужно искать среди первых. С другой стороны, ясно, что это определение должно будет содержать в себе без исключения и различия все явления, обладающие теми же признаками, так как у нас нет ни основания, ни средств выбирать между ними. Эти признаки составляют тогда все известное нам о реальности; поэтому они должны иметь руководящее значение при группировке фактов. У нас нет никакого другого критерия, который мог бы, хотя отчасти, ограничить действие предыдущего. Отсюда следующее правило: «объектом исследования следует избирать лишь группу явлений, определенных предварительно некоторыми общими им внешними признаками и включать в это исследование все явления, отвечающие данному определению». Мы конста-

тируем, например, существование действий, обладающих тем внешним признаком, что совершение их вызывает со стороны общества особую реакцию, называемую наказанием. Мы составляем из них группу *sui generis*, которую помещаем в одну общую рубрику. Мы называем преступлением всякое наказуемое действие и делаем его предметом особой науки криминологии. Точно так же мы наблюдаем внутри всех известных обществ существование еще отдельных маленьких обществ, узнаваемых нами по тому внешнему признаку, что они образованы из лиц, связанных между собою известными юридическими узами и большей частью кровным родством. Из фактов, сюда относящихся, мы составляем особую группу и называем ее особым именем; это - явление семейной жизни. Мы называем семьей всякий агрегат подобного рода и делаем ее объектом специального исследования, не получившего еще определенного наименования в социологической терминологии. Переходя, затем, от семьи вообще к различным семейным типам, надо применять то же правило. Приступая, например, к изучению клана, или материнской семьи, или семьи патриархальной, надо начать с определения их по тому же самому методу. Предмет каждой проблемы, будь она общей или частной, должен быть установлен согласно с тем же самым принципом.

Действуя, таким образом, социолог с первого шага вступает прямо в сферу реального. Действительно, такой способ классификации фактов зависит не от него, не от особого склада его ума, а от природы вещей. Признак, вследствие которого факты относятся к той или иной группе, не может быть указан всем, признан всеми, и утверждения одного наблюдателя могут быть контролируемы другими.

Правда, понятие, составленное таким образом, не всегда совпадает и даже обыкновенно не совпадает с обыденным понятием. Так, например, очевидно, что факты свободомыслия, или нарушения этикета, столь неуклонно и строго наказываемые во многих обществах, не считаются общим мнением преступными по отношению к этим обществам. Точно так же клан не есть семья в обыкновенном значении этого слова. Но это не важно, так как задача состоит не в том, чтоб открыть средство, позволяющее нам довольно верно находить факты, к которым прикрепляются слова нынешнего языка и идеи, ими выражаемые; а нам нужно установить новые понятия, приспособленные при помощи специальной терминологии. Это не значит, конечно, что обыденное понятие бесполезно для ученого; нет, оно служит указанием. Оно уведомляет нас, что существует какая-то группа явлений, соединенных под одним и тем же названием, и, следовательно, по всему вероятно имеющих известные общие свойства; так как оно всегда несколько отвечает явлениям, то иной раз может указывать нам, хотя и в общих чертах, в каком направлении нужно искать их. Но так как оно составлено грубо, то вполне естественно, что оно не вполне совпадает с научным понятием, составленным по его поводу.

Как бы очевидно и важно ни было это правило, оно совсем не соблюдается в социологии; именно потому, что в ней говорится о таких вещах, о которых мы говорим постоянно, как, например, семья, собственность, преступление

и т.д., социологу кажется чаще всего бесполезным предварительно и точно определить их. Мы так привыкли пользоваться этими словами, беспрестанно употребляемыми нами в разговоре, что нам кажется бесполезным определять тот смысл, в которых мы их употребляем. Ссылаются просто на общепринятое понятие. Последнее же очень часто двусмысленно. Эта двусмысленность служит причиной того, что под одним и тем же термином и в одном и том же объяснении соединяют вещи, в действительности очень различные. Отсюда возникает неисправимая путаница.

Но скажут, определять явления по их видимым признакам, не значит ли давать поверхностным свойствам перевес над основными атрибутами; не значит ли это извратить логический порядок, опирать вещи на их вершины, а не на их основания?

Так, определяя преступление при помощи понятия о наказании, почти неизбежно подвергают себя обвинению в желании вывести преступление из наказания, или по известной цитате, в желании видеть источник стыда в эшафоте, а не в искупаемом действии. Но упрек покоится на смешении. Так как определение, правило которого мы только что дали, помещается в начале науки, то оно не может выражать сущность действительности, оно должно лишь доставить нам возможность достигнуть этого в будущем. Единственная его функция заключается в том, чтобы привести нас в соприкосновение с предметами, а так как последние доступны разуму лишь извне, то оно и выражает их по их внешности. Но оно не объясняет их; оно доставляет лишь начальную точку опоры, необходимую нам для объяснения. Конечно, не наказание создает преступление, но лишь посредством его преступление обнаруживается внешним образом, и от него, поэтому мы Должны отправляться, если хотим дойти до понимания преступления.

Приведенное возражение было бы обосновано лишь в том случае, если внешние признаки были в то же время случайными, т.е. если бы они не были связаны с основными свойствами. Действительно, при этих условиях наука, отметив их, не имела бы никакой возможности идти дальше; она не могла бы проникнуть глубже в реальность, так как не было бы никакого связующего звена между поверхностью и дном. Но если только принцип причинности не есть пустое слово, то в тех случаях, когда известные признаки одинаково и без всякого исключения встречаются во всех явлениях данной группы, можно быть уверенным, что они тесно связаны с природой этих явлений и что они отвечают ей. Если данная группа действий представляет одинаково ту особенность, что с ней связана уголовная санкция, то это значит, что существует тесная связь между наказанием и присущими этим действиям свойствами. Поэтому, как бы поверхностны ни были эти свойства, но сами они наблюдались с помощью правильного метода, они хорошо указывают ученому тот путь, по которому он должен следовать, чтобы проникнуть в глубину вещей; они являются первым и необходимым звеном той цепи, которую образуют объяснения науки.

Так как внешность предметов дается нам ощущением, то, резюмируя, можно сказать, что наука, чтобы быть объективной, должна отправляться не от

понятий образовавшихся без нее, а от ощущений. Она должна заимствовать прямо у чувственных данных элементы своих первоначальных определений. И действительно достаточно представить себе, в чем состоит дело науки, чтобы понять, что она не может действовать иначе. Ей нужны представления, точно воспроизводящие предметы таковыми, каковы они суть, а не такими, какими их полезно представлять себе для практики. Те же представления, которые установились без ее помощи, не отвечают этому условию. Нужно, следовательно, чтобы она создала новые и чтобы для этого, устраняя общепринятые понятия и слова, их выражающие, она вернулась к ощущению, первой и необходимой основе всякого понятия.

От ощущения исходят все общие идеи, истинные и ложные, научные, или не научные. Точка отправления науки умозрительного знания не может, следовательно, быть иной, чем точка отправления обыденного или практического знания.

Лишь потом, в способе обработки общего содержания начинаются различия. Но ощущение легко может быть субъективным. Поэтому в естественных науках принято за правило устранять чувственные данные, рискующие быть слишком субъективными, и удерживать исключительно те, которые представляют достаточную степень объективности. Таким образом, физик заменяет неясные впечатления, производимые температурой или электричеством, зрительными представлениями колебаний термометра или электрометра. Социолог должен прибегать к тем же предосторожностям. Внешние признаки, на основании которых он определяет объект своих исследований, должны быть объективны, насколько только это возможно. Ложно принять за правило, что социальные факты тем легче могут быть представлены объективно, чем более освобождены они от индивидуальных фактов, их проявляющих.

Действительно, ощущение тем объективнее, чем постоянное объект, к которому оно относится, так как условием всякой объективности является существование постоянной и неизменной точки опоры, к которой могло бы быть отнесено представление и которая давала бы возможность исключить из него все изменчивое, т.е. субъективное. Если единственно данная основа изменчива и никогда не остается себе равной, то нет никакой общей меры, и у нас нет никакого средства различать, что в наших впечатлениях зависит от внешнего мира и что исходит от нас. Но пока социальная жизнь не изолирована и не поставлена самостоятельно от воплощающих ее событий, она обладает именно этим свойством, вследствие того, что события эти в разных случаях и с минуты на минуту меняют свой вид и сообщают ей свою подвижность, раз она не отделена от них. Она состоит тогда из ряда свободных течений, которые постоянно находятся на пути к изменению и не могут быть схвачены взором наблюдателя в одной определенной форме. Значит, это не та сторона, с которой ученый может приступить к изучению социальной действительности. Но мы знаем, что последняя представляет ту особенность, что, не переставая быть самой собой, она способна кристаллизоваться. Вне индивидуальных действий, ими возбуждаемых, коллективные привычки выражаются в определенных формах, юридиче-

ских и нравственных правилах, народных поговорках, фактах социальной структуры и т.д. Так как эти формы устойчивы и не меняются с различными применениями, делаемыми из них, то они составляют постоянный объект, постоянную меру, всегда доступную наблюдателю и не оставляющую места для субъективных впечатлений и чисто личных наблюдений. Постановление права есть то, что оно есть, и нет двух способов понимать его. Так как, с другой стороны, эти постановления являются лишь консолидированной социальной жизнью, то правильно - если нет указаний на противоположное - изучать последнюю через них.

Когда, следовательно, социолог предпринимает исследование какого-нибудь класса социальных фактов, он должен попытаться рассматривать их с той стороны, с которой они представляются изолированными от своих индивидуальных проявлений.

Мы можем, следовательно, выставить три следующих правила:

1) Социальный факт нормален для данного социального типа, рассматриваемого в определенном фазисе его развития, когда он имеет место в большинстве принадлежащих к этому виду обществ, взятых в соответствующем фазисе их эволюции.

2) Можно проверить выводы предшествующего метода, показав, что всеобщее распространение явления зависит от общих условий коллективной жизни данного социального типа.

3) Эта проверка необходима, когда факт относится к социальному виду, не закончившему процесса своего полного развития.

...Если же оставить в стороне индивида, останется лишь общество; следовательно, объяснения социальной жизни нужно искать в природе самого общества. Действительно, раз оно бесконечно превосходит индивида, как во времени, так и в пространстве, оно в силах внушить ему образы действий и мысли, освященные своим авторитетом. Это давление, являющееся отличительным признаком социальных фактов, есть давление всех на каждого.

Но, скажут, так как единственные элементы, из которых составлено общество, суть индивиды, то первичная основа социологических явлений может быть только психологической. Рассуждая таким образом, можно так же легко доказать, что биологические явления с помощью анализа объясняются явлениями неорганическими. Действительно, вполне достоверно, что в живой клетке находятся лишь молекулы неодушевленной материи. Только они ассоциированы в ней и эта ассоциация и служит причиной новых явлений, характеризующих жизнь явлений, даже зародыш которых невозможно найти ни в одном из ассоциированных элементов. Это потому, что целое не тождественно сумме своих частей, оно является Чем-то иным, со свойствами, отличными от свойств составляющих его элементов, ассоциация не есть, как думали прежде, явление само по себе безразличное, лишь внешним образом связующее добытые факты и констатированные свойства. Не является ли она, наоборот, источником всех своих новообразований, последовательно возникавших в течение общей эволюции? Какое же различие, если не Различие в ассоциации, существует между

низшими организмами и остальными, между живым организмом и клеткой, между последней и неорганическими молекулами, ее составляющими?

Все эти существа, в конце концов, разлагаются на элементы одной и той же природы; но эти элементы в одном случае слеплены, в другом — ассоциированы; в одном ассоциированы одним способом, в другом — другими. Мы имеем даже право спросить себя, не проникает ли этот закон и в минеральное царство и не отсюда ли происходят различия неорганических тел.

В силу этого принципа общество представляет не простую сумму индивидов, но систему, образовавшуюся от ассоциации их и представляющую реальность *suī generis*, наделенную своими особыми свойствами. Конечно, коллективная жизнь предполагает существование индивидуальных сознаний; но этого необходимого условия недостаточно. Нужно еще, чтобы эти сознания были ассоциированы, скомбинированы известным образом; из этой комбинации вытекает социальная жизнь и потому эта комбинация и объясняет ее. Сплачиваясь друг с другом, взаимно дополняя и проникая друг в друга, индивидуальные души дают начало новому существу, если угодно, психическому, но представляющему психическую индивидуальность иного рода.

Следовательно, в природе этой индивидуальности, а не в природе составляющих ее единиц, нужно искать ближайших и определяющих причин относящихся к ней фактов. Группа думает, чувствует, действует совсем иначе, чем это сделали бы ее члены, если бы они были бы разъединены. Если, следовательно, отправляются от этих последних, то не поймут ничего из того, что происходит в группе. Одним словом, между психологией и социологией та же пропасть, как между биологией и науками физико-химическими. Поэтому, всякий раз, когда социальное явление прямо объясняется психическим явлением, можно быть уверенным, что объяснение ложно.

Быть может, возразят, что если общество, уже сложившееся, и является действительно ближайшей причиной социальных явлений, то, однако, причины, приведшие к образованию этого общества, психологические. В данном случае согласны с тем, что, когда индивиды ассоциированы, их ассоциация может произвести новую жизнь, но предполагают, что самая ассоциация может возникнуть лишь по причинам, коренящимся в индивиде.

Но в действительности, как бы далеко ни заглядывали в глубь истории, факт ассоциации окажется наиболее обязательным из всех, так как он источник всех других обязательств. Вследствие моего рождения я обязательно связан с определенным народом. Говорят, что впоследствии, сделавшись взрослым, я даю согласие на это обязательство уже тем, что продолжаю жить в моей стране. Но что за важность? Это согласие не лишает его повелительного характера. Принятое и охотно переносимое давление все-таки остается давлением. К тому же, какую силу может иметь это согласие? Во-первых, оно вынужденно, так как в огромнейшем большинстве случаев нам материально и нравственно невозможно отделаться от нашей национальности; такая перемена считается обыкновенно даже отступничеством. Затем, оно не может касаться прошлого, на которое мы не могли согласиться и которое, однако, определило настоящее: я не

желал того воспитания, которое получил, оно же более всякой другой причины прикрепляет меня к родной почве. Наконец, это согласие не может иметь нравственной цены для будущего той мере, в какой последнее неизвестно. Я не знаю даже всех тех обязанностей, которые могут быть когда-нибудь наложены на меня как на гражданина; как же я могу заранее согласиться на них? Источник же всего обязательного, как мы это доказали, находится вне индивида. Пока, следовательно, не выходят за пределы истории, факт ассоциации имеет тот же характер, как и остальные, и вследствие этого объясняется таким же образом. С другой стороны, так как все общества

Произошли от других обществ, то можно быть уверенным, что в течение всей социальной эволюции не было ни одного момента, когда индивидам приходилось бы решать, вступить ли им в общежитие, и в какое именно общежитие. Для того чтобы поставить вопрос об этом, нужно было вернуться к началу великого общежития. Но всегда сомнительные решения подобных проблем ни в каком случае не могут поколебать тот метод, которому должны следовать при обсуждении доставленных историей фактов. Нам, следовательно, нет надобности останавливаться на них.

Но было бы странным непониманием нашей мысли, если бы из предыдущего вывели заключение, что социология, по нашему мнению, должна или может оставить в стороне человека и его способности. Наоборот, ясно, что общие свойства человеческой природы участвуют в выработке социальной жизни. Только не они вызывают ее и не они дают ей ее особую форму; они лишь делают ее возможной. Производящими причинами коллективных представлений, эмоций, стремлений являются не известные состояния индивидов, а условия, в которых находится социальное тело в его целом. Конечно, они могут реализоваться лишь при условии, что индивидуальные свойства не противятся этому; но последние являются лишь бесформенной материей, которую социальный фактор определяет и преобразует. Их содействие выражается исключительно в создании очень общих состояний, неясных и потому изменчивых предрасположений, которые сами по себе, без помощи постороннего фактора, не могли бы принять определенные и несложные формы, характеризующие социальные явления.

Мы пришли, таким образом, к следующему правилу: определяющая причина данного социального факта должна быть отыскиваема среди предшествующих социальных фактов, а не в состояниях индивидуального сознания. С другой стороны, вполне ясно, что все предыдущее относится как к определению функции, так и к определению причины. Функция социального факта может быть лишь социальной, т.е. она заключается лишь в производстве социально полезных результатов. Конечно, может случиться, и действительно случается, что отраженным путем он служит также и индивиду. Но этот счастливый результат непосредственно его не оправдывает. Мы можем, следовательно, дополнить предыдущее положение, сказав, что: функции социального факта надо искать в его отношении к какой-нибудь социальной цели.

Вследствие того, что социологи часто забывали это правило и рассмат-

ривали социальные явления со слишком психологической точки зрения, их теории и кажутся многим умам слишком туманными, шаткими и удаленными от особой природы явлений, которые они хотят объяснить. Особенно историк, близко знакомый с социальной реальностью, не может резко не почувствовать, насколько неспособны эти слишком общие толкования связать факты; и отсюда, без сомнения, происходит отчасти то недоверие, которое часто высказывала история к социологии. Это, конечно, не значит, что изучение психических фактов не нужно социологу. Если коллективная жизнь и не вытекает из жизни индивидуальной, то все же они тесно между собою связаны; если вторая не может объяснить первую, то она может, по крайней мере, облегчить ее объяснение. Во-первых, как мы указали, бесспорно, что социальные факты являются результатами особой обработки фактов психических. Но, кроме того, сама эта обработка отчасти аналогична той, которая происходит во всяком индивидуальном знании и постепенно все более видоизменяет составляющие его первичные элементы (ощущения, рефлексы, инстинкты). Не без основания можно сказать о «Я», что оно само есть общество так же, как и организм, хотя и иного рода, и давно уже психологи отметили всю важность факта ассоциации для объяснения жизни духа. Знакомство с психологией еще больше, чем изучение биологии, составляет необходимую пропедевтику для социолога. Но оно будет полезно ему лишь в том случае, если он, приобретая его, освободится от его подавляющего влияния и выйдет за пределы данных психологии, дополняя их изучением специально социологическим. Нужно, чтобы он отказался делать из психологии в некотором роде центр своих операций, от которого должны исходить и к которому должны возвращаться его экскурсии в мир социальных явлений; нужно, чтобы он проник в сокровенную глубину социальных фактов, наблюдал их прямо, непосредственно, ища в науке об индивидуе лишь общей подготовки, а в случае нужды и полезных указаний.

Так как факты социальной морфологии носят тот же характер, что и факты физиологические, то при объяснении их также следует руководствоваться только что изложенными правилами. Однако из предыдущего следует, что им принадлежит господствующая роль в коллективной жизни, а вследствие этого и в социологической науке.

Действительно, если факт ассоциации, как мы это указывали выше, имеет решающее значение для явлений, то последние должны изменяться вместе с формами этой ассоциации, т.е., смотря по способам группировки составных частей обществ. А так как, с другой стороны, известное целое, образующееся от соединения разнородных элементов, входящих в состав общества, образует внутреннюю среду последнего, точно так же, как совокупность анатомических элементов, известным образом соединенных и размещенных в пространстве, составляет внутреннюю среду организмов, то можно сказать: начало каждого социального процесса, представляющего некоторую важность, должно быть отыскиваемо в устройстве внутренней социальной среды.

Можно даже пойти еще далее. Действительно, элементы, составляющие эту среду, двоякого рода: предметы и люди. В число предметов нужно вклю-

чить, кроме находящихся в обществе материальных предметов, еще продукты предшествовавшей социальной деятельности: действующее право, укоренившиеся нравы, артистические и литературные памятники и пр. Очевидно, однако, что ни от той, ни от другой группы предметов не может исходить толчок к социальным преобразованиям; они не содержат в себе никакой двигательной силы. Конечно, при объяснении этих преобразований их нужно принимать в расчет. Они, действительно, имеют некоторое значение для социальной эволюции; в зависимости от них изменяются ее быстрота и даже направление; но в них нет ничего, что могло бы привести ее в движение. Они представляют собою материю, к которой прилагаются живые силы общества, но сами по себе не развивают никакой живой силы. Следовательно, активным фактором остается собственно другой элемент среды - люди.

Поэтому главное усилие социолога должно быть направлено к тому, чтобы найти различные свойства этой среды, способные оказать влияние на развитие социальных явлений.

Однако то преобладающее значение, которое мы приписываем социально среде и, в частности, среде человеческой, не значит, что в ней нужно видеть последний и основной факт и что дальше идти незачем. Очевидно, напротив, что состояние ее в каждый исторический момент зависит от социальных причин и одни из этих причин присущи самому обществу, а другие зависят от взаимодействия этого общества с соседними. Кроме того, наука не знает первых причин в абсолютном значении этого слова. Для нее основным фактом является факт, достаточно общий для того, чтобы объяснить значительное число других фактов. Социальная среда, несомненно, есть именно такой фактор, так как происходящие в ней изменения, каковы бы ни были их причины, отражаются во всех направлениях в социальном организме и не могут не затронуть более или менее всех его функций.

Сказанное нами об общей среде общества вполне применимо и к среде всякой группы, заключающейся в обществе. Так, например, смотря по большей или меньшей многочисленности и замкнутости семьи, резко изменяется характер домашней жизни. Точно так же, если бы профессиональные корпорации изменились таким образом, что каждая из них распространилась бы по всей территории, вместо того, чтобы оставаться как прежде заключенной в пределах одной общины, то очень изменилась бы и их деятельность. Говоря вообще, профессиональная жизнь будет совсем иной, смотря по тому, будет ли среда, пригодная для каждой профессии, организована прочно, или же слабо, как теперь. Однако действие этих специальных сред не может быть так же важно, как действие общей среды, так как первые подвержены влиянию последней и к ней приходится всегда возвращаться. Ее давление на частные группы и обуславливает изменения в их устройстве.

Этот взгляд на социальную среду, как на определяющий фактор коллективной эволюции, в высшей степени важен, так как если отбросить его, то социология не сможет установить никакой причинной зависимости.

Действительно, раз устранен этот разряд причин, то не существует сово-

купности условий, от которых могли бы зависеть социальные явления, так как если внешняя социальная среда, т.е. среда, составленная окружающими обществами, и способна иметь какое-нибудь влияние, то лишь на оборонительные и наступательные действия общества и, кроме того, она может обнаружить свое влияние лишь через посредство внутренней социальной среды. При признании ее причиной главные причины исторического развития находились бы не среди текущих событий, а лежали бы всецело в прошлом. Они сами были бы частями этого развития, лишь более-древними его фазисами. Современные события социальной жизни вытекали бы не из современного состояния общества, а из событий предшествовавших, из исторического прошлого, и социологические объяснения сводились бы исключительно к установлению связи между прошлым и настоящим.

Правда, может показаться, что этого достаточно. Не говорят ли обыкновенно, что цель истории состоит именно в том, чтобы связать события в порядке их преемственности? Непонятно, однако, каким образом данная ступень цивилизации может служить определяющей причиной следующей за ней ступени культурного развития. Этапы, которые постепенно пробегает человечество в своем культурном развитии, не возникают одни из других. Понятно, успехи, достигнутые в определенную эпоху в юридическом, экономическом, политическом строе и т.д. делают возможным дальнейшие успехи, но в чем же они их предопределяют? Они служат точкой отправления, позволяющей нам идти дальше, но что же побуждает нас идти Дальше? Здесь нужно было бы допустить внутреннее стремление, толкающее Человечество идти все дальше и дальше, или для того, чтобы вполне выразить свою природу, чтобы увеличить свое счастье, и задачей социологии было бы тогда отыскание порядка развития этого стремления. Но, даже оставляя в стороне все трудности, связанные с этой гипотезой, во всяком случае, надо признать, что закон, выражающий это развитие, не устанавливает никакого отношения. Действительно, Последнее может быть установлено лишь между двумя данными фактами, а указанное стремление, признаваемое причиной развития, не дано, оно лишь предположено и выведено разумом из тех действий, которые ему приписывают. Эту роль двигательной способности, которую мы для уяснения себе движений воображаем лежащею в их основе; однако, действительной причиной какого-нибудь движения может быть лишь другое движение, а не подобная способность к движению. Следовательно, экспериментальным путем мы нашли бы лишь ряд изменений, между которыми нет причинной связи. Предшествующее состояние не производит последующее, отношение между ними исключительно хронологическое. При таких условиях никакое научное предсказание невозможно. Мы можем сказать, как явления следовали друг за другом до сих пор, но не можем знать, как они будут следовать друг за другом в будущем, потому что причина, от которой они признаются зависящими, не определена и не может быть определена наукой. Правда обыкновенно допускают, что эволюция будет продолжаться в том же направлении, в каком она шла раньше, но это простое предположение. Ничто не убеждает нас, что реализованные факты достаточно полно выражают харак-

тер указанного стремления для того, чтобы можно было предсказать тот предел, к которому она стремится, по пройденным им стадиям развития. Почему направление, в котором оно развивается и которое оно сообщает, должно быть прямолинейным?

Вот почему фактически число причинных отношений, установленных социологами, так ограничено. За немногими исключениями, наиболее блестящим примером, которых является Монтескье, древняя философия истории старалась только открыть общее направление, в котором движется человечество, не пытаясь связать фазисы этой эволюции с каким-нибудь сопутствующим условием. Как ни велики услуги, оказанные Контом социальной философии, но пределы, в которое он заключает социологическую проблему, не отличаются от предыдущих. Поэтому его знаменитый закон трех стадий развития не выражает никакого отношения причинности; даже если он верен, он все же может быть лишь эмпирическим. Это общий, суммированный взгляд на протекшую историю человечества. Вполне произвольно Конт считает третью стадию конечным состоянием человечества. Откуда мы знаем, что в будущем не возникнет нового состояния? Наконец, закон, господствующий в социологии Спенсера, по видимому, такого же характера. Даже если правда, что теперь мы склонны искать счастье в промышленной цивилизации, то ничто не убеждает нас в том, что в будущем мы не будем искать его в чем-нибудь другом. Распространенность и устойчивость рассматриваемого метода объясняется тем, что в социальной среде видели средство, которым реализуется прогресс, а не причину, которой он определяется.

С другой стороны, отношением к этой среде должна измеряться также полезность, или, как мы сказали, функция социальных явлений. Среди причиняемых ею изменений пригодны лишь те, которые отвечают ее состоянию, так как она является необходимым условием коллективного существования. С этой точки зрения, только что изложенный взгляд является, думается нам, решающим, потому что лишь он объясняет, каким образом полезный характер социальных явлений может изменяться, не находясь в то же время в зависимости от произвольных устройств.

Конечно, если представить себе социальную эволюцию движимой известного рода *vis a tergo*, толкающей людей вперед, то, как это движущее стремление может иметь лишь одну цель, оно может дать лишь один масштаб для определения полезности или вредности социальных явлений. Отсюда следует, что существует и может существовать лишь один тип социальной организации, вполне пригодный для человечества, и что различные исторические общества являются лишь последовательными приближениями к этому единому образцу. Нет надобности доказывать, насколько подобная прямолинейность непримирима с признанным теперь разнообразием и сложностью социальных форм.

Если, наоборот, учреждения могут быть пригодны или непригодны лишь по отношению к данной среде, то, так как эти среды различны, существуют различные масштабы для оценки, и вследствие этого типы, качественно вполне

отличны друг от друга, могут быть одинаково обоснованы природой социальной среды.

Вопрос, о котором мы сейчас говорили, тесно связан с вопросом об установлении социальных типов. Если существуют социальные виды, то это значит, что коллективная жизнь зависит прежде всего от комбинаций условий, представляющий известное разнообразие.

Если бы, наоборот, главные причины социальных явлений были все в прошлом, то каждый народ был бы лишь продолжением народа предшествовавшего, разные общества потеряли бы свою индивидуальность и стали бы лишь различными моментами одного и того же развития.

С другой стороны, так как организация социальной среды настолько зависит от способа образования социальных агрегатов, так что оба эти выражения в сущности даже синонимы, то у нас есть теперь доказательство того, что нет признаков более существенных, чем указанные нами, как основание социологической классификации.

Наконец, теперь ясно более, чем прежде, насколько несправедливо было бы основываясь на словах «внешние условия» и «среда», обвинять наш метод в том, что он ищет источники жизни вне живого.

Совсем наоборот, все только что прочитанные рассуждения сводятся к той идее, что причины социальных явлений находятся внутри общества.

В желании вывести внутреннее из внешнего можно было бы скорее упрекнуть ту теорию, которая выводит общество из индивида, потому что она объясняет социальное существование чем-то отличным от него и хочет вывести целое из части. Изложенные принципы так мало игнорируют самобытный характер всего живого что, если применить их к биологии и психологии, то придется признать, что индивидуальная жизнь также вырабатывается всецело внутри индивида.

... Конечно, мы считаем принуждение характеристическим признаком всякого социального факта. Но это принуждение вытекает не из более или менее хитрых уловок, имеющих целью скрыть от людей те западни, в которые они сами себя поймали. Оно обязано своим происхождением тому, что индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует, но эта сила естественная. Она вытекает не из договорного устройства, возникшего по воле человека, а из сокровенных недр данной реальности и является необходимым продуктом данных причин. Поэтому для того, чтобы принудить индивида добровольно подчиниться ему, не нужно прибегать ни к какому ухищрению; достаточно, чтобы он осознал свою естественную зависимость и слабость, чтобы он составил себе о них или символическое, или чувственное представление при помощи религии, или определенное и точное понятие при помощи науки.

Так как превосходство общества над индивидом не только физическое, но интеллектуальное и нравственное, то ему нечего бояться свободного исследования, если только последнее ведется правильно. Разум, показывая человеку, насколько социальное бытие богаче, сложнее, прочнее бытия индивидуального,

может лишь открыть ему ясные основания требуемого от него повиновения для чувств привязанности и уважения, которые привычка запечатлела в его сердце.

Поэтому лишь очень поверхностная критика может упрекнуть наш взгляд на общественное принуждение в том, что он повторяет теорию Гоббса и Маккиавели. Но если, в противоположность этим философам, мы утверждаем, что социальная жизнь естественна, то это не значит, что мы находим источник ее в природе индивида; это значит только, что она прямо вытекает из коллективного существа, которое само по себе является реальностью *sui generis*; это значит, что, она получается от той специальной обработки, которой подвергаются индивидуальные сознания в силу факта ассоциации и откуда берет свое начало новая форма существования.

Следовательно, если мы и согласимся с одними в том, что она представляется индивиду в виде принуждения, то признаем вместе с другими, что она есть самопроизвольный продукт особой реальности; и эти два элемента, на первый взгляд противоречащие друг другу, логически объединяются тем, что производящая ее реальность превосходит индивида. Это значит, что в нашей терминологии слова принуждение и самопроизвольность не имеют того смысла, какой Гоббс придает первому, а Спенсер - второму.

В общем большинство попыток рационально объяснить социальные факты можно упрекнуть или в том, что они уничтожают великую мысль о социальной дисциплине, или в том, что они могут поддержать ее лишь с помощью лживых уверток. Изложенные правила допускают, наоборот, построение социологии, которая видела бы в дисциплине существенное условие всякой общей жизни, основывая ее на разуме и истине.

Глава шестая

Правила относительно доказательств

У нас есть только одно средство доказать, что одно явление служит причиной другого, это - сравнить случаи, когда они одновременно присутствуют или отсутствуют, и посмотреть, не свидетельствуют ли изменения, представляемые этими различными комбинациями обстоятельств о том, что одно зависит от другого. Когда они могут быть воспроизведены искусственно, по воле исследователя, метод является экспериментальным в собственном смысле этого слова. Когда же, наоборот, произведение фактов не в нашем распоряжении, и мы можем сравнивать лишь факты, возникшие не по нашей воле, тогда употребляемый метод является косвенно экспериментальным, или сравнительным.

Мы видели, что социологическое объяснение заключается исключительно в установлении причинной связи, или в открытии причины явления, или в определении полезных следствий данной причины. С другой стороны, так как социальные явления, очевидно, ускользают от власти исследователя, то сравнительный метод - единственный пригодный для социологии. Конт, правда, нашел его недостаточным и счел необходимым дополнить его, так называемым, историческим методом, но причиной такого взгляда является особое понимание со-

циологических законов. Последние, по его мнению, должны выражать главным образом не отношения причинности, а то направление, в котором вообще движется человеческая эволюция; они не могут быть, следовательно, открыты при помощи сравнений, так как для того, чтобы иметь возможность сравнить разные формы, принимаемые социальными явлениями у различных народов, нужно сперва отделить их от их преходящих форм. Если же начать с такого раздробления развития человечества на отделы, то окажется невозможным определять его направление. Для того чтобы определить последнее, нужно начать не с анализа, а с широкого синтеза; нужно сблизить и соединить в одной и той же инструкции преемственные стадии развития человечества так, чтобы заметить «постоянное развитие каждого физического, интеллектуального, морального и политического состояния». Таково основание этого метода, называемого Контом историческим и, в случае непризнания основного начала контовской социологии, лишенного всякого объекта.

Правда, Милль объявил экспериментальный метод, даже косвенный, неприменимым к социологии, но его аргументация утрачивает значительную долю своей силы оттого, что он применяет ее одинаково к биологическим явлениям и даже к наиболее сложным физико-химическим фактам; но теперь излишне доказывать, что химия и биология могут быть лишь науками экспериментальными. Нет, следовательно, причины считать более обоснованными и суждения Милля, касающиеся социологии, потому что социальные явления отличаются от предыдущих лишь большей сложностью. Это различие может быть причиной того, что употребление экспериментального метода в социологии представляет больше трудности, чем в других науках, но не видно, почему бы оно было вполне невозможно.

Вся эта теория Милля покоится на постулате, связанном, несомненно, с основными принципами его логики, но противоречащего всем выводам науки. Действительно, он признает, что одно и то же последующее не всегда вытекает из одного и того же предыдущего, а может зависеть то от одной причины, то от другой. Это представление о причинной связи, отнимая у нее всякую определенность, делает ее почти недоступной научному анализу, потому что вносит такую сложность в переплетающуюся цепь причин и следствий, что ум теряется в ней безвозвратно. Если следствие может вытекать из разных причин, то для того, чтобы узнать, что определяет его при данных обстоятельствах, нужно было бы произвести опыт при условии такого изолирования, которое совершенно неосуществимо, особенно в социологии.

Но эта пресловутая аксиома множественности причин есть отрицание принципа причинности. Конечно, если согласиться с Миллем, что причина и следствие -абсолютно гетерогенны, что между ними не существует никакой логической связи, то нет никакого противоречия в том, чтобы допустить, что какое-нибудь следствие может вытекать то из одной, то из другой причины. Если связь, соединяющая С с А - чисто хронологическая, то она не исключает другую связь того же рода, которая соединила бы, например, С с В. Если же, наоборот, причинная связь допускает определение ее, то она не может быть на-

столько неопределенной. Если она представляет собою отношение, вытекающее из природы вещей, то известное следствие может стоять в причинной зависимости лишь от одной причины, так как оно может выразить лишь одну природу. Но лишь философы сомневались в познаваемости причинной связи. Для ученого она является уже решенным вопросом и предполагается самим методом науки. Как иначе объяснить и столь важную роль Дедукции в экспериментальных науках, и основной принцип пропорциональности между причиной и следствием? Что же касается тех случаев, которые приводятся в подтверждение, и в которых предполагается множественность причин, то для того, чтобы они имели доказательную силу, нужно было бы предварительно установить или то, что эта множественность не просто кажущаяся, или что внешнее единство следствия не скрывает в себе действительной множественности. Сколько раз науке приходилось сводить к единству причины, множественность которых казалась на первый взгляд несомненной. Стюарт Милль сам дает пример этого, указывая, что по современным теориям производство теплоты трением, ударом, химическим Действием, и т.д. вытекает из одной и той же причины. Наоборот, когда дело касается следствия, ученый часто различает то, что смешивает толпа. По ходящим воззрениям, слово лихорадка обозначает одну и ту же болезнь, для науки же существует много специфики различных лихорадок и множественность причин находится в связи со множественностью следствий; если же между всеми этими видами существует нечто общее, то это потому, что причины их тоже сходны в Некоторых своих свойствах. Тем важнее изгнать этот принцип из социологии, что многие социологи до сих пор находятся под его влиянием, даже тогда, когда они не возражают против применения сравнительного метода.

Так, обыкновенно говорят, что преступление может быть одинаково вызвано самыми различными причинами; что то же имеет место относительно самоубийства, наказания и т.д. Если вести опытное исследование в таком направлении, то, сколько бы ни соединяли значительных фактов, никогда не получают точных законов, определенных отношений причинности. При таких условиях можно лишь связать плохо определенное последующее с неясной и неопределенной группой предшествующих. Если, следовательно, применять сравнительный метод научно т.е. сообразуясь с тем принципом причинности, который устанавливается самой наукой, то за основание делаемых сравнений нужно принять следующее положение: одному и тому же следствию соответствует всегда одна и та же причина. Так пользуясь вышеприведенными примерами, если самоубийство зависит от многих причин, то это значит, что в действительности существует несколько видов самоубийств. То же самое можно сказать и о преступлении. Для наказания же наоборот признать, что оно одинаково хорошо объясняется различными причинами, значит не замечать общего всем его antecedентам элемента, в силу которого они и производят свое общее действие.

Однако, если различные приемы сравнительного метода и применимы к социологии, то не все они имеют для нее одинаковую доказательную силу.

Так называемый метод остатков, хотя и составляет одну из форм экспе-

риментального метода, не имеет, однако, никакого применения в изучении социальных явлений. Он может иметь место лишь в довольно развитых науках, так как предполагает известным большое количество законов; притом социальные явления слишком сложны для того, чтобы в каком-либо данном случае можно было бы точно вычестить действие всех причин, кроме одной.

Та же причина делает затруднительной применение метода согласия и метода различий. Действительно, они предполагают, что сравнительные случаи или совпадают, или различаются только в одном пункте. Конечно, нет науки, которая была бы в силах когда-либо произвести опыты, относительно которых было бы неоспоримо установлено, что они совпадают или различаются только в одном пункте. Никогда нельзя быть уверенным, что не пропущено какое-нибудь обстоятельство, совпадающее или различающееся так же и в то же время, как и единственное известное. Между тем, хотя полное исключение всякого случайного элемента является идеалом, которого в действительности нельзя достигнуть, но фактически физико-химические и даже биологические науки достаточно приближаются к нему для того, чтобы в значительном числе случаев доказательство их могло бы считаться практически достаточным. Совсем иное дело в социологии вследствие слишком большой сложности явлений и связанной с ней возможности произвести искусственный опыт. Как нельзя составить даже приблизительно полный список всех фактов, сосуществующих в данном обществе или преемственно сменявших друг друга в течение его истории, так никогда нельзя быть, даже в некоторой степени, уверенным, что два народа совпадают или различаются во всех отношениях, кроме одного. Шансов пропустить какое-нибудь явление больше, нежели шансов заменить их все. Следовательно, такой метод доказательств может породить лишь предположения, которые сами по себе совсем лишены всякого научного характера.

Но совсем другое дело метод сопутствующих изменений. Действительно, для того, чтобы он имел доказательную силу, не нужно, чтобы все изменения, отличные от сравниваемых, были строго исключены. Простая параллельность изменений, совершающаяся в двух явлениях, если только она констатирована в достаточном числе довольно разнообразных случаев, служит доказательством наличности между ними причинного отношения. Преимущество этого метода заключается в том, что с помощью его причинная связь настигается не извне, как в предыдущих методах, а изнутри. Он обнаруживает нам не внешнюю только связь двух фактов, при которой они сопровождают или исключают друг друга, но при которой ничто прямо не доказывает наличности внутренней связи между ними, наоборот, он обнаруживает нам их соответствие друг другу и соответствие постоянное, по крайней мере, в количественном отношении. Уже одного этого соответствия достаточно, чтобы доказать, что они не чужды друг другу. Способ развития какого-нибудь явления выражает его природу; для того, чтобы процессы развития двух явлений соответствовали друг другу, необходимо соответствие выражаемых ими свойств. Постоянная параллельность изменений есть, следовательно, сама по себе -закон, каково бы ни было состояние явлений, остающихся вне сравнений. Поэтому, чтобы унич-

тожить ее, недостаточно показать, что она опровергается некоторыми отдельными случаями применения метода согласия или различия. Это значило бы приписать этому роду доказательств такое значение, какого они не могут иметь в социологии. Когда два явления регулярно изменяются параллельно друг другу, следует признавать между ними это отношение даже тогда, когда одно из этих явлений появилось без другого, так как может случиться, или что действие враждебной причины - ее следствие, или же что следствие находится налицо, но в другой форме, чем та, которую наблюдали перед этим. Конечно, есть повод пересмотреть снова факты, но не надо отбрасывать сразу результаты правильно веденного доказательства.

Правда, законы, добытые этим методом, не всегда представляются сразу в форме отношений причинности. Сопутствие изменений может зависеть не от того, что одно явление есть причина другого, а от того, что оба они следствия одной и той же причины, или от того, что между ними существует третье промежуточное, но не замеченное явление, которое есть следствие первого и причина второго. Результаты, к которым приводит этот метод, должны быть, следовательно, подвергнуты толкованию. Но какой же экспериментальный метод позволяет открыть причинное отношение механически, без того, чтобы установленные им факты не нуждались в обработке разумом? Важно только, чтобы эта обработка совершалась под руководством правильного метода. Метод, пригодный для нее, следующий. Сперва надо искать дедуктивным путем, каким образом один из двух членов отношения мог произвести другой; затем, надо постараться проверить результат этой дедукции при помощи опытов, то есть новых сравнений. Если дедукция возможна и проверка удалась, то доказательство можно считать оконченным. Наоборот, если между этими фактами не заметят никакой прямой связи, особенно же если гипотеза такой связи противоречит уже доказанным законам, то нужно приняться за разыскивание третьего явления, от которого оба другие одинаково зависят, или которое могло бы служить промежуточным между ними. Можно установить, например, самым достоверным образом, что склонность к самоубийству изменяется параллельно со стремлением к образованию, но невозможность понять, каким образом образование ведет к самоубийству; такое объяснение противоречило бы законам психологии. Образование, особенно же начальное образование, затрагивает лишь самые поверхностные области сознания; наоборот, инстинкт самосохранения является одной из наших основных склонностей. Следовательно, он не может быть чувствительно затронут столь отдаленным и слабо отражающимся фактором. Таким образом, является вопрос, не представляют ли оба факта следствия одного и того же состояния. Этой общей причиной является ослабление традиционных религиозных верований, которое одновременно усиливает потребность в знании и склонность к самоубийству.

Существует еще другая причина, делающая метод сопутствующих изменений главным орудием социологических исследований. Действительно, даже при наиболее благоприятных для них обстоятельствах другие методы могут быть употреблены с пользой лишь тогда, когда число сравниваемых фактов

очень значительно. Хотя и нельзя найти двух обществ, сходных или различающихся лишь в одном пункте, однако можно по крайней мере констатировать, что два факта очень часто сопровождают или исключают друг друга. Но для того, чтобы такое констатирование имело научную ценность, нужно, чтобы оно было сделано очень большое число раз, нужно быть почти уверенным, что все факты были рассмотрены. Однако, столь полный перечень не только невозможен, но и факты, собранные таким образом, не могут быть установлены с достаточной точностью, именно потому, что они слишком многочисленны.

При таких условиях не только рискуешь проглядеть факты, весьма существенные и противоречащие уже признанным, но нельзя быть вполне уверенным и в надлежащем знании этих последних. Рассуждения социологов часто многое утрачивали оттого, что они применяли предпочтительно методы согласия, или различия, особенно первый, и занимались более собиранием документов, чем их критикой и выбором. Так, они беспрестанно ставят на одну доску сбивчивые и наскоро сделанные наблюдения путешественников и точные тексты истории. Относительно подобных доказательств можно сказать не только, что достаточно одного факта, чтобы разрушить их, но и что факты, на которых они основаны, не всегда внушают доверие.

Методы сопутствующих изменений не принуждают нас ни к таким неполным перечислениям, ни к таким поверхностным наблюдениям. Для того, чтобы посредством его получить надлежащие результаты, достаточно несколько фактов. Как только доказано, что в известном числе случаев два явления изменяются одинаково, можно быть уверенным в существовании в данном случае известного закона. Так как нет необходимости, чтобы документы были многочисленны, то они могут быть тщательно выбраны и изучены пользующимся ими социологом. Главным содержанием своих индукций он может и потому должен сделать те общества, верования, традиции, нравы и право которых воплотились в достоверных и письменных памятниках.

... уже при поверхностном знакомстве с социальными явлениями бываешь поражен тою удивительной правильностью, с какою они воспроизводятся при одних и тех же обстоятельствах. Даже обычаи, самые мелочные и с виду самые пустые, повторяются с самыми поразительным единообразием. Такой свадебный обряд, по-видимому, чисто символический, как похищение невесты, встречается повсюду, где существует известный семейный тип, связанный, в свою очередь, с целою политической организацией. Самые причудливые обычаи, как, например, экзогамия, брак со свояченицей и пр., наблюдаются у самых различных народов и являются симптомами известного социального состояния. Право завещать появляется в определенном фазисе истории и, смотря по более или менее важным ограничениям, которым оно подвергается, можно угадать, с каким моментом социальной эволюции имеешь дело. Можно бы без труда увеличить число подобных примеров. Эта же распространенность коллективных форм была бы необъяснима, если бы причины-цели имели в социологии тот перевес, который им приписывают.

Следовательно, когда собираются объяснить социальное явление, долж-

ны исследовать отдельно производящую его причину и выполняемую им функцию. Ивibi отдаем предпочтение термину функция перед словом цель именно потому, что социальные явления возникают обыкновенно не в виду полезных результатов, ими производимых. Важно же определить, существует ли и в чем состоит соответствие между рассматриваемым фактом и общими потребностями социального организма, не занимаясь вопросом, намеренно оно или нет. Притом все эти вопросы о намерении слишком объективны для того, чтобы обсуждаться научно.

Обе эти проблемы должны рассматриваться отдельно и первая раньше второй. Действительно, такой порядок вполне отвечает порядку фактов. Естественно искать причину явлений прежде, чем пытаться определить его следствия. Такой метод тем более логичен, что решение первого вопроса часто облегчает решение второго. Действительно, связь причины со следствием носит характер взаимной солидарности, до сих пор недостаточно признаваемый. Конечно, следствие не может существовать без своей причины, но эта последняя, в свою очередь, нуждается в своем следствии. Следствие получает от причины свою энергию, но при случае возвращает ей ее и, следовательно, не может исчезнуть без ущерба для нее. Например, общественная реакция в форме наказания обязана своим существованием интенсивности коллективных чувств, оскорбляемых преступлением, но, с другой стороны, она имеет ту полезную функцию, что поддерживает данную степень интенсивности этих чувств и последние не замедлили бы ослабеть, если бы испытываемые ими оскорбления не были наказываемы. Точно так же, по мере возрастающей сложности и подвижности социальной среды, вполне сложившиеся верования и традиции начинают колебаться, становятся менее определенны и более гибки, а способность к отвлечению развивается. Но сама эта способность необходима обществам и индивидам для того, чтобы они могли приспособиться к более подвижной и более сложной среде. По мере того, как люди вынуждаются к более интенсивному труду, продукты этого труда становятся более многочисленными и лучшего качества; но эти более обильные и лучшие продукты необходимы для того, чтобы вознаградить расходы, возникающие от более значительного труда. Таким образом, причина социальных явлений состоит не в предшествующем мысленном представлении той функции, которую они призваны исполнять, а, напротив, эта функция состоит, по крайней мере, во многих случаях в том, чтобы поддержать прежде возникшую причину, от которой они произошли; следовательно, первую найдут легче, если вторая уже известна.

Но хотя определение функции и стоит на втором плане, оно все-таки необходимо для того, чтобы объяснение явления было полным. Действительно, если полезность факта и не есть причина его существования, то все-таки обыкновенно он должен быть полезен для того, чтобы сохранить свое существование. Для того, чтобы быть вредным, ему достаточно быть бесполезным, потому что в этом случае он ничем не окупает своей стоимости. Следовательно, если бы большинство социальных явлений обладало этим паразитарным характером, то бюджет организма пришел бы к дефициту и социальная жизнь была бы не-

возможна.

Поэтому, для того чтобы дать о последней удовлетворительное понятие, необходимо показать, каким образом составляющие ее явления совокупными усилиями стремятся привести общество в состояние внешней и внутренней гармонии. Конечно, ходячая формула, определяющая жизнь как соответствие между средой внутренней и внешней, лишь приближительна; тем не менее в общем она правильна и потому для объяснения какого-либо жизненного факта недостаточно указать вызвавшую его причину; нужно еще - по крайней мере в большинстве случаев - найти, какая часть работы приходится на его долю в установлении общей гармонии.

Раз оба эти вопроса различены, нам нужно определить метод, которым они должны быть разрешены.

Метод, которым обыкновенно пользуются социологи для объяснения, одновременно, и психологический по существу своему, и телеологический.

Оба эти признака тесно между собою связаны. Действительно, если общество является лишь системой средств, создаваемых людьми для достижения известных целей, то эти цели могут быть лишь индивидуальными, так как до общества могли существовать только индивиды. Следовательно, идеи и потребности, определившие образование обществ, исходят от индивида, а если все исходит от него, то все по необходимости должно найти в нем свое объяснение. С другой стороны, в обществе существуют лишь отдельные сознания, следовательно, в последних и находится источник всякой социальной эволюции. С этой точки зрения социологические законы могут быть лишь королляриями более общих психологических законов; последнее объяснение коллективной жизни будет состоять в узаконении, каким образом она вытекает из человеческой природы вообще, в виде ее и из этого источника или непосредственно, без предварительных наблюдений, или же с помощью последних.

Почти дословно этими выражениями характеризует Конт свой метод: «Так как, - говорит он, - в основе социальных явлений, взятых в целом, лежит лишь простое развитие человеческих способностей - без создания каких-либо новых способностей, то, как это установлено мною выше, все способности, которые могут быть постепенно открыты социологическим наблюдением, должны заключаться, по крайней мере, в зародыше, в первичном типе, заранее установленном для социологии биологией». Объясняется это тем, по его мнению, что господствующим фактом социальной жизни является прогресс, а он зависит исключительно от психического фактора, именно, от стремления человека все более и более развивать свою природу. Социальные факты вытекают как будто бы столь непосредственно из человеческой природы, что первые фазисы истории прямо могут быть из нее выведены без предварительных наблюдений. Правда, по признанию самого Конта, невозможно применить этот дедуктивный метод к более поздним периодам эволюции. Но эта невозможность чисто практическая. Она происходит оттого, что расстояние между исходной и данной точками становится слишком значительным для того, чтобы человеческий ум не подвергся опасности заблудиться, если бы он собрался пройти его без руко-

водителя. Но отношение между основными законами человеческой природы и последними результатами прогресса остается все-таки аналитическим. Самые сложные формы цивилизации являются лишь развитием психической жизни. Поэтому даже тогда, когда психические теории являются недостаточными в качестве посылок социологического рассуждения, они все-таки остаются проблемным камнем, при помощи которого испытывается законность добытых индукцией положений. «Всякий закон последовательности социальных явлений, - говорит Конт, - как бы авторитетно ни указывал его исторический метод, - должен быть принят окончательно лишь после того, как он, прямо или косвенно, но происходит при упадке каждого вида с тем, что бывает в первые моменты существования следующего вида. Руководясь таким примером, считали возможным утверждать, например, что ослабление религиозных верований и всякого традиционализма может быть лишь переходным моментом в жизни народов, потому что оно появляется лишь в последний период их существования и прекращается с началом новой эволюции. Но при таком методе можно принять за правильный и необходимый ход прогресса то, что есть следствие совсем другой.

Действительно, состояние молодого общества не есть продолжение тех состояний, до которых дошли в конце своей жизни замененные им общества, но происходит отчасти и от самой этой молодости, мешающей им утилизировать оные результаты опытов предшественников. Так, ребенок получает от своих родителей способности и предрасположения, получающие применение в его жизни лишь позднее. Следовательно, возвращаясь к первому примеру, можно сказать, что возврат к традиционализму, наблюдаемый в начале истории каждого общества, обязан своим происхождением не тому, что противоположное явление бывает только переходным моментом, а вытекает из особых условий, в которых находится всякое начинающее общество. Сравнение может иметь доказательную силу лишь с исключением этого препятствующего фактора - возраста; для устранения его достаточно рассматривать сравниваемые общества в одинаковом периоде их развития. Так, для того чтобы узнать, в каком направлении развивается данное социальное явление, нужно сравнить состояние его в эпоху молодости данного вида с состоянием его в эпоху молодости следующего вида и, смотря по тому, представляется ли оно более, менее, или столь же развитым при переходе от одной ступени к другой, можно будет сказать, что данное явление прогрессирует, идет назад или остается неподвижным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В общем, отличительные признаки изложенного метода следующие.

Во-первых, он независим от всякой философии. Так как социология возникла из великих философских доктрин, то она сохранила привычку опираться на какую-нибудь систему, с которой она, таким образом, оказывается солидарной. Так, она была последовательно позитивной, эволюционной, спиритуалистической, тогда как она должна быть просто социологией. Мы поколебались бы даже назвать ее натуралистической, если только этим термином не будет

просто обозначено, что она считает специальные факты объяснимыми естественными причинами, и в этом случае эпитет бесполезен, так как он только обозначает, что социолог - не мистик и занимается наукой. Но мы отвергаем это слово, если ему придают доктринальное значение, касающееся сущности социальных явлений, если, например, подразумевают, что последние могут быть сведены на другие космические силы. Социологии не следует принимать сторону какой-нибудь из великих метафизических гипотез. Ей не нужно утверждать ни свободы, ни детерминизма. Она требует только признания, что социальные явления подчинены закону причинности. Даже это начало установлено ею не как непреложный постулат разума, а как начало эмпирическое - законный продукт правильной индукции. Так как закон причинности признан для других отделов природы и признание его господства постепенно Расширялось, распространялось от мира явлений физико-химических на явления биологические, от последних — на мир явлений психических, то можно допустить, что он одинаково верен и для мира социального, и надо прибавить, что исследования, вызванные признанием этого начала, стремятся подтвердить его. Но вопрос, не исключает ли природа причинной связи всякую случайность, этим еще не решается.

К тому же сама философия очень заинтересована в этой эмансипации социологии. Потому что, пока социолог не освободился вполне от влияния философа, он рассматривает социальные явления с их наиболее общей стороны, с той, с которой они более всего походят на другие явления вселенной. Если же, находясь в таком Положении, социология не может иллюстрировать философию интересными фактами, то не может обогатить ее новыми взглядами, потому что она не отмечает ничего нового в том предмете, который изучает. Но в действительности, если основные факты других областей и повторяются в сфере социальных явлений, то лишь в особых формах, делающих их природу более понятной, потому что они являются высшим ее выражением. Но только для того, чтобы видеть их с этой стороны, нужно выйти за пределы общностей и обратиться к подробному изучению таких фактов. Таким образом, социология по мере того, как она специализируется, доставляет все более оригинальный материал для философского размышления.

Э. Дюркгейм САМОУБИЙСТВО СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

Книга I ФАКТОРЫ ВНЕСОЦИАЛЬНЫЕ

Глава первая САМОУБИЙСТВО И ПСИХОПАТИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ

Главные внесоциальные факторы, способные иметь влияние на социальный процент самоубийств; индивидуальные стремления достаточной общности, состояние физической среды.

I. Теория, согласно которой самоубийство является лишь следствием сумасшествия. Два способа ее защиты: 1) самоубийство есть мономания *sui generis*; 2) самоубийство есть явление, сопутствующее сумасшествию и встречающееся исключительно в связи с этим последним.

II. Верно ли, что самоубийство есть мономания? Существование мономании вообще уже более не признается. Клинические и психологические основания, противоречащие этой гипотезе.

III. Можно ли рассматривать самоубийство как специфическое проявление сумасшествия? Сведение всех типов психопатического самоубийства к четырем типам. Наличие вполне разумных самоубийств, не уместяющихся в эти рамки.

IV. Но, быть может, самоубийство, не будучи продуктом сумасшествия, находится в тесной связи с неврастением? Основания, заставляющие думать, что неврастение представляет наиболее распространенный среди самоубийц психологический тип. Необходимость точно установить, в какой степени это условие индивидуального порядка влияет на процент самоубийств. Метод, ведущий к этой цели: выяснение вопроса, изменяется ли процент самоубийств параллельно проценту сумасшествия. Отсутствие всякой связи между колебаниями этих двух величин в зависимости от пола, возраста, религии, страны, уровня цивилизации. Чем объясняется это отсутствие связи: неопределенность последствий, к которым приводит неврастения.

V. Нет ли более тесного соотношения между процентом самоубийств и процентом алкоголиков? Сопоставление процента самоубийств с географическим распределением проступков, совершаемых на почве алкоголизма, помешательств алкоголического характера и потребления алкоголя. Отрицательные результаты такого сопоставления.

Глава вторая

САМОУБИЙСТВО

И НОРМАЛЬНЫЕ ПСИХИЧЕСКИЕ СОСТОЯНИЯ.

РАСА. НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

I. Необходимость определить понятие расы. Единственным ее признаком может служить наличие унаследованного типа; но в таком случае слово это принимает совершенно неопределенный смысл. Необходимость величайшей осторожности в обращении с ним.

II. Три главные расы, различаемые Морселли. Весьма крупные различия

в наклонности к самоубийству среди славян, кельто-романских народов и народов германского происхождения. Одни только немцы имеют обыкновенно интенсивную склонность к самоубийству, но они теряют ее вне пределов Германии.

Мнимая связь между числом самоубийств и высотой роста есть результат простого совпадения.

III. Раса могла бы быть фактором самоубийства лишь в том случае, если бы это последнее представляло собой явление, коренным образом наследственное; недостаточность доказательств в пользу этого наследственного характера самоубийства: 1) частота случаев, приписываемых наследственности не выяснена; 2) возможность другого объяснения; влияние мании и подражания. Соображения, говорящие против существования этого специального вида наследственности: 1) непонятно, почему женщины в меньшей степени наследуют наклонность к самоубийству, чем мужчины; 2) изменение процента самоубийств с возрастом не согласуется с этой гипотезой.

Глава третья

САМОУБИЙСТВО И КОСМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ

I. Климат не оказывает на самоубийство никакого влияния.

II. Температура. Сезонные колебания числа самоубийств; их общность. Попытки итальянской школы объяснить их влиянием температуры.

III. Спорные представления о характере самоубийства, лежащие в основе этой теории. Исследование фактов; влияние чрезмерной жары или чрезмерных холодов ничего не доказывает; отсутствие связи между процентом самоубийств и сезонной или месячной температурой; самоубийства реже в большинстве жарких стран.

Гипотеза, согласно которой лишь первая жара оказывает в данном случае вредоносное действие. Она не согласуется: 1) с непрерывным характером кривой самоубийств как на восходящей, так и на нисходящей ветвях; 2) с тем фактом, что первые холода, которые должны бы были оказывать то же самое влияние, в действительности никакого влияния не оказывают.

Социология не должна, отказываясь ни от одной из своих высоких задач, но если она хочет оправдать возлагающиеся на нее надежды, то она должна стремиться к тому, чтобы стать чем-либо иным, а не только своеобразной разновидностью философской литературы.

Вместо того чтобы предаваться метафизическим размышлениям по поводу социальных явлений, социолог должен взять объектом своих изысканий ясно очерченные группы фактов, на которые можно было бы указать, что называется, Пальцем, у которых можно было бы точно отметить начало и конец - и пусть он вступит на эту почву с полной решительностью. Пусть он старательно рассмотрит все вспомогательные дисциплины: историю, этнографию, статистику, без помощи которых социология совершенно бессильна. Если при таком методе работы можно чего-либо опасаться, так это только того, что, при всей

добросовестности социолога, данные, добытые социологом, не будут исчерпывать изученного им материала, так как сам материал настолько богат и разнообразен, что хранит в себе неистощимую возможность самого неожиданного, самого нечаянного стечения обстоятельств. Но не надо, конечно, придавать этому преувеличенного значения. Раз социолог пойдет указанным нами путем, то даже в том случае, если фактический инвентарь его будет не полон, а формулы слишком узки, работа его будет бесспорно полезна - и будущее поколение продолжит ее, потому что каждая концепция, имеющая какое-нибудь объективное основание, не связана неразрывно с личностью автора; в ней есть нечто безличное, благодаря чему она переходит к другим людям и воспринимается ими; она способна к передаче. Благодаря этому, в научной работе создается возможность известной преемственности, а в этой непрерывности лежит залог прогресса.

Именно в этой надежде написана предлагаемая нами работа. И если среди различных вопросов, которые разбирались нами на протяжении нашего курса, мы выбрали темой настоящей книги самоубийство, - то поступили мы так главным образом потому, что самоубийство принадлежит к числу явлений, наиболее легко определяемых, может служить для нас исключительно удачным примером; но и тут для точного определения очертаний нашей темы нам понадобилось немало предварительной работы. Зато, сосредоточиваясь таким образом на одном каком-нибудь вопросе, нам удастся открывать законы, которые лучше всякой диалектической аргументации доказывают возможность существования социологии как науки. В дальнейшем изложении читатель познакомится с теми из этих законов, которые, как мы надеемся, нам удалось доказать. Без всякого сомнения, нам не раз случалось ошибаться, чрезмерно увлекаться в своей индукции и отдаляться от наблюдаемых фактов; во всяком случае, каждое из своих положений мы подкрепляли возможно большим количеством доказательств; особенное внимание мы обращали на то, чтобы как можно тщательнее отделить рассуждение по поводу данного положения и нашу субъективную интерпретацию его от самих рассматриваемых фактов. Таким образом, читатель может сам оценить, насколько основательны предлагаемые ему объяснения, имея под руками все данные для обоснованного суждения.

Поставив точные границы своим изысканиям, необходимо, кроме того, категорически воздержаться от изложения общих взглядов на изучаемый предмет и от так называемого краткого общего обзора темы. Мы думаем, что достигнутые нами результаты, а именно, установление известного количества положений относительно брака, вдовства, семьи, религиозной общины и т.д., дают нам возможность, разумеется, при повторном пользовании этим материалом, научиться гораздо большему, нежели изучая заурядные теории моралистов о природе и качестве этих явлений и учреждений.

В нашей книге читатель найдет также несколько указаний на причины общего недуга, заразившего в настоящее время все европейское общество, и на те средства, которыми этот недуг может быть ослаблен. Никогда не надо думать, что общее положение вещей можно объяснить при помощи обобщений.

Можно говорить об определенных причинах только после тщательного наблюдения и изучения не менее определенного внешнего их проявления. Самоубийства в том виде, в каком они сейчас наблюдаются, являются именно одной из тех форм, в которых передается наша коллективная болезнь, и они помогут нам добраться до ее сути.

Наконец, на страницах этой книги читатель найдет в конкретном приложении главные проблемы методологии, более подробным рассмотрением которых мы занимались в другом месте (*Les regies de la Methode sociologique*. Paris. T. Alcan 1895). Но среди всех этих вопросов есть один, которому в последующем изложении придается слишком большое значение, для того, чтобы сейчас же не обратить на него внимание читателя.

Предлагаемый нами метод целиком зиждется на том основном принципе, что социальные явления должны изучаться как вещи, т.е. как внешние по отношению к индивиду реальности.

Подобно индивидуальному настроению существует коллективное настроение пуха, которое склоняет народ либо в сторону веселья, либо печали, которое заставляет видеть предметы или в радужных, или в мрачных красках. Мало того, только одно общество в состоянии дать оценку жизни в целом; отдельный индивид здесь не компетентен. Отдельный человек знает только самого себя и свой узкий горизонт; его опыт слишком ограничен для того, чтобы служить основанием для общей оценки. Человек может думать, что его собственная жизнь бесцельна, но он не может ничего сказать относительно других людей. Напротив, общество может, не прибегая к софизмам, обобщить свое самочувствие, свое состояние здоровья или хилости. Отдельные индивиды настолько тесно связаны с жизнью целого общества, что последнее не может стать больным, не заразив их; страдания общества неизбежно передаются и его членам; ощущения целого неизбежно передаются его составным частям. Поэтому общество не может ослабить свои внутренние связи, не сознавая, что правильные устои общей жизни в той же мере поколеблены. Общество есть цель, которой мы отдаем лучшие силы нашего существа, и, поэтому, оно не может не сознавать, что отрываясь от него, мы в то же время утрачиваем смысл нашей деятельности. \ (Как как мы являемся созданием общества, оно не может сознавать своего упадка, не ощущая при этом, что создание его отныне не служит более ни к чему. Таким путем обыкновенно образуются общественные настроения уныния и разочарования, которые не проистекают в частности от одного только индивида, но выражают собой состояние разложения, в котором находится общество. Они свидетельствуют об ослаблении специальных уз, о своеобразном коллективном бесчувствии, о социальной тоске, которая, подобно индивидуальной грусти, когда она становится хронической, свидетельствует на свой манер о болезненном органическом состоянии индивидов. Тогда появляются на сцену те метафизические и религиозные системы, которые, формулируя эти смутные чувства, стараются доказать человеку, что жизнь не имеет смысла и что верить в существование этого смысла — значит обманывать самого себя. Новая мораль заступает место старой и, возвышая факт в право, если не

советует и не предписывает самоубийства, то, по крайней мере, направляет в его сторону человеческую волю, внушая человеку, что жить надо возможно меньше. В момент своего появления мораль эта кажется изобретенной всевозможными авторами, их иногда даже обвиняют в распространении духа упадка и отчаяния. В действительности же эта мораль является следствием, а не причиной; новые учения о нравственности только символизируют на абстрактном языке и в систематической форме физиологическую слабость социального тела. И поскольку эти течения носят коллективный характер, постольку, в силу самого своего происхождения, они несут на себе оттенок особенного авторитета в глазах индивида и толкают его с еще большей силой в том направлении, в котором влечет его состояние морального распада, вызванного в нем общественной дезорганизацией. Итак, в тот момент, когда индивид резко отдаляется от общества, он все еще ощущает на себе следы его влияния. Как бы ни был индивидуален каждый человек, внутри него всегда остается нечто коллективное: это уныние и меланхолия, являющиеся последствием крайнего индивидуализма. Обобщается тоска, когда нет ничего другого для обобщения...

...Если разрываются узы, соединяющие человека с жизнью, то это происходит потому, что ослабела связь его с обществом. Что же касается фактов частной жизни, кажущихся непосредственной и решающей причиной самоубийства, - то, в действительности, они могут быть признаны только случайными. Если индивид так легко склоняется под ударами жизненных обстоятельств, то это происходит потому, что состояние того общества, к которому он принадлежит, сделало из него добычу, уже совершенно готовую для самоубийства.

Несколько примеров подтверждают наше положение. Мы знаем, что самоубийство среди детей - факт совершенно исключительный и что с приближением глубокой старости склонность к самоубийству ослабевает; в обоих случаях физический человек захватывает все существо индивида. Для детей общества еще нет, так как оно еще не успело сформировать их по образу своему и подобию; от старика общество уже отошло, или - что сводится к тому же - он отошел от общества. В результате и ребенок, и старик более, чем другие люди, могут удовлетворяться самими собой; они меньше других людей нуждаются в том, чтобы пополнять себя извне, и следовательно, скорее других могут найти все то, без чего нельзя жить. Отсутствие самоубийства у животных имеет такое же объяснение.

Но каким же образом мы можем определить ту ступень благополучия, комфорта и роскоши, к которой может вполне законно стремиться человеческое существо? Ни в органическом, ни в психическом строении человека нельзя найти ничего такого, что могло бы служить пределом для такого рода стремлений. Существование индивида вовсе не требует, чтобы эти стремления к лучшему стояли именно на данном, а не на другом уровне; доказательством этому служит то обстоятельство, что с самого начала истории они непрерывно развивались, что человеческие потребности все время получали более и более полное удовлетворение и тем не менее, в среднем, степень физического здоровья не

понижилась. В особенности трудно было бы определить, каким образом данные стремления должны варьировать в зависимости от различных условий профессий, службы и.п. Нет такого общества, где бы на разных ступенях социальной иерархии подобные стремления получали равное удовлетворение. И, однако, в существенных чертах человеческая природа почти тождественна у всех членов общества. Значит, не от нее зависит та изменчивая граница, которой определяется величина потребностей на каждой данной социальной ступени. Следовательно, поскольку подобного рода потребности зависят только от индивида, они безграничны. Наша восприимчивость, если отвлечься от всякой регулирующей ее внешней силы, представляет собой бездонную пропасть, которую ничто не может наполнить.

Итак, если извне не приходит никакого сдерживающего начала, наша восприимчивость становится для самой себя источником вечных мучений, потому что безграничные желания ненасытны по своему существу, а ненасытность небезосновательно считается признаком болезненного состояния. При отсутствии внешних препон желания не знают для себя никаких границ и потому далеко переходят за пределы данных им средств и, конечно, никогда не находят покоя. Неутомимая жажда превращается в сплошную пытку. Правда, говорят, что это уже свойство самой человеческой деятельности — развиваться вне всякой меры и ставить себе недостижимые цели. Но трудно понять, почему такое состояние неопределенности должно лучше согласоваться с условиями умственной жизни, нежели с требованиями физического существования. Какое бы наслаждение ни давало человеку сознание того, что он работает, двигается, борется, но он должен чувствовать, что усилия его не пропадают даром и что он подвигается вперед. Но разве человек может совершенствоваться в том случае, если он идет без всякой цели или, что почти то же самое, если эта цель по природе своей бесконечна? Раз цель остается одинаково далекой, как бы ни был велик пройденный путь, то стремиться к ней - все равно, что бессмысленно топтаться на одном и том же месте. Чувство гордости, с которым человек оборачивается назад для того, чтобы взглянуть на уже пройденное пространство, может дать только очень иллюзорное удовлетворение, потому что путь от этого несколько не уменьшился. Преследовать какую-нибудь заведомо недостижимую цель, это значит обрекать себя на вечное состояние недовольства. Конечно, часто случается, что человек надеется не только без всякого основания, но и вопреки всем основаниям, - и эта надежда дает ему радость. На некоторое время она может поддержать человека, но она не могла бы пережить неопределенное время повторных разочарований опыта. Что может дать лучшее будущее в сравнении с прошлым, если невозможно достигнуть такого состояния, на котором можно было бы остановиться, если немислимо даже приблизиться к желанному идеалу? И, поэтому, чем большего достигает человек, тем соответственно большего он будет желать: приобретенное или достигнутое будет только развивать и обострять его потребности, не утоляя их. Быть может, скажут, что деятельность и труд сами по себе приятны? Но для этого надо прежде всего ослепить себя, чтобы не видеть полной бесплодности своих усилий. Затем, чтобы

почувствовать такое удовольствие, чтобы оно могло успокоить и замаскировать неизбежно сопровождающую его болезненную тревогу, бесконечное движение должно, по крайней мере, развиваться вполне свободно, не встречая на своем пути никаких препятствий. Но стоит ему встретиться с какой-нибудь преградой, и ничто тогда не умиротворит и не смягчит сопутствующего ему страдания. Но было бы истинным чудом, если бы человек на своем жизненном пути не встретил ни одного непреодолимого препятствия. При этих условиях связь с жизнью держится на очень тонких нитях, каждую минуту могущих разорваться.

Изменить это положение вещей можно лишь при том условии, если человеческие страсти найдут себе определенный предел. Только в этом случае можно говорить о гармонии между стремлениями и потребностями человека, и только тогда последние могут быть удовлетворены. Но так как внутри индивида нет никакого сдерживающего начала, то оно может исходить только от какой-либо внешней силы. Духовные потребности нуждаются в каком-нибудь регулирующем начале, играющем по отношению к ним ту же роль, какую организм выполняет в сфере физических потребностей. Эта регулирующая сила, конечно, должна быть, в свою очередь, морального характера. Пробуждение сознания нарушило то состояние равновесия, в котором дремало животное, и потому только одно сознание может дать средство к восстановлению этого равновесия. Материальное принуждение в данном случае не может иметь никакого значения; сердце людей нельзя изменить посредством физико-химических сил.

В глазах общества всегда будет казаться несправедливым и возмутительным тот факт, что частное лицо может расточительно потреблять громадные богатства; и, по-видимому, эта нетерпимость к роскоши ослабевает только в эпоху моральных переворотов.

Мы имеем здесь настоящую регламентацию, которая всегда носит юридическую форму и с относительной точностью постоянно фиксирует тот максимум благосостояния, к достижению которого имеет право стремиться каждый класс. Необходимо отметить впрочем, что вся эта социальная лестница отнюдь не есть что-либо неподвижное. По мере того, как растет или падает коллективный доход, меняется и она вместе с переменной моральных идей в обществе. То, что в одну эпоху считается роскошью, в другую оценивается иначе. Материальное благосостояние, признававшееся в течение долгого времени законным уделом одного только класса, поставленного в исключительно счастливые условия, начинает в конце концов казаться совершенно необходимым для всех людей без различия, этим давлением каждый в своей сфере может отдать себе приблизительный отчет в том, до какого предела могут простираться его жизненные требования. Если субъект дисциплинирован и признает над собою коллективный авторитет т.е. обладает здоровой моральной конструкцией, то он чувствует сам, что требования его не должны подниматься выше определенного уровня. Индивидуальные стремления заключены, в этом случае, в определенные рамки и имеют определенную цель, хотя в подобном самоограничении нет ничего обязательного или абсолютного. Экономический идеал, установленный для каждой категории граждан, в известных пределах сохраняет подвиж-

ность и не препятствует свободе желаний; но он не безграничен. Благодаря этому относительному ограничению и обузданию своих желаний, люди могут быть довольны своей участью, сохраняя при этом стремление к лучшему будущему; это чувство удовлетворенности дает начало спокойной, но деятельной радости, которая для индивида точно так же, как и для общества, служит показателем здоровья! Каждый, по крайней мере в общем, примиряется со своим положением и стремится только к тому, на что он может с полным правом надеяться как на нормальную награду за свою деятельность. Человек вовсе не осужден пребывать в неподвижности: перед ним открыты пути к улучшению своего существования, но даже неудачные попытки в этом направлении вовсе не должны влечь за собою полного упадка духа. Индивид привязан к тому, что он имеет, и не может вложить всю свою душу в добывание того, чего у него еще нет; поэтому даже в том случае, если все то новое, к чему он стремится и на что он надеется, обманет его, жизнь не утратит для него всякой ценности. Самое главное и существенное останется при нем. Благополучие его находится в слишком прочном равновесии, чтобы какие-нибудь преходящие неудачи могли его ниспровергнуть.

Конечно, было бы совершенно бесполезно, если бы каждый индивид считал справедливой признанную общественным мнением иерархию функций, не признавая в то же самое время справедливым тот способ, каким рекрутируются исполнители этих функций. Рабочий не может находиться в гармонии со своим социальным положением, если он не убежден в том, что занимает именно то место, которое ему следует занимать. Если он считает себя способным исполнять другую функцию, то его работа не может удовлетворять его. Поэтому недостаточно того, чтобы общественное мнение только регулировало для каждого положения средний уровень потребностей; нужна еще другая, более точная регламентация, которая определила бы, каким образом различные социальные функции должны открываться частным лицам. И действительно, нет такого общества, где не существовала бы подобная регламентация; конечно, она изменяется в зависимости от времени и места. В прежнее время почти исключительным принципом социальной классификации было происхождение; в настоящее время удержалось неравенство по рождению лишь постольку, поскольку оно создается различиями в унаследованных имуществах. Но под этими различными формами вышеупомянутая регламентация имеет всюду дело с одним и тем же объектом. Равным образом, повсюду существование ее возможно только при том условии, что она предписывается индивиду властью высшего авторитета, т.е. авторитета коллективного. Ведь никакая регламентация не может установиться без того, чтобы от тех или других — а чаще всего, и от тех, и от других — членов общества не потребовалось известных уступок и жертв во имя общего блага.

Некоторые авторы думали, правда, что это моральное давление делается излишним, как только исчезнет передача по наследству экономического благосостояния. Если, говорили они, институт наследства будет уничтожен, то каждый человек будет вступать в жизнь с равными средствами, и если борьба

между конкурентами будет начинаться при условии полного равенства, то нельзя будет назвать ее результаты несправедливыми. Все должны будут добровольно признать существующий порядок вещей за должный.

Конечно, не может быть никакого сомнения в том, что, чем больше человеческое общество будет приближаться к этому идеальному равенству, тем меньше будет также и нужды в социальном принуждении. Но весь вопрос заключается здесь только в степени, потому что всегда останется налицо наследственность, или так называемое природное дарование. Умственные способности, вкус, научный, художественный, литературный или промышленный талант, мужество и физическая ловкость даруются нам судьбой вместе с рождением точно так же, как передаваемый по наследству капитал, точно так же, как в прежние времена дворянин получал свой титул и должность. Как и раньше, нужна будет известная моральная дисциплина, для того чтобы люди, обделенные природой в силу случайности своего рождения, примирились со своим худшим положением. Нельзя идти в требования равенства настолько далеко, чтобы утверждать, что раздел должен производиться поровну между всеми, без всякого отличия для более полезных и достойных членов общества. При таком понимании справедливости нужна была бы совершенно особая дисциплина, чтобы выдающаяся индивидуальность могла примириться с тем, что она стоит на одной ступени с посредственными и даже ничтожными общественными элементами.

Но, само собой разумеется, что подобная дисциплина так же, как и в предыдущем случае, только тогда может быть полезной, если подчиненные ей люди признают ее справедливой. Если же она держится только по принуждению и привычке, то мир и гармония существуют в обществе лишь по видимости, смятение и недовольство уже носят в общественном сознании, и близко то время, когда по внешности сдержанные индивидуальные стремления найдут себе выход. Так случилось с Римом и Грецией, когда поколебались те верования, на которых покоилось, с одной стороны, существование патрициата, а с другой - плебса; то же повторилось и в наших современных обществах, когда аристократические предрассудки начали терять свой престиж. Но это состояние потрясения по характеру своему, конечно, исключительно, и оно наступает только тогда, когда общество переживает какой-нибудь болезненный кризис. В нормальное время большинство обыкновенно признает существующий общественный порядок справедливым. Когда мы говорим, что общество нуждается в авторитете, противопоставляющем себя стремлениям частных лиц, то меньше всего мы хотим, чтобы нас поняли в том смысле, что насилие в наших глазах единственный источник порядка. Поскольку такого рода регламентация имеет своей целью сдерживать индивидуальные страсти, постольку источником своим она должна иметь начало, возвышающееся над индивидами, и подчинение ей должно вытекать из уважения, а не из страха.

Итак, ошибается тот, кто утверждает, что человеческая деятельность может быть освобождена от всякой узды. Подобною привилегией на этом свете не может пользоваться никто и ничто, потому что всякое существо, как часть

вселенной, связано с ее остальной частью; природа каждого существа и то, как она проявляется, зависит не только от этого существа, но и от всех остальных существ, которые и являются таким образом для него сдерживающей и регулирующей силой. В этом отношении между каким-нибудь минералом и мыслящим существом вся разница заключается только в степени и форме. Для человека в данном случае характерно то обстоятельство что сдерживающая его узда по природе своей не физического, но морального, т.е. социального свойства. Закон является для него не в виде грубого давления материальной силы, но в образе высшего, и признаваемого им за высшее, коллективного сознания. Большая и лучшая часть жизненных интересов человека выходит за пределы телесных нужд, и потому освобождается от ярма физической природы, но попадает под ярмо общества.

В момент общественной дезорганизации, будет ли она происходить в силу болезненного кризиса или, наоборот, в период благоприятных, но слишком внезапных социальных преобразований, - общество оказывается временно неспособным проявлять нужное воздействие на человека, и в этом мы находим объяснение тех резких повышений кривой самоубийств, которые мы установили выше.

И, действительно, в момент экономических бедствий мы можем наблюдать, как разразившийся кризис влечет за собой известное смещение классов, - в силу которого целый ряд людей оказывается отброшенным в разряд низших социальных категорий. Многие принуждены урезать свои требования, сократить свои привычки и, вообще, приучиться себя сдерживать. По отношению к этим людям вся работа, все плоды социального воздействия пропадают, таким образом, даром, и их моральное воспитание должно начать сызнова. Само собой разумеется, что общество не в состоянии единым махом приучить этих людей к новой жизни, к добавочному самоограничению. В результате, все они не могут примириться со своим ухудшившимся положением; и даже одна перспектива ухудшения становится для них невыносимой; страдания, заставляющие их насильственно прервать изменившуюся жизнь, наступают раньше, чем они успели изведать эту жизнь на опыте.

Но то же самое происходит в том случае, если социальный кризис имеет своим последствием внезапное увеличение общего благосостояния и богатства.

Таким образом, наше основное положение, что социальные факты объективны, - положение, которое мы имели случай установить в нашей другой работе и которое мы считаем принципом социологического метода, - находить в моральной статистике, и в особенности, в статистике самоубийств, новое и особенно демонстративное доказательство. Конечно, оно задевает здравый смысл, но каждый раз, как наука открывала людям существование незнакомой им силы, она встречала недоверие с их стороны. Когда надо изменить систему существующих понятий, для того чтобы очистить место новому порядку вещей и создать новые представления, то умы людей, объятые ленью, неизбежно сопротивляются новизне. И тем не менее, необходимо прийти к какому-нибудь соглашению. Если социология действительно существует, то предметом ее изу-

чения может быть только неизведанный еще мир, не похожий на те миры, которые исследуются другими науками; но этот новый мир будет ничто, если он не будет представлять собою целой системы реальностей.

Но именно потому, что это представление наталкивается на традиционные предрассудки, оно подняло ряд возражений, на которые нам необходимо ответить.

Во-первых, оно предполагает, что коллективные мысли и наклонности другого происхождения, чем индивидуальные, и что у первых существуют такие черты, которых нет у вторых. Но как же это возможно, если общество состоит только из индивидов? На это можно ответить, что в живой природе нет ничего такого, чего бы не встречалось в мертвой материи, потому что клеточка состоит исключительно из атомов, которые не живут. Точно также совершенно верно, что общество не включает в себя никакой другой действующей силы, кроме силы индивидов, и однако эти индивиды, соединяясь, образуют психическое существо нового типа, которое, таким образом, обладает своим собственным способом думать и чувствовать. Конечно, элементарные свойства, из которых складывается социальный факт, в зародышевом состоянии заключаются в частных умах. Но социальный факт получается из них только тогда, когда они преобразованы путем сочетания, ибо он проявляется исключительно при этом условии. Сочетание само является активным фактором, производящим специфические результаты; и следовательно, оно, как таковое, есть уже нечто новое. Когда сознания, вместо того, чтобы оставаться изолированными одно от другого, группируются и комбинируются, то это знаменует собой некоторую перемену в мире. И вполне естественно, что это изменение в свою очередь производит другие изменения, что этот новый факт порождает другие новые факты, что возникают, наконец, явления, характерные черты которых отсутствуют в элементах, их составляющих.

Только одним способом можно оспорить это положение: это - допустить, что целое качественно-тождественно с совокупностью своих частей, что результат качественно сводим к совокупности породивших его причин; а это привело бы к тому, что пришлось бы отрицать всякое изменение, или признать его необъяснимым. Между тем, некоторые ученые не остановились перед защитой этого крайнего тезиса; но для его обоснования нашлись только два поистине необычайных аргумента. Говорили, во-первых, что «в силу странной привилегии, мы располагаем в социологии интимным познанием как единичного элемента, который есть наше индивидуальное сознание, так и того сложного образования, которым является совокупность отдельных сознаний»; во-вторых, утверждали, будто, в силу этой двойной интуиции, мы можем ясно констатировать, что по удалении всех индивидуумов общество обращается в ничто».

Первое утверждение является смелым отрицанием всей современной психологии. В настоящее время все ученые согласны с тем, что психическая жизнь не может быть познана с первого взгляда, что она, наоборот, имеет глубокую подпочву, куда не может проникнуть интимное самонаблюдение и которую мы постигаем только мало-помалу, путем обходных и сложных приемов,

аналогичных тем, которые употребляет наука по отношению к внешнему миру. Таким образом, нельзя сказать, что природа сознания не представляет уже более для нас никаких тайн. Что же касается второго положения, то оно совершенно произвольно. Автор может уверять, что, согласно его личному впечатлению, в обществе нет ничего реального, кроме того, что происходит от индивида, но для поддержки этого утверждения нельзя выдвинуть никаких доказательств, и, следовательно, всякий спор на эту тему невозможен. И как легко, в противовес этому чувству, было бы выставить другое, противоположное чувство большого числа людей, которые представляют себе общество не как форму, которую самопроизвольно принимает природа индивида, выходя за свои собственные пределы, но как противодействующую ей силу, которая ограничивает индивидов и против которой они направляют свои силы. И, наконец, что можно сказать об этой интуиции, посредством которой, мы якобы прямо и непосредственно знакомимся не только с элементом, т.е. с индивидом, но и с их соединением, т.е. с обществом? Если, действительно, достаточно только открыть глаза и быть внимательным, чтобы тотчас же заметить законы социального мира, то социология оказалась бы лишней или, по крайней мере, очень простой. К несчастью, факты слишком ясно доказывают, как не компетентно сознание по отношению в этом деле. Никогда оно само по себе, без всякого воздействия извне, не могло бы даже заподозрить той железной закономерности, которая ежегодно и в одном и том же количестве воспроизводит определенное число демографических явлений. И уже само собой разумеется, сознание, предоставленное своим собственным силам, не в состоянии открыть причины этой закономерности.

Без сомнения, типы самоубийства, наблюдавшиеся в эти отдаленные эпохи частью исчезли; но это исчезновение должно было бы облегчить немного нашу ежегодную дань, и тем более удивительно, что эта дань делается все более и более тяжелой.

Поэтому, можно думать, что увеличение вытекает не из существа прогресса, а из особых условий, в которых осуществляется прогресс в наше время, и ничто не доказывает нам, что эти условия нормальны. Ибо не нужно ослепляться блестящим развитием наук, искусств и промышленности, свидетелями которого мы являемся. Нельзя отрицать, что оно совершается среди болезненного возбуждения печальные последствия которого ощущает каждый из нас. Поэтому очень возможно и даже вероятно, что прогрессивное увеличение числа самоубийств происходит от патологического состояния, сопровождающего теперь ход цивилизации но не являющегося его необходимым условием.

Быстрота, с которой возрастало число самоубийств, не допускает даже другой гипотезы. В самом деле менее, чем за 50 лет, оно утроилось, учетверилось, даже упятерилось, смотря по стране.

С другой стороны, мы знаем, что самоубийства вытекают из самых существенных элементов в строении общества, так как они выражают собою темперамент, а темперамент народов, как и отдельных лиц, отражает самое основное в состоянии организма.

Наша социальная организация должна была глубоко измениться в тече-

ние этого столетия для того, чтобы быть в состоянии вызвать подобное увеличение процента самоубийств. И невозможно, чтобы столь важное и столь быстрое изменение не было болезненным явлением; ибо общество не в состоянии с такой внезапностью изменить свою структуру. Только вследствие медленных и почти нечувствительных перемен может оно приобрести иной характер. Да и возможные изменения ограничены в своих размерах. Раз социальный тип получил окончательную форму, он не обладает безграничной пластичностью; быстро достигается известный предел, который нельзя перейти. Поэтому не могут быть нормальными и те изменения, наличие которых предполагает статистика современных самоубийств. Не зная даже точно, в чем они состоят, можно заранее утверждать, что они вытекают не из нормальной эволюции, а из болезненного потрясения, сумевшего подорвать корни прежних установлений, но оказавшегося не в силах заменить их чем-нибудь новым; и не в короткий промежуток времени можно восстановить работу веков. Растущий прилив добровольных смертей зависит, следовательно, не от увеличения блеска нашей цивилизации, а от состояния кризиса и ломки, которые, продолжаясь, не могут не внушать опасений.

К этим разного рода доводам можно прибавить и еще один довод. Если истинно положение, что при нормальных условиях коллективная печать имеет свое определенное место в жизни общества, то обыкновенно она не носит настолько интенсивного и всеобщего характера, чтобы быть в состоянии проникать до высших центров социального тела. Она остается на положении подсознательного настроения, которое смутно ощущается коллективным субъектом, действию которого этот субъект, следовательно, подчиняется, но в котором он не отдает себе ясного отчета. По крайней мере, этому неопределенному настроению удастся овладевать общественным сознанием лишь в форме частичных и прерывистых вспышек. И выражается это настроение, главным образом, в виде отрывочных суждений, изолированных положений, не связанных друг с другом, могущих, вопреки их абсолютной форме, отразить лишь одну какую-нибудь сторону действительности, воспринимая в себя поправки и дополнения из сферы постулатов противоположного характера. Из этого источника и истекают все те меланхолические афоризмы, все те пословицы, направленные на осуждение жизни, в которых иногда проявляется народная мудрость. Но они встречаются не в большем количестве, чем противоположные им по духу поговорки. Они выражают, очевидно, мимолетные впечатления, лишь проходящие через поле сознания, но не занимающие его целиком. И только в тех случаях, когда подобные чувства приобретают исключительную силу, они начинают занимать общественное внимание в такой мере, что их можно разглядеть в их целом, в полном и систематическом согласовании друг с другом, - и тогда они делаются основой для всей философии жизни. В самом деле, в Риме и в Греции проникнутые отчаянием теории Эпикура и Зенона появились лишь тогда, когда общество почувствовало себя серьезно больным. Образование этих великих систем было, следовательно, признаком того, что пессимистическое настроение достигло ненормально больших размеров, вследствие каких-то пертурбаций в

социальном организме. А ведь сколько таких теорий имеется в наше время. Для верного представления об их численности и значении недостаточно принимать во внимание лишь философские системы, носящие официально пессимистический характер, вроде учений Шопенгауэра, Гартмана и т.д. Нужно считаться и со всеми теориями, которые, под различными именами, являлись предшественницами этого направления. Анархист, эстет, мистик, социалист-революционер, если они без отчаяния смотрят на будущее, все-таки подают руку пессимисту в одном и том же чувстве ненависти или презрения ко всему существующему, в одной и той же потребности разрушения действительности или удаления от нее. Если бы общественное сознание не приняло болезненного направления, мы бы не имели такого подъема коллективной меланхолии и, следовательно, развитие самоубийств, вытекающее из этого же состояния общественного сознания, имеет также болезненный характер.

Итак, все доводы в полном согласии между собой говорят нам, что непомерное возрастание добровольных смертей, имеющее место за последнее столетие, нужно рассматривать как патологическое явление, становящееся с каждым днем все опаснее. К каким же средствам нужно прибегнуть для борьбы с ним?

Некоторые авторы рекомендуют восстановить угрозу наказаний, которые некогда были в ходу.

Мы охотно допускаем, что наша современная снисходительность по отношению к самоубийству заходит слишком далеко. Так как оно оскорбляет нравственное чувство, то его следовало бы отвергать с большей энергией и с большей определенностью, и что порицание должно было бы выражаться во внешних и точных формах, т.е. в форме наказаний. Ослабление нашей репрессивной системы в этом пункте есть явление аномальное. Но с другой стороны, наказания, сколько-нибудь суровые, невозможны: общественное сознание их не допустит. Ибо самоубийство, как мы видели, родственно настоящим добродетелям и является только их преувеличенной формой. Общественное мнение, поэтому, далеко не единогласно в своем сужде над ним. Так как самоубийство до известной степени связано с чувствами, которые общество уважает, то оно не может порицать его без оговорок и без колебаний. Этим объясняется вечное возобновление спора между теоретиками по вопросу о том, противно ли самоубийство морали или нет. Так как самоубийство непрерывным рядом промежуточных степеней связано с актами, которые мораль одобряет или терпит, то нет ничего удивительного, что ему иногда приписывали одинаковый с этими актами характер и что предлагали относиться к нему с тою же терпимостью. Подобное колебание лишь чрезвычайно редко проявляется по отношению к убийству или к краже, потому что здесь демаркационная линия проведена более резко. Кроме того, один тот факт, что жертва пресекла свою жизнь, внушает, несмотря ни на что, слишком большую жалость, чтобы порицание могло быть беспощадным.

По всем этим соображениям, установить можно было бы лишь чисто моральные наказания. Единственное, что возможно, это - лишить самоубийцу

почестей правильного погребения, лишить покушавшегося на самоубийство некоторых гражданских, политических или семейных прав, например, некоторых родительских прав или права быть избранным на общественные должности. Общественное мнение, нам кажется, легко согласится на то, чтоб человек, пытавшийся уйти от главных своих обязанностей, пострадал в соответственных правах. Но как бы ни были законны эти меры, они никогда не будут иметь решающего влияния. Было бы ребячеством думать, что они в силах остановить такое сильное течение.

К тому же, сами по себе эти меры не коснулись бы корней зла. В самом деле если мы отказались запретить законом самоубийство, это значит, что мы слишком слабо чувствуем его безнравственность. Мы даем ему развиваться на свободе, потому что оно не возмущает нас в такой степени, как это было когда-то. Но никакими законодательными мерами не удастся, конечно, пробудить нашу моральную чувствительность. Не от законодателя зависит, что тот или иной факт кажется нам морально возмутительным или нет. Когда закон воспрещает акты, которые общественное мнение находит невинными, то нас возмущает закон, а не наказуемое деяние. Наша чрезмерная терпимость по отношению к самоубийству объясняется тем, что порождающее его душевное настроение стало общим, и мы не можем его осуждать, не осуждая самих себя. Мы слишком им пропитаны, чтоб хоть отчасти не прощать его. Но в таком случае, единственное для нас средство стать более суровыми, это - воздействовать непосредственно на пессимистический поток, ввести его в нормальные берега и не давать ему из них выходить, вырвать общественную совесть из-под его влияния и укрепить ее. Когда она вновь обретет свою моральную точку опоры, она подобающим образом будет реагировать на все, что ее оскорбляет. Не нужно будет изобретать системы репрессивных мер, - эта система установится сама собой под давлением потребностей. А до тех пор она будет искусственной и, следовательно, бесполезной.

Не является ли, однако, воспитание самым верным средством достигнуть этого результата? Так как оно дает возможность воздействовать на характеры, то не может ли оно сделать их более мужественными и, следовательно, менее снисходительными к людям, теряющим мужество? Так думал Морселли. По его мнению, все профилактическое лечение самоубийства выражается следующей формулой: «Развивать у человека способность координировать свои идеи и свои чувства, чтоб он был в состоянии преследовать определенную цель в жизни; словом, дать моральному характеру силу и энергию». К тому же заключению приходит мыслитель совсем другой школы: «Как подрезать самоубийство в корне», спрашивает Франк. «Совершенствуя великое дело воспитания: развивая не только умы, но и характеры, не только идеи, но и убеждения», - отвечает он.

Но это значит - приписывать воспитанию власть, какой оно не имеет. Оно не больше, как образ и подобие общества. Оно подражает ему, его воспроизводит, но не создает его. Воспитание бывает здоровым, когда сами народы в здоровом состоянии. Но оно портится вместе с ними и не может измениться

собственной силой. Если моральная среда испорчена, то и сами воспитатели, живущие в этой среде, не могут не быть пропитаны той же порчей. Как же они могут дать тем характерам, которые они формируют, иное направление, отличное от того, какое сами получили? Каждое новое поколение воспитывается предшествующим поколением; следовательно, данному поколению надо самому исправиться, чтоб исправить следующее поколение. Это заколдованный круг. Возможно, конечно, что от времени до времени появляется человек, который по своим идеям и стремлениям опережает современников, но не при помощи отдельных личностей пересоздается моральный строй народов. Нам, конечно, хотелось бы верить, что одного красноречивого голоса может быть достаточно, чтобы претворить как бы чудом социальную материю, но здесь, как и повсюду, ничего не выходит из ничего. Самая великая энергия не может извлечь из небытия силы, которых нет и неудачи опыта всякий раз рассеивают эти детские иллюзии. Впрочем, если бы даже путем невысказанного чуда и удалось создать какую-нибудь педагогическую систему, которая расходилась бы с социальной системой, то она была бы бесплодна, и именно по причине этого расхождения. Если коллективная организация, создающая моральную атмосферу, которую хотят рассеять, продолжает существовать по-прежнему, то ребенок не может не подпасть под ее влияние с той минуты, когда он придет с ней в соприкосновение. Искусственная школьная среда не может предохранить его надолго. По мере того, как реальная жизнь охватит его все больше и больше, она разрушит работу воспитателя. Итак, воспитание может реформироваться лишь тогда, когда реформируется само общество. А для этого необходимо уничтожить самые причины того зла, которым оно страдает.

Мы знаем эти причины. Мы определили их, когда указали, каким источником питаются течения, несущие с собой самоубийства. Среди этих течений есть, однако, одно, которое, несомненно, ничем не повинно в современном усилении числа самоубийства: это - течение альтруистическое. В самом деле, в настоящее время оно, скорее, теряет силу, чем выигрывает, и наблюдать его можно главным образом в низших обществах. Если оно еще удерживается в армии, то и там его интенсивность не представляет ничего аномального. До известной степени оно необходимо для поддержания военного духа, но даже и там оно все больше и больше идет на убыль. Остается только эгоистическое самоубийство и самоубийство анемичное, развитие которых можно считать ненормальным, и только на этих двух формах нам необходимо сосредоточить свое внимание.

Эгоистическое самоубийство является результатом того, что общество не сохранило достаточной цельности во всех своих частях, чтоб удержать всех членов под своею властью. Если этот разряд самоубийств слишком усилился, это значит, что и то состояние общества, которым оно вызывается, чересчур усилилось, что слишком много членов слишком часто ускользают из-под власти расстроенного и ослабевшего общества. А потому единственное средство помочь злу - это сделать социальные группы снова достаточно сплоченными, чтобы они крепче держали индивида и чтоб индивид крепче держался за них. Нужно, чтоб они сильнее чувствовали свою солидарность с коллективным су-

ществом, которое предшествует ему по времени, которое переживет его, которое окружает его со всех сторон. При этом условии он перестает искать в себе самую единственную цель своей Деятельности, и, поняв, что он орудие для достижения цели, которая лежит выше ^{его}, он поймет также, что он имеет известное значение. Жизнь снова приобретает смысл в его глазах, потому что она вновь найдет свою естественную цель и свое естественное направление. Но какие группы всего более способны непрерывно толкать человека к этому спасительному чувству солидарности?

Неполитическое общество. Особенно в настоящее время, в наших огромных новейших государствах оно слишком далеко стоит от личности, чтоб с достаточной последовательностью серьезно влиять на нее. Какова бы ни была связь между нашей повседневной работой и совокупностью общественной жизни, они слишком косвенного свойства, чтоб ощущаться нами непрерывно и отчетливо. Лишь в тех случаях, когда затронуты крупные интересы, мы живо чувствуем свою зависимость от политического коллектива. Конечно, у тех, которые составляют моральный цвет населения, редко бывает, чтоб совершенно отсутствовала идея отечества, но в обычное время она остается в полумраке, в состоянии смутного представления, а бывает, что она и совсем затмевается. Нужны исключительные обстоятельства какой-нибудь крупный политический или социальный кризис, чтоб она выступила на первый план, овладела умами и стала направляющим двигателем поведения. Но не такое, редко проявляющееся воздействие, может сыграть роль постоянного тормоза для склонности к самоубийству. Необходимо, чтоб не изредка только, но в каждый момент своей жизни индивид сознавал, что его деятельность имеет цель, чтоб его существование не казалось ему пустым, он постоянно должен видеть, что жизнь его служит цели, которая непосредственно его касается. Но это возможно лишь в том случае, когда более простая и менее обширная социальная среда теснее окружает его и предлагает более близкую цель его деятельности.

Религиозное общество также непригодно для этой функции. Мы не хотим конечно, сказать, чтоб оно в известных условиях не могло оказывать благотворного влияния; но дело в том, что условий, необходимых для этого влияния, нет теперь в наличности. В самом деле, оно предохраняет от самоубийства лишь в том случае, когда оно, это религиозное общество, обладает могучей организацией, плотно охватывающей индивида. Так как католическая религия налагает на верующих обширную систему догматов и обрядов и проникает таким образом во все подробности их существования, даже их мирской жизни, она сильнее привязывает их к жизни, чем протестантизм. Католик меньше подвергается возможности забыть о своей связи с вероисповедной группой, потому что эта группа ежеминутно ему напоминает о себе в форме императивных предписаний, которые касаются самых различных сторон жизни. Ему не приходится с тоской спрашивать себя, куда ведут его поступки; он все их относит к Богу, потому что они большей частью регулируются Богом, т.е. Его воплощением - церковью, и, так как считается, что эти предписания исходят от власти сверхчеловеческой, человеческий разум не имеет права их касать-

ся. Было бы грубым противоречием приписывать им подобное происхождение и в то же время разрешить свободную критику. И так религия ослабляет склонность к самоубийству лишь в той мере, в какой она мешает человеку свободно мыслить. Но подобное ограничение индивидуального разума в настоящее время дело трудное и с каждым днем становится труднее. Оно оскорбляет наши самые дорогие чувства. Мы все больше и больше отказываемся допускать, чтоб можно было указать границы разуму и сказать ему: дальше ты не пойдешь. И движение это началось не со вчерашнего дня: история человеческого духа есть в то же время история развития свободной мысли. Было бы ребячеством пытаться остановить движение, явно неудержимое. Если только современные обширные общества не разложатся безвозвратно и мы не возвратимся к маленьким социальным группам былых времен, т.е. если только человечество не возвратится к своему отправному пункту, религии больше не в силах будут оказывать очень обширного или очень грубого влияния на умы. Это не значит, что не будут основываться новых религий. Но единственно жизненными будут те, которые отведут свободному исследованию и индивидуальной инициативе еще больше места, чем даже самые либеральные протестантские секты. И именно поэтому они не будут оказывать на своих членов того сильного давления, какое необходимо, чтоб поставить преграду самоубийству.

Если многие писатели видели в восстановлении религии единственное лекарство против зла, то это объясняется тем, что они ошибались на счет источников ее власти. Они сводят почти всю религию к известному числу высоких мыслей и благородных правил, с которыми, в конце концов, мог бы примириться и рационализм, и думают, что достаточно было бы укрепить их в сердце и уме людей, что предупредить их моральное падение. Но они ошибаются как относительно того, что составляет сущность религии, так - и в особенности - относительно причин иммунитета, который религия иногда давала против самоубийств. Она достигала этого не тем, что поддерживала в человеке какое-то смутное чувство чего-то таинственного и непостижимого, но тем, что подвергала его поведение и мысль суровой дисциплине во всех мелочах. Когда же она является только символическим идеализмом, только философией, переданной по традиции, но которую можно оспаривать и которая более или менее чужда нашим повседневным занятиям, ей трудно иметь на нас большое влияние. Божество, которое своим величием поставлено вне мира и всего мирского, не может служить целью нашей мирской деятельности, и она оказывается без цели. Слишком много вещей стоят в этом случае вне связи с Божеством, для того, чтобы оно могло дать смысл жизни. Предоставив нам мир, как не достойный его, оно тем самым предоставило нас самим себе во всем, что касается жизни мира. Не при помощи размышлений об окружающих нас тайнах и даже не при помощи веры в существо всемогущее, но бесконечно от нас далекое и требующее от нас отчета лишь в неопределенном будущем, можно помешать людям кончать с жизнью. Словом, мы предохранены от самоубийства лишь в той мере, в какой мы социализованы. Религии могут нас социализовать лишь в той мере, в какой они лишают нас права свободного исследования. Но они больше не

имеют и, по всей вероятности, никогда больше не будут иметь в наших глазах достаточно авторитета, чтоб добиться от нас подобной жертвы.

Хрестоматия

СОЦИОЛОГИЯ

Составитель
кандидат социологических наук
Гаврилин Сергей Александрович

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 0440 от 22.12.06 г.

Подписано в печать _____ г. Формат 60x90¹/₁₆.

Учет.-изд.л. – _____. Тираж _____. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ.
302027, г. Орел, Игнатова, 2.